

Гася Тараканова

Понаданка

В СТРАНЕ ДРАКОНОВ

Я попала в страну драконов не случайно. Это мир без магии, как утверждают его жители. Они или ошибаются, или искусно врут, потому что этот мир пропитан магией. И драконы — первые магические существа, которые живут бок о бок с людьми. Я попаданка, поэтому не чувствую то, к чему за много веков привыкли местные жители. Мне приходится скрывать свою природу, чтобы власти не порезали меня на ленточки. В парня, который первым встретил меня, я влюбилась. Дракон, который поднял меня в небо, мой самый надёжный друг. Когда на меня откроют охоту, рядом будут они: мой герой и мой дракон.

Пролог

В комнате с низким потолком и маленькими окошками было темно. Только одинокая свеча на приземистом столе тускло освещала пространство. В ее неровном свете можно увидеть две фигуры: худощавого сгорбленного старика и круглое существо ростом чуть выше метра. Круглым оно казалось потому, что голова и туловище у него почти сливались друг с другом, соединяясь короткой шеей.

С первого взгляда понятно, что эти два человека — ровесники. Кругляш восседал на деревянном резном стуле, в то время как старик, ссутулившись, сидел прямо на полу. Любой, кто сейчас заглянул бы на огонек, смог бы безошибочно определить, где хозяин, а где гость.

За окном жалобно закричала ночная птица, ей в ответ ухнула другая. Серый пес с голубыми глазами, лежавший у ног старика, вскочил, залаял, глядя в слюдяное оконце.

— Фу, Лимо. Место! — произнес старик, подслеповато всматриваясь во тьму за окном.

Пес вновь улегся на пол, положив голову на лапы. Похоже, разговор не клеился, старики сидели, погружившись каждый в свои мысли. Привычным движением руки смахнув слезу, сверкнувшую в уголке глаза, гость решил продолжить разговор:

— Зарх, неужели ничего нельзя изменить?

— Не беспокойся, у нас здесь тихо, — негромко проговорил кругляш неожиданно низким певучим голосом, который трудно предположить у такого небольшого существа.

Зарх — так звали кругляша — вытащил из недр своего одеяния серый льняной мешочек, потряс его, перемешивая содержимое, неспешно запустил туда руку, запястье которой было обмотано амулетами, вытащил несколько рун, бросил на стол, всмотрелся в символы.

— Опять то же самое, Никандр. Дорога.

Кругляш, собрав руны, отправил их обратно в мешок.

— Зарх, что мне делать? Я не могу просто сидеть и ждать.

— Время как будто еще есть.

— Никто не знает, сколько его осталось, — протяжно вздохнул старик.

Пес, как будто почувствовав настроение хозяина, поднял голову, наострив уши. Кругляш неторопливо бросил еще несколько рун и нахмурился. Похоже, ему не понравилось то, что он увидел, и рука снова скользнула в мешок, на столе появились новые руны.

От взгляда на них кругляш пошел красными пятнами, губы его безмолвно зашевелились, глаза заблестели, дыхание сбилось. Руны указали, что волшебный цветок кругляшей получит человек, связанный с Никандром.

Сам Никандр, ничего не замечая, сидел в той же позе, поглаживая Лимо. Но пес, не мигая, следил за прорицателем. Тело собаки напряглось, инстинкт сработал раньше команды хозяина, животное было готово к бою.

— Тебе пора идти, — сквозь зубы процедил кругляш, стараясь не смотреть в лицо старику.

— В чём дело, Зарх? — Никандр будто очнулся от спячки.

— Уже поздно, — угрюмо пробормотал прорицатель.

— Ты что-то увидел? — старик не мог взять в толк, почему кругляш переменялся до неузнаваемости.

Зарх взглянул исподлобья. Перед ним сидел его давний друг, но то, что предрекали руны, навсегда должно разъединить их. Зарх не мог допустить, чтобы цветок получил человек.

— Больше не приходи, — медленно, с трудом, словно задыхаясь, проговорил кругляш.

Лимо вскочил, уставился на прорицателя немигающим взглядом, шерсть на холке встала дыбом. Старик поднялся на ноги, схватил собаку за шкуру, и, пятясь, чтобы не поворачиваться к Зарху спиной, двинулся к выходу. Лимо, оскалив зубы, злобно рычал. В комнате стало трудно дышать, воздух наэлектризовался, от свечи посыпались искры, огонь заколыхался, по стенам метнулись мрачные тени, за окном закричала птица.

— Прощай, Зарх, — произнес старик. В голосе прозвучала глубокая печаль, он понял, что они расстаются навсегда. Кругляш не ответил, тяжесть знания сковала его уста. Это означало одно: обратного хода не будет, старый друг никогда не появится на пороге этого дома.

Кругляши как зеницу ока хранили тайну цветка. Люди не должны узнать о нём.

Никандр протиснулся в проем, таща за собой собаку. Дверь захлопнулась. Никандр тяжело привалился к стене дома, ноги его не держали. Неминуемая опасность возникла, как молния на грозовом небе. Страх мгновенно отозвался в теле старика, скрутив его болью. Никандр был уверен: без причины Зарх не прогнал бы его, они знали друг друга много лет. Прорицатель увидел будущее, которое его ужаснуло и потрясло. Предначертание было связано с Никандром. Но как старик мог навредить кругляшам?

— Только бы хватило сил, — пробормотал Никандр и, сгорбившись, шагнул в темноту. — Я должен спасти внука.

Собака бежала рядом с хозяином.

Глава 1. Знакомство

Опять это бесцеремонное покушение на свободу! Такой чудесный летний день, а надо сварить целое ведро грибов, купленное накануне бабушкой. А как же планы удрать на улицу к ребятам, которые уже собрались на площадке? Из открытого окна долетали голоса, смех и брэнчание гитары.

Соня торопливо мыла грибы в раковине под струей воды. Ой! По скользкой шляпке гриба, убегая от потопа, метался муравей. Сигнал SOS был принят незамедлительно терпящий бедствие резво взбежал на протянутую руку помощи.

Ших! Высунувшись из окна, Соня дунула на ладонь, и муравей полетел с головокружительной высоты первого этажа. Операцию пришлось повторить еще с тремя его собратьями и крошечным красным паучком — таким легким, что, когда Соня стряхнула его сладони, он уплыл по воздуху, подхваченный летним ветерком. Проводив его взглядом, девушка опять метнулась к раковине — и упала, поскользнувшись на мокрой плитке. Пока стонала, терла коленку и жалела себя, остальные муравьи разбежались. Хватит, благотворительности! Как попало Соня домыла грибы, успокаивая себя тем, что больше ни

одного недотёпы в раковине не осталось.

Нужно было ещё сварить эти надоедливые грибы. Не успела снять кастрюлю с плиты, как возникло ещё одно препятствие.

Кот Барсик, красавчик со стальным характером, громким «мяу» заявил, что проголодался. На докторскую колбасу он отреагировал как кронпринц [1] на пареную репу. Кот изволил кушать только сухой корм, мясо и вареную рыбу. На кухне ничего из его меню не оказалось. Барсик сурово глядел на девушку. Ни на что другое, кроме своих любимых блюд, он не соглашался.

— И ты на мою голову. — проворчала Соня.

Проигнорировать пушистого тирана, подобранного пару лет назад около помойки, не получалось никогда. Повелительный мяв повторился.

— Зануда.

Соня натянула любимые джинсы с заплатками, поверх футболки ветровку, сунула ноги в кроссовки, взяла кошелек и побежала в магазин. На улице весело светило солнце. Помахав ребятам на площадке, она побежала знакомым маршрутом, слегка подпрыгивая, напевая под нос только что сочиненную песенку:

— Он очень хочет кушать, его не переспорить, когда его научат, со мной не надо спорить.

Если бы не люди на улице, её пританцовывания могли оказаться более энергичными. В хорошем настроении девчонку всегда тянуло потанцевать под собственное бу — бу — бу.

У Сони Снегирёвой, школьницы семнадцати лет были русые волнистые волосы, выразительные серо-зеленые глаза, милая улыбка и ужасная особенность — катастрофическая особенность (так считала она сама). При малейшей неловкости она краснела, заливаясь румянцем во всё лицо. Смутить её могло что угодно, но особенно выводило из себя внимание к собственной персоне. Соня предпочитала быть незаметной наблюдательницей, скромно прячась за спины других. В своем классе она имела репутацию бесконфликтной девушки, которая никому не доставляла хлопот. При таком раскладе жизнь в небольшом городке Поваринске с мамой и бабушкой представлялась ей весьма счастливой.

Держа в руках пакет с кормом для Барсика, Соня вышла из магазина и почти сразу натолкнулась на большую серую собаку. Псина с необычными голубыми глазами сидела неподалёку от входа и внимательно следила за прохожими, ловя взгляд хоть одного милосердного человечка. Сонины глаза встретились с глазами бездомного животного. Да и как могло быть иначе? Спасительница муравьев никогда бы не прошла мимо одинокого голодного пёсика.

Девушка осторожно приблизилась к собаке, чтобы невзначай, не напугать её. Дворняжки обычно вели себя очень осторожно, но серая собака маневр незнакомки одобрила, слегка вильнув хвостом.

— Ты голодная, да? Есть хочешь? Никто тебя не пожалеет, — уси-пуси у Сони получались такие мимишные.

Собака склонила голову, соглашаясь со словами девушки, взгляд голубых глаз стал еще пронзительнее.

— Какая хорошая! — Соня почувствовала себя спасительницей второй раз за утро, разорвала пакет с кошачьим кормом и насыпала горку перед собакой. Та понюхала и вновь подняла на незнакомку грустную морду.

— Ах, ты тоже привереда? Что же тебе дать?

Собака, не отрываясь следила за рукой, слегка помахивая хвостом. Из кармана появились ключи, следом заваливаясь конфета. Собака шагнула вперед.

— Ты у нас сладкоежка? — Соня обрадовалась и стала разворачивать фантик.

Собака ткнулась носом в руку, выдернула ключи из ладони и побежала прочь. Вот тебе и миленькая собачка! Как же Соня попадёт домой без ключей? Там же Барсик и вообще...

— Стой, отдай!

Второпях затолкав ополовиненную пачку корма в карман ветровки, Соня бросилась вслед за наглой псиной.

Она даже не предполагала, что погоня может так затянуться. Никак не удавалось догнать собаку, которая ходко трусила впереди, изредка оборачиваясь на преследовательницу, будто бы вела за собой.

Навстречу попался одноклассник Лёха, Соня на бегу бросила:

— Собака ключи утащила.

Лёха понимающе кивнул. Весь класс знал Сонину слабость: она обожала животных. Парень совсем не удивился, увидев одноклассницу, мчавшуюся на всех парах за дворнягой.

Казалось, что воришка близко, но внезапно та нырнула в открытый подъезд старого деревянного двухэтажного дома. В пылу погони Соня даже не поняла, как оказалась здесь. Медлить нельзя — девушка бросилась в подъезд.

Собака взбежала на второй этаж, приостановилась, толкнула лапой одну из дверей на площадке и исчезла в квартире. Разъяренная преследованием Соня была тут как тут, но перед ветхой дверью, обитой облезлым коричневым дерматином, её воинственный пыл мгновенно угас. Только теперь она почувствовала, как запыхалась, да к тому же резко закололо в боку. Надо сделать передышку и успокоиться. Соня согнулась пополам, опёрлась руками о коленки, стараясь выровнять дыхание.

Но успокоиться не удалось. Столько мыслей разом полезли в голову, у неё даже лоб вспотел. Переступить порог чужой квартиры подобно прыжку в ледяную полыню. Панический ужас сковал мышцы, девушка беспомощно застыла перед дверью. Что она творит? С головой дружит? Собака словно специально заманивала её в незнакомое жилище.

Но ключи! Их надо вернуть.

Вытерев мокрый лоб дрожащей рукой, Соня повторно осмотрела дверь. В таких квартирах она пару раз бывала, здесь обыкновенно жили милые старушки, кормившие во дворах голубей и кошек. В подъезде было тихо, в запыленное окно над лестницей с гудением билась толстая муха, а Соня всё стояла и стояла, не зная, на что решиться. Немного помедлив, была — не была, толкнула дверь и заглянула внутрь.

Соня ожидала увидеть маленькую прихожую, забитую старыми вещами и пропахшую кошачьей мочой, но перед ней был довольно узкий длинный коридор, ведущий в комнату с полуоткрытой дверью. Пол выложен темной, почерневшей от времени мозаикой, а стены... Удивительные стены — сложенные из тесаных крупных камней, такие, наверное, можно увидеть в старинных замках. Как такое может быть в маленькой квартире деревянного дома? Девушка оглянулась, будто собираясь спросить кого-то о таком явном несоответствии, но на площадке никого не было.

Постояв на пороге еще немного и успокоив вновь сбившееся дыхание, шагнула внутрь, краем глаза уловила движение в настенном зеркале, вздрогнула от неожиданности и отшатнулась. На противоположной стене, как паучиха в предвкушении добычи, притаилась массивная кованая вешалка, которую Соня сразу не заметила. Вешалка не подавала

признаков жизни. Да уж, у страха глаза велики.

Стараясь не дышать и не топтать, сделала несколько несмелых шагов. Прислушалась. Ни звука. Шаг вперед. Тишина. Комната в конце коридора как магнитом притягивала к себе. И этот необычный приятный запах...., ей почудились в нем ароматы цветущего сада. Диковинная квартира таила в себе сюрпризы. В комнате в конце коридора явственно звякнули ключи — наверное, псина бросила их на пол.

Когда Соня медленно прошла большую часть пути, из комнаты с лаем выбежала собака и бросилась к выходу из квартиры, заставив девушку прижаться к холодной стене. Воровка промчалась мимо и исчезла за дверью. Соня переждала, пока ухнувшее вниз сердце перестанет трепыхаться, а потом снова на цыпочках двинулась вперед. Уже близко. Еще один шаг — и она у цели.

Кажется, в комнате никого. Старомодные стулья, темное бюро, стенные часы в деревянном футляре, низкая тахта... всё, как из музея. Ключи лежали в центре комнаты на полу. Несколько быстрых шагов... схватить ключи и быстрее назад. С ключами в руке Соня попятилась и тут же спиной наткнулась на препятствие — явно живое!

Громкий визг, с которым она отскочила в сторону, оглушил даже её саму. На самом деле Соня никак не могла перестать визжать, хотя человек, на которого она налетела, просто молча смотрел на неё.

Его взгляд выражал смесь изумления и тревоги, но угрозы или затаенной агрессии в нем не было. Соне вдруг стало неловко, и она умолкла столь же внезапно, как закричала.

Всё-таки она паникерша. Перед ней стоял всего лишь парень лет восемнадцати. Высокий, темноволосый, голубоглазый. Его можно было бы назвать симпатичным, но колючий пристальный взгляд портил всё впечатление. Не в силах пошевелиться Соня застыла, хотя сознание четко фиксировало все детали. Парень был в светлой просторной рубаше с широкими рукавами, кожаной жилетке с ажурным тиснением и темных брюках, штанины которых были заправлены в мягкие сапоги. Одевание незнакомца выглядело чудно, но удивительным образом сочеталось с обстановкой жилища.

Некоторое время Соня безмолвно разглядывала незнакомца — и вдруг поняла, что он тоже весьма пристально рассматривает её. От столь опасного любопытства она очнулась, будто вынырнув из глубины на поверхность. Лицо Сони стремительно покраснело. Борясь с паникой, она постаралась напустить на себя неприступный вид. Сейчас передо ней стояла задача как можно быстрее улизнуть из незнакомого места, избежав общения с неприветливым хозяином.

— Извините. Дверь была открыта. Ваша собака утащила мои ключи... — для убедительности потрясла ключами. — Я зашла сюда следом за ней...

Юноша вопросительно поднял бровь.

— Не беспокойтесь, сейчас уйду. Просто ваша собака...

— Какая собака? — перебил парень.

— Серая с голубыми глазами. Только что выбежала сейчас на площадку, минуту назад, я же за ней, за вашей собакой сюда пришла... — Соня начинала тараторить, когда сильно волновалась.

Речь её невероятным образом ускорялась по мере растущего желания сбежать отсюда как можно быстрее.

— У меня нет собаки, — сказал парень, будто вылив на девушку ушат ледяной воды. — Ты дверница? — он бросил взгляд на ключи.

— Кто я?..

Что он сказал? Соня попятилась от странного юноши. Он подозревает её в воровстве? Что он хочет?

— Отойди в сторону, мне надо пройти! — голос девушки неожиданно охрип.

На самом деле она приняла решение: еще одно слово незнакомца — и бежать к выходу. Если парень попытается остановить.... Её руки непроизвольно сжались, ключи больно впились в ладонь, но это к лучшему, удар будет сильнее. Хватит болтать, пора уносить ноги.

Не отрывая взгляда от девчонки, приготовившейся к атаке, сообразительный юноша отошел на безопасное расстояние. Путь на волю свободен. Убрав ключи в карман джинсов, Соня быстрым шагом двинулась к двери, распахнула ее и онемела от ужаса. Передо ней была маленькая каменная площадка, деревянная старая лестница, темные закопченные стены. Откуда что взялось? Почему вдруг неузнаваемо изменилось. Узкий пролет круто спускался вдоль стены из необработанного камня, а витая деревянная лестница с выщербленными ступенями исчезала в глубине каменного колодца. Соня на миг зажмурила глаза.

— Эй, здесь есть кто-нибудь? Люди! — пронзительно закричала, выбежав на площадку, и кинулась вниз по ступеням, как будто за ней гналась стая бродячих собак.

— Стой, туда нельзя! Ступени сгнили! — донесся ей вслед крик парня.

[1] Кронпринц — в германоязычных монархиях титул наследника престола.

*

Но она не слушала, летела как помешанная. Сердце набатом стучало в ушах. Быстрее! Прочь отсюда! Ступенька под ногой треснула, нога провалилась в пустоту. Еще шаг, и следующая ступень рухнула вниз, девушка повисла, судорожно держась за трухлявые деревянные доски. И тут за шиворот её схватила рука незнакомца. Соню не надо было уговаривать, она сама вцепилась в него.

— Только не дергайся, — просипел он через силу, — я летать не умею.

Кажется, я схожу с ума

Парень вытащил Соню на уцелевшие ступеньки лестницы.

— А-а-а-а... — попыталась она что-то произнести, стуча зубами.

— Не надо кричать, всё в порядке.

— А-а-а...

Еще одна попытка заговорить, которую вновь бесцеремонно прервали.

— Тебя могут слышать.

— И что? — к ней вернулась членораздельная речь, хотя тело сотрясала крупная дрожь.

— Просто меня здесь нет.

— Почему? — идиотский вопрос, конечно, в таком положении.

— А можно я спрошу?

— Да, по-ожалуйста, — похоже, Соня всё еще не отошла от шока.

— Как ты сюда попала? — вкрадчиво спросил парень.

Он уже помог мне подняться и дойти до квартиры.

— Через дверь, — девушка уставилась на незнакомую дверь из грубо сколоченных толстых досок и даже потрогала её дрожащими руками.

— Дверь была закрыта, — голос его несколько изменился.

— Дверь была открыта. Собака вбежала сюда, я за ней. Я здесь совершенно случайно... — Соню вновь охватила паника. — Но это не та лестница, по которой я вошла.

Незнакомец нахмурился. Похоже, эта версия его не устраивала, как не устраивала и перспектива полноценной истерики с воплями и слезами, которую, Соня готова была сейчас устроить.

— Разбирайся сама. Я как раз собирался уходить. И в гости никого не ждал, — неприветливый парень двинулся обратно.

Как отсюда можно уйти? Я домой хочу. К маме!

Соня смотрела то на дверь, то на незнакомца, который, не обращая на неё внимания, уходил прочь по коридору. На ватных ногах она последовала за ним в комнату. Парень, высунувшись из окна, отцепил от внешней стороны стены веревочную лесенку, подергал ее, проверяя надежность, и вскочил на подоконник.

— И, кстати, по той лестнице ты не выйдешь, дверь башни внизу наглухо заколочена, — бросил он через плечо.

— Какой башни?

Соня подскочила к узкому окну. Ничего, со второго этажа она как-нибудь слезет. Уже готовая к подвигу, Соня свесилась вниз и чуть не заорала от ужаса. Под ней была огромная стена из камня, по обе стороны от окна, как раскинутые руки, тянулись крепостные стены. Само окно было очень высоко над землей, а на уровне глаз недалеко виднелась поросшая лесом вершина горы. Даже если допустить безумную мысль выбраться отсюда через окно, Соня сможет только навернуться вниз головой с такой высоты.

Что происходит? Десятью минутами раньше она вошла в старый двухэтажный дом на окраине Поваринска. Почему сейчас очутилась в башне?

Незнакомец шагнул на веревочную лесенку, и та поехала... вверх! С удивительной ясностью Соня осознала, что сейчас совершенно не время ломать голову над «как и почему».

— Стой, подожди! Стой! Вернись! — закричала пронзительно.

Лестница замедлила ход, остановилась, медленно двинулась вниз.

— Что еще?

Ноги незнакомца замерли на уровне подоконника.

— А мне что делать?

Парень усмехнулся.

— Откуда я знаю?

Ситуация казалась безвыходной. Словно девушка смотрела фильм и вдруг очутилась с другой стороны экрана, где всё по-настоящему, а дорога в зал исчезла. Парень глянул на неё, потом на ключи в руке.

— Мне некогда, — сказал он и поехал вверх.

— Стой, стой! Возьми меня с собой, — выпалила Соня, сама удивившись своей отчаянной просьбе. Веревочное средство передвижения вновь остановилось. Его хозяин немного подумал и спустился. Похоже, она смогла его разжалобить.

— Ладно, забирайся. Лестница выдержит. Живее! Что, никогда не каталась на таких?

Незнакомец поднялся, освободив пару перекладин. Словно под гипнозом Соня взобралась на подоконник, ухватилась за веревку и шагнула на ненадежную опору. Парень взглянул на неё, убедился, что она крепко держится, нажал на пульт, прикрепленный к верёвке, и где-то вверху закрутилась лебёдка, поднимая их.

Ветер взметнул волосы девушки, бросил их в глаза. Зажмурившись, заледеневшими от ужаса руками Соня изо всех сил сжимала веревки. Ноги предательски ослабли и норовили соскользнуть. Как же она боялась высоты! Даже на колесе обозрения никогда не каталась.

Соня не знала, как далеко они уехали вверх, потому что было страшно смотреть вниз. Впрочем, наверх посмотреть она тоже боялась, чтобы не трусить от так затянувшегося подъема.

Наконец лестница перестала раскачиваться и остановилась, юноша как безвольную куклу перетащил девушку через узкий проем между высокими зубцами стены и поставил на твердую поверхность. Совершенно лишнее усилие, потому что Соня как куль с картошкой осела на каменный пол, ноги не слушались ее. Парень, словно не замечая полуобморочного состояния попутчицы, деловито скручивал лестницу на барабан лебедки.

Свежий ветер привел девочку в чувство. Отдышавшись, Соня поднялась на ноги. Теперь стало понятно, что они очутились на плоской крыше строения, периметр которого обнесен частоколом каменных зубцов. По углам — две небольшие башни. Внимание Сони привлек необычный вид, который открывался в просвете зубчатого парапета. Соня подошла ближе к краю крыши, чтобы лучше разглядеть местность, и чуть не упала от испуга и удивления. Внизу раскинулся большой незнакомый город.

Нет, конечно, город не был ужасен. Скорее, он был прекрасен. Но это совершенно чужой город! Повсюду виднелись красные черепичные остроконечные крыши. В центре возвышалось несколько величественных строений. Через город текла река, рассекая его надвое. Вереницей вдоль берегов тянулись маленькие аккуратные домишки. Над рекой нависли полукруглые мосты, украшенные скульптурами. Соня оглянулась. С другой стороны к замку подступали горы, покрытые лесом.

Незнакомец внимательно наблюдал за девушкой.

— Меня зовут Эрвин. А ты кто?

Соня с трудом заставила себя сфокусировать взгляд на источнике звука. Кажется, она стала плохо соображать.

— Я Соня. Соня Снегирёва.

— Соня Снегирёва, как ты попала в мое убежище?

Ах, вот что его интересует. Вот зачем он затащил ее на крышу. Какая же она дура, что прицепилась к нему. Но у нее действительно была причина. Соня вытащила из кармана джинсов ключи и потрясла ими.

— Можно я посмотрю? — Эрвин бесцеремонно забрал ключи, покрутил в руках, попробовал на зуб. — Первый раз вижу такие. Ты, вообще, откуда? И одета не по-нашему.

— Я шла домой, а попала сюда. Что это за место?

— Тебе сколько лет?

— Семнадцать.

— У-у! Начинаящая дверница заблудилась, — Эрвин ухмыльнулся, в его глазах блеснул огонёк восторга, — прямо не верится.

— Я не дверница. Мне нужны были ключи. Ключи от моего дома открывают дверь в мою квартиру, — Соня объясняла всё это уже скорее себе, чем Эрвину, стараясь сохранить крупницы разума.

Парень поднял голову, тревожно оглядывая небо над городом.

— Скоро облет верхотуров. Надо убираться отсюда, пока нас не заметили. И оставь ключи здесь. Их нельзя брать с собой.

— Почему?

— Их никто не должен видеть. Тебе повезло, что я кое-что в этом понимаю.

— Да что в них такого?

— Я не возьму тебя с собой, если при тебе будут ключи, — жестко ответил Эрвин, снова устремив взгляд на небо.

Соня поежилась и стала тоже всматриваться в небо. Что там? Новоявленный командир наклонился и засунул ключи в щель между камнями под стеной из зубцов.

— Запомни место. Здесь будет надежнее, — парень выпрямился. — А теперь проверим в деле маломерку.

Эрвин двинулся к одной из каменных башен. Только сейчас девочка заметила в стене башни высокую кованую дверь. Погремев засовом, парень распахнул скрипучие дверные створки.

Из темноты показалась вытянутая голова крупного зверя, на заспанной морде которого болталась уздечка. Парень ухватился за нее и потащил животное к выходу. Из мрачного логова, неуклюже переваливаясь с боку на бок на коротких когтистых лапах, появилось существо внушительной комплекции. Шкура его переливалась всеми оттенками серого, от пепельного до темно-дымчатого. Такой эффект производили серебристые чешуйки, которые при движении меняли цвет. Чудище было гораздо крупнее лошади, с крыльями и длинным змеиным хвостом. От макушки и до хвоста по спине тянулся невысокий костяной гребень. Соня мгновенно поняла: перед ней дракон. Сердце учащенно забило в горле.

Не может быть!

Реальность изгибалась, плавилась, принимала немислимые очертания и никак не хотела вернуться к привычному облику. Неужели это правда? Соня стоит на каменной крыше старинной башни, а внизу раскинулся незнакомый город. Что она здесь делает?

Эрвин же напротив несколько не выглядел озадаченным, скорее раздосадованным безумным видом спутницы. Достаточно того, что он потащил ее с собой. У него есть дела гораздо важнее. Например, дракон, которого он с трудом вытащил на середину площадки и теперь осматривал, поправляя седло.

— Садись, мы улетаем.

Слова Эрвина вернули Соню к действительности. Она вздрогнула и уставилась на дракона. Улетаем?

Улетаем?

— Я не могу, я боюсь высоты. Я не умею, я никогда не летала.

Детский лепет Сони мог расстрогать кого угодно.

— Я тоже на нем толком не летал. Садись, тут седло широкое. Некогда скулить!

Последние слова разозлили Соню. Что он себе позволяет, этот мальчишка! Дракон вдруг дружески фыркнул.

— Его зовут Маломерка? — спросила Соня дрожащим голосом.

— Вот еще. Я зову драконом. Еще не придумал имя.

— Как же... — Соня никак не могла поверить, что ей придется взобраться на спину живого, настоящего дракона. — Может... — она пролепетала как-то неосознанно. — Горыныч?

Дракон одобрительно щелкнул зубами, а Эрвин расхохотался.

— Горыныч! Ты посмотри на его размер!

Соня повернулась к дракону, ее лицо оказалось напротив огромной головы. Чудище с интересом глядело на нее, будто улыбаясь.

— Горыныч, да? — спросила Соня. — Ты прокатишь нас? — она была уверена, что ни за что не сядет на этого зверя.

Дракон сделал шаг вперед, вытянул шею, шевеля ноздрями, как будто что-то учуяв. Рука Сони машинально опустилась в карман ветровки и вытащила пачку кошачьего корма. Дракон издал негромкий рык и вождественно уставился на пакет. Соня могла поклясться, что слышала, как он сглотнул слюну.

Девушка, не спуская глаз с очередного нуждающегося, насыпала корм на каменный пол. Дракон, кажется, чуть не потерял сознание от счастья. Он слизал сухие комочки с пола языком — шершавым и длинным, проглотил в один присест и удовлетворенно срыгнул. Всё это время Эрвин с интересом наблюдал за происходящим.

— Больше не давай, — произнес юноша командным тоном, привстал в стременах и оглянулся по сторонам.

— А он не пыхнет огнем? — Соня как могла, оттягивала момент посадки.

— Очень редко так делает. Быстрее садись! Нас поймают из-за тебя! У меня дракон незаконный, — закричал Эрвин, неожиданно сменив тон.

«Он тоже боится», — мелькнула у Сони мысль. Бояться вместе казалось не так страшно. Начинаящая наездница ухватила за руку юноши и неуклюже вскарабкалась в седло позади него. Неудобное, высокое седло примостилось на костяных гребнях дракона и выглядело совсем неубедительно, как будто его делали пятиклашки на уроке труда.

— Я не упаду? — только и спросила Соня, ухватившись за жилетку Эрвина.

— Хочешь, чтобы вместе свалились? — хмыкнул парень и натянул поводья. — Горыныч, вперед, вверх, вперед.

Дракон взмахнул крыльями, подпрыгнул и, как петух на забор, приземлился на край каменного зубца, зашатался, теряя равновесие, развернул крылья и ухнул вниз. У Сони душа ушла в пятки, она прильнула к Эрвину всем телом, обхватив его руками.

Американские горки показались детской забавой по сравнению с катанием на Горыныче. Дракон судорожно забил крыльями, набирая высоту. Его взлет был не менее ужасен, чем падение: он рывками поднимался, клацая зубами то ли от напряжения, то ли от ответственности, и заваливался то на один бок, то на другой.

— Вверх, в горы давай, верхотуры Ильзы появились, они сейчас нас заметят, — Эрвин тревожно оглядывался.

Что там такое? Соня испуганно глянула через плечо. На горизонте замаячили какие-то точки. За ними погоня? Горыныч набирал высоту. Его полет был такой же турбулентный, как и все манёвры до этого. Он то проседал вниз, то дергался вверх, кренился в стороны, скорость при этом была небольшой, хотя для Сони и этого было предостаточно.

— Горыныч, к лесу, бери выше. Смотри лощины, нам надо скрыться!

Соня почувствовала, как спазм скрутил желудок. Она с трудом подавила первую волну тошноты и поняла, что долго не выдержит. Они уже летели над лесом.

— Горыныч, мне дурно, — закричала Соня, — приземляйся!

Дракон, услышав Соню, принял решение и камнем упал вниз. Он разглядел просвет между огромными деревьями и совершил довольно жесткую посадку, плюхнувшись на траву и сложив крылья. Соня скатилась с его спины как раз вовремя, ее тут же вырвало.

Как ни плохо было всаднице, но Эрвину было еще хуже. Он согнулся пополам, схватился за голову и застонал. Состояние спутника не укрылось от внимания Сони, хотя сама она еще не отошла от шока. Что-то подобное ещё девочкой она наблюдала у бабушки, когда у той резко подскочило давление. Эрвин тяжело дышал, лоб его покрылся испариной, а ноги подрагивали. Как странно, ведь только минуту назад парень был в прекрасной форме.

— Бегом в чашу, надо спрятаться, — выговорил Эрвин, часто дыша от подступившего приступа.

Дракон удостоился пинка, который, впрочем, ему был, что мертвому припарка. Все трое ринулись под защиту деревьев. Вскоре вверху послышался шум крыльев и крики людей.

— Горыныч, замри. Тихо! — зашипел Эрвин.

Зверь недовольно засопел и заерзал. Он только-только почувствовал свободу, в буквальном смысле расправил крылья и, судя по его разочарованной морде, всерьез рассчитывал на аплодисменты.

— Место. Лежать. Не шевелись!

Горыныч хоть и зыркнул на парня недовольно, но тут же свалился в траву и затих. Соня вытерла взмокшее лицо рукавом ветровки и посмотрела на Эрвина.

— А почему «не шевелись»?

— Не хочу, чтобы нас учуяли драконы.

— А там, — Соня показала вверх, — драконы?

— Там верхотуры на ездовых драконах, — нехотя ответил Эрвин. — Этот тоже должен был стать ездовым. Но в кладке яйцо забраковали. Его надо было уничтожить, а я стащил яйцо и выходил дракона.

— А почему забраковали? — для Сони прямо-таки открывался новый мир.

— Потому что оно было самым маленьким. А из таких яиц получаются мелкие драконы с небольшими крыльями. Они не подходят для службы. Поэтому мы сегодня так паршиво летели.

Грубоватые слова парня резанули слух девушке. Неприятные ощущения она отнесла на счет своей боязни высоты.

— А мне кажется, Горыныч молодец, — Соня встала на защиту дракона.

— Да? Только ты чуть не померла, — в голосе Эрвина послышалась насмешка.

Соня покраснела. Вот только не надо так пристально смотреть на нее.

— С чего ты взял? Со мной всё нормально, — пролепетала она, переживая о том, как глупо выглядит ее красное лицо.

— Тсс... Верхотуры над нами.

Соня глянула вверх. Над деревьями опять мелькали неясные тени. Из-за густой листвы их почти не различить.

— Видишь, как плавно парят? — прошептал Эрвин. — Настоящие ездовые драконы. И высоту набирают очень быстро.

— А кто такие верхотуры? — спросила Соня, всматриваясь вверх. Этот вопрос вертелся на языке с тех самых пор, как она услышала новое слово.

Эрвин снова посмотрел своим фирменным цепким взглядом, он не торопился с ответом. Не разыгрывает ли его девчонка?

— Избранные гвардейцы Главного Верховода. Самая элита. А над нами, кажется, верхотуры Ильзы. Они принадлежат Совету Меры.

— А зачем они за нами гонятся?

— Просто так, — буркнул Эрвин, — для проверки, — парень определенно не хотел углубляться в эту тему.

Соня задумалась. Реальность, которую она видела, обоняла, осязала, слышала, была подлинная, с какой стороны ни посмотри. Но это всё равно не укладывалось в голове.

— А, это место как называется? — Соня предприняла еще одну попытку что-либо

разъяснить.

— Ты здорова? — Эрвин приложил руку ко лбу Сони.

Она негодуяюще мотнула головой:

— Я не шучу.

— Это Верховия, юная странница. Страна Верховия.

— Верховия, — медленно повторила Соня, — первый раз слышу. Не знаю такой.

— А город называется Энобус.

Эрвин пристально глядел на девушку, наблюдая за ее реакцией. Соня уже начала привыкать к его бесцеремонным взглядам.

Не на ту попал

— Всё это, конечно, интересно, но как мне попасть домой в Поваринск?

— Поваринск? Ну и названьице, — хохотнул Эрвин.

— Как мне вернуться? — Соне с трудом сдерживала рычащие нотки в голосе.

— Как пришла, так и вернешься, — отрезал Эрвин.

— Из твоей квартиры?

Эрвин безразлично пожал плечами.

— Может, из моей, а может, и нет. У тебя ключи, тебе виднее.

Зачем он издевается над ней? Соне хотелось одновременно плакать, ругаться и по девчачьи топтать ногами. Накричать на этого надменного Эрвина, заставить его извиниться. В то же время страшно поссориться с ним. Он единственное связующее звено с ее миром. Соня отвернулась. Хотя это было излишне: быстро наступившие сумерки скрывали лица собеседников, и ее отчаяние осталось незамеченным.

— Пора спать, — буркнул Эрвин, — завтра надо пораньше улететь отсюда, вдруг нас будут искать.

С трудом сдерживая слезы, Соня постаралась достучаться до этого парня.

— Послушай, мне домой надо. У меня мама, бабушка, друзья. Они будут волноваться.

Эрвин внимательно посмотрел на Соню, как будто хотел о чём-то спросить, но потом передумал.

— Я тебя не держу. Возвращайся хоть сию секунду.

Слышать такое невыносимо обидно. Соня заморгала часто-часто, из глаз брызнули слезы. Она расплакалась навзрыд, как маленькая девчонка.

— Хватит реветь. Я тут ни при чём. Я сам ничего не понимаю, — голос Эрвина смягчился. — Мы вернемся в мою берлогу, как только сможем.

— А когда? Когда мы сможем? — Соня продолжала всхлипывать.

— Надо подождать. Немного. Ложись поближе к Горынычу, рядом с ним теплее. Ночью станет холодно.

Соня, продолжая тихонько шмыгать носом, придвинулась к теплому шершавому боку. Как она может сейчас уснуть? В темном лесу, рядом с драконом, в компании со странным парнем. Это невозможно! От шкуры Горыныча исходил терпкий животный запах, дракон мерно сопел. Соне вспомнился Барсик, по ночам уютно мостившийся у нее в ногах, и его песенка-мурчалка. Девушка осторожно провела рукой по блестящей чешуйчатой шкуре. Она была жесткая, шероховатая, бугристая, не то что у Барсика — мягкая и шелковистая.

Горыныч всхрапнул, Соня прилегла рядом с ним. Его равномерное пыхтение чем-то напоминало сопение любимого кота. С неба, видневшегося в просветах гигантских деревьев, светили звезды. Их таинственная красота успокаивала, баюкала, как безмолвная песенка,

помогая забыть все тревоги сумасшедшего дня. Соня вспоминала свой дом, маму, бабушку и... незаметно уснула.

Эрвин же вертелся с боку на бок, вздыхал, крутился, тоже смотрел на звездное небо, грыз травинку. Под утро он забылся тревожным сном, чтобы с первыми проблесками рассвета очнуться после непродолжительного отдыха. Юноша медленно поднялся, посмотрел на Соню, удобно пристроившуюся под крылом Горыныча, тяжело вздохнул.

— Вставай, уже утро.

Выныривая из сна, Соня открыла глаза. Какой ужас. Ей не приснился вчерашний кошмар. Перед ней стоял тот же парень, что появился вчера. Он неважно выглядел и был не в духе.

Эрвин полночи не спал, думая, что предпринять. Девчонку надо вернуть домой, где бы это ни было, а подростка Горыныча переправить в безопасное место и узаконить. В Энобусе это сделать невозможно.

Эрвин попрыгал, разминая ноги

— Нам пора, полетим к равномерам в Межгорье. У меня там друзья.

Спросонок Соня выглядела ещё более беспомощной. Кажется, она отказывалась верить, что уже не спит. Она вела себя как испуганный ребенок, неожиданно потерявшийся в незнакомом месте.

— Эрвин, мне надо домой, — Соня выбралась из-под крыла проснувшегося Горыныча.

— Сейчас я не могу вернуться в город, поэтому не смогу тебе помочь. Ты прошла Мерку?

— Что?

— Мерина.

— Какого мерина?

Разговор в угадку не способствовал хорошему настроению.

— Высотомер, конечно.

— Не понимаю, о чём речь.

— В семнадцать лет не знать о Мерине? Шутишь?

— Эрвин, я здесь впервые и ничего не знаю, — Соня начала злиться.

Она старалась говорить вежливо, но собеседник будто нарочно выводил ее из себя.

— Басни слепого дракона, — изрек Эрвин, оглядел девочку с головы до ног и многозначительно заметил. — Думаю, ты уклонистка. За тобой гнались гвардейцы Ильзы. Признавайся. Ты скрываешься?

Соне захотелось хорошенько треснуть противника по башке чем-нибудь увесистым, типа толстого учебника, но ничего подходящего под рукой не было.

— Мне нечего скрывать, я не уклонистка, не знаю никакой Ильзы. Я не местная.

— А ключи?

Эрвин как будто издевался. Чем больше закипала Соня, тем ехиднее становился он.

— Что ключи?

— У нас таких нет. Гвардейцы охотятся за уклонистами. Потому что Высотомер тебя расколет.

— Это как?

— Выведет на чистую воду.

Соня разозлилась окончательно.

— Не выведет!

— О-о-о! Ты что, сверхособенная? — развеселился Эрвин.

— Я — обыкновенная. Ты сам что-то скрываешь. И боишься Ильзы!

Соня взяла быка за рога и угадала — пересмешник вмиг угомонился.

— Хватит болтать, разоблачительница, — примирительно сказал парень, ему расхотелось продолжать разговор на скользкую тему. — Полетим низко. Может, Горыныч осилит.

Дракон радостно засопел. Он, похоже, вообразил себя героем. Парень заметил боевое настроение Горыныча и лягнул его ногой.

— И без фокусов, понял? Лети ровнее, не дергайся, чудо-юдо.

— Да что ты на Горыныча наезжаешь? — в Соне проснулся инстинкт защитницы.

Эрвин недоуменно поднял брови.

— Что я делаю?

Соня смутилась и покраснела.

— Ну, ругаешь его.

Эрвин хмыкнул: до чего странная девчонка, краснеет по любому поводу. Он вскочил на дракона, потом помог Соне взобраться в седло. Она приложила руку к горячей щеке.

Может, не заметил?

— Хэк, — выдохнул Эрвин коротко, ударил Горыныча в бока ногами.

И в ту же минуту мысли Сони испарились.

Глава 2. Ларри Идепиус

Теперь, когда Эрвин не требовал набирать высоту, Горыныч летел ниже и ровнее. Но всё равно иногда заваливался то на один, то на другой бок и почти цеплял верхушки громадных сосен крыльями. Хотя полет дракона оставался неуверенным, Соня слегка успокоилась. Если она упадет, земля недалеко, наверное, за ветки деревьев можно зацепиться. Вроде бы жутко страшно, но и восхитительно до умопомрачения. Высоты она, конечно, боится, однако такой возможности дома точно никогда не будет. Вот бы кто из ребят ее сейчас увидел! Рассказать — не поверят.

Страх отступил под натиском приятных мыслей, и девушка вполне осознанно огляделась по сторонам. Они немного набрали высоту, обзор улучшился. Исчезли исполинские хвойные деревья на горных склонах. Их сменил могучий лиственный лес с мелькавшими светлыми пятнышками полянок.

Соня осторожно озиралась. Сильно крутить головой она боялась, потому что внутренний голос призывал не терять бдительности. Вновь подступили горы. Дракон с двумя седоками на спине пролетел над лощиной, покрытой невысокими деревцами с большими листьями и цветущим кустарником. Сразу за ней показалась живописная долина, окруженная с обеих сторон склонами. Красоты добавляла речка, бурлившая и блестящая на изгибах жемчужными перекатами.

Эрвин направил Горыныча вверх.

«Какой любитель высоты! — недовольно подумала Соня. — Всё ему выше надо».

— Скоро Межгорье, — крикнул Эрвин, — там равномеры живут.

Шум крыльев и свист ветра не давали нормально разговаривать.

Впереди, в утренней дымке, вырисовывались очертания города. Юноша натянул уздечку, разворачивая Горыныча к лесистым горам.

— Мы не полетим в город, — прокричал он.

Горыныч приблизился к предгорью. Эрвин беспокойно оглядывал окрестность, привстав в стременах. Соня покрепче уцепилась за его кожаную жилетку. Похоже, они скоро будут снижаться. Юноша дернул поводом, и дракон завертел головой. Эрвин двинул Горыныча пяткой в бок.

— Видишь просвет? Давай посадку между деревьями.

Дракон дернулся, пытаясь сделать вираж, завалился на бок, резко пошёл на снижение и стал падать на землю.

— Держись! — только и успел крикнуть Эрвин.

Они плюхнулись на небольшую поляну, густо покрытую травой. Приземление оказалось таким стремительным, что Соня даже не успела испугаться. Облегченный выдох и взгляд вниз. Наконец-то она ступит на твердую почву. Только теперь девочка ощутила, как занемело всё тело от долгого полета. Эрвин, тяжело дыша, уже стоял на земле и протягивал ей руки. Соня сдвинулась из седла, чтобы воспользоваться предложенной помощью, заскользила по гладкой шкуре дракона и полетела прямо на Эрвина. Он не удержался на ногах и рухнул в траву. Соня упала на него и тут же откатилась в сторону.

— Ой. Прости, — пробормотала она, убирая с глаз растрепавшиеся волосы. — Сильно ударился?

— Ерунда, — буркнул юноша, с трудом поднимаясь на ноги. Он стоял, согнувшись, упираясь руками в колени. — Для второго раза нормально сели, — сказал он, морщась, как от боли. — Хорошо, не высоко были.

Выглядел Эрвин действительно неважно, он не прикидывался, пытаясь отдышаться. «Нет! Это не из-за меня, — решила Соня, наблюдая за парнем. — Как приземляемся, он на глазах меняется».

— Ты как? Сильный срыв? — спросил Эрвин сочувственно.

Странный вопрос. Соня пожала плечами. Он что, за нее беспокоится?

— Нет, только ноги затекли.

— Ладно, сейчас пройдет, — казалось, он уговаривал скорее себя, чем её.

Как же хорошо стоять чуть ли не по колено в зеленой траве! Соня огляделась. На краю поляны прилепился маленький домик. Девушка не увидела его сверху: он так естественно вписался в склон, как будто вырос здесь как гриб-боровик после дождя. Домик обыкновенный с виду: с зеленой покатой крышей, бревенчатыми стенами. Такой уютный и милый, что Соне сразу захотелось в нем поселиться.

«Избушка лесника!» — окрестила она его про себя и улыбнулась.

А вслух спросила:

— Там кто-то живет?

— Нет. Это загородный домишко. Он... принадлежит семье моего друга Ларри Идепиуса. Его родители здесь почти не бывают. В основном приходят Ларри с сестрой. Ты здесь останешься с Горынычем, а я спущусь в Межгорье. Надо кое-что обсудить с товарищем.

— Твой товарищ тоже э... равномер?

Эрвин хмуро взглянул на Соню. Не слишком ли много вопросов задаёт эта девчонка?

— Конечно. Все жители Межгорья равномеры. Они не любят высоту. Предпочитают жить на равнине. Тебе стоит переодеться и волосы прибрать. Слишком необычно выглядишь для наших мест. Одежду найдешь в доме. И, самое главное, забудь про Поварёвск. Соня чуть не задохнулась от возмущения.

— Что?!

— Я встретил тебя в городе... нет, в лесу. Ты заблудилась и больше ничего не помнишь. Ты потеряла память. Знаешь только свое имя.

— Почему только имя? У меня еще фамилия есть, — пробурчала Соня, но тут же осеклась под пристальным взглядом парня, покраснев до самых корней волос. Эрвин ухмыльнулся, глядя на неё.

— Потому что ты хочешь вернуться домой. В Поварёнск.

— Поваринск!

Соню разозлил тон этого выскочки и его упорное желание коверкать название ее родного города.

— Тебе совершенно нечего бояться, если будешь слушать меня, — спокойно сказал Эрвин.

«Он что? Мысли читает?! — поразила Соня. — У меня на лице написано, что мне страшно?» И, уже не скрывая своих эмоций, проводила неодобрительным взглядом уходящего к лесу Эрвина.

Когда юноша скрылся за деревьями, Соня судорожно выдохнула. Теперь, когда она осталась одна, хотелось только одного: орать «помогите» во всю мощь легких.

Страна Верховия. Станный парень. Дракон Горыныч. Верхотуры, которые хотят их поймать. Высотомер, которым пугает Эрвин. Привычная жизнь перевернулась в мгновение, как будто Соня подпрыгнула на батуте, сделала сальто и приземлилась в другом месте. Как вернуться домой? Как из одной плоскости попасть в совершенно другую?

Вопросы обрушились на девушку непомерной тяжестью, вдруг подступила такая тоска, она села на траву и зарыдала. Громкие всхлипы и почти детский рёв неслись вокруг, взмывая в небо. Соня не думала о том, что кто-то ее увидит, она плакала от всей души, как будто это могло ей помочь.

Что-то шероховатое и мокрое проползло по руке. Соня подняла глаза. Дракон лизнул ее своим шершавым розовым языком.

— Горыныч, — Соня всхлипнула, — перестань. У тебя язык, как терка.

Дракон растянул пасть в подобие улыбки. Глаза его светились преданностью, а сам он олицетворял радость и доброту. И тянул шею к карману в ветровке.

— Понятно, — догадалась Соня, вытащила горсть корма и дала дракону. — Ты мой друг? Да? — девушка осторожно похлопала Горыныча по жесткой чешуйчатой шее.

От ласки дракон шмыгнул носом и запыхтел. Всё-таки он забавный. Слезы высохли, пора знакомиться с избушкой лесника.

Снаружи домик выглядел небольшим, но внутри оказался неожиданно просторным и светлым. Через миниатюрные сени Соня попала в горницу, которая привела в еще одну комнату. Приятно пахло нагретое солнцем дерево, свет полосами лежал на скрипучих половицах.

— Избушка лесника, — обратилась Соня, — чем ты меня порадуешь?

Девушка прошла в дальнюю комнату. Платяной шкаф из темного дерева вежливо распахнул дверцы. Вещей достаточно, можно взять одеяние местных аборигенов, например, стать цыганистой особой в длинной цветастой юбке и яркой блузке. Соня прикинула на себя вещицы, глянула в небольшое зеркало, встроенное в дверцу шкафа, но вдруг почувствовала такой сильный голод, что вернулась обратно в горницу.

В комнате было всё по-простому: длинный стол, накрытый светлой скатертью, две

струганные лавки, шкаф на гнутых ножках и очаг, похожий на камин. В верхней части шкафчика девочка нашла посуду. Тарелки, красивые чашки, ножи, трезубые вилки, ложки — всё необычно, но узнаваемо.

Что они едят? Соня отворила нижние дверцы. Здесь хранились съестные припасы, совершенно незнакомые на вид. Банки с пахучими травами, неизвестными сушеными фруктами. В одном туеске [1] лежали коричневатые высохшие червяки. Соня с любопытством понюхала их и закрыла крышкой.

Что можно съесть? Что хоть немного похоже на привычную еду? В большой широкой глиняной посудине лежали бурые в крапинку крупные яйца, размером намного больше куриных.

Ура! Можно сделать яичницу

В посудном отделении нашлась тяжелая чугунная сковорода. Оставалось разжечь огонь в печи. Но тут Соню ждала неудача. Сколько она ни искала спички, не обнаружила ничего похожего. Есть хотелось всё сильнее.

Что делать? Грызть кошачий корм из кармана? Тоже вариант. Она, морщась, разжевала одну подушечку. Несоленая дребедень. Поиск продолжился.

В одном из глиняных горшков Соня нашла подобие сухарей, осторожно надкусила один. Безвкусный, как кошачий корм, но чуть лучше. Что ж, была не была! Девочка рискнула и попробовала червяков, по вкусу напоминающих вяленые полоски мяса, потом пожевала засушенные фрукты. Достала бутыль с прозрачной жидкостью, выпила прямо из горлышка, присела за стол и почувствовала, как пол уходит из-под ног.

«Я устала», — успела подумать Соня и отключилась.

[1] Туесок — небольшой берестяной короб с крышкой.

*

Неприятно приходит в сознание после обморока, с трудом припоминая место, откуда ты отправилась в незапланированный вояж. Соня очнулась оттого, что кто-то осторожно хлопал ее по щекам. Незнакомое бледное лицо склонилось над ней. Раскосые голубые глаза еще больше сощурились, а смешной белесый вихор казался живым и неподвластным хозяину.

«Белый китаец, — отрешенно подумала Соня. — Откуда?»

Рядом с китайцем появился Эрвин.

— Слышишь меня? — Эрвин тоже наклонился к Соне.

Она с трудом кивнула. Язык заплетался, воспроизводя нечленораздельные звуки. В голове шумело. Незнакомец приподнял ее голову, поднес к губам чашку с водой. После пары глотков ледяной воды (где они ее взяли?) речь понемногу стала возвращаться к Соне.

— Что со мной?

— Ты съела кое-что из запасов Асанны, — хмыкнул Эрвин. — А это Ларри, мой друг. Я тебе о нем рассказывал.

Белый китаец вежливо поклонился. Потом заботливо поправил плед, которым была укрыта Соня.

Эрвин скептически глянул на него.

— Хорошо, что до яиц рейхеля не добралась, — ухмыльнулся он, обращаясь к своему товарищу.

Соня разозлилась. Вот умеют же некоторые испортить настроение, которого и так нет!

Конечно, она понятия не имела, что едят жители Верховии. Разве гостеприимный хозяин потрудились что-либо объяснить? Напрасно Соня метала в парня убийственные взгляды, он игнорировал их с невозмутимостью деревянного истукана.

Эрвин кивком указал товарищу на дверь, тот слегка поклонился и вышел.

— Тебе лучше?

— Да.

Девушка ответила односложно, говорить с бесчувственным поленом, как она про себя обозвала парня, не хотелось.

— Почему ты не переделалась?

— Не успела.

— Теперь надо выкручиваться перед Ларри, сочинять про тебя.

Как же он бесит. Соня села, мельком взглянув на потертые джинсы в заплатках и кроссовки.

— Если он твой друг...

— Ты потеряла память. Всё.

Соня поежилась. В голосе Эрвина звучало такое отчуждение, что стало понятно: ему сейчас не до нее. План широкомасштабных действий разворачивался в его голове, а незваная гостя никоим образом не вписывалась в эту картину. Просто небольшая помеха на пути, недостойная внимания.

— Я отправляюсь в Энобус. У меня там работа и вообще... Ты останешься здесь одна. Ларри будет приносить продукты. Ему можно доверять, но о том, откуда ты появилась — молчок. Присматривай за Горынычем. Драконы, родившиеся в неволе, обычно преданы человеку. Хотя можешь не обращать на него внимания.

— А что Горыныч будет есть? — спросила Соня, не решаясь сказать главное.

— Он сам о себе позаботится.

— Верни меня домой! — девушка еле сдерживалась. — Пожалуйста.

— Я постараюсь помочь, — голос Эрвина чуть смягчился. — Побудь пока здесь.

Немного помешкав, парень вышел из избушки. Неужели ее оставят одну? Они что, совсем с ума сошли? Соня с трудом поднялась с низкой софы и двинулась к окну, придерживаясь за стенку. Так и есть: на поляне два друга о чем-то ожесточенно спорили. Хотя, сказать по правде, горячился один Ларри, Эрвин же только хмурился, немногословно отвечая товарищу. В конце концов, Ларри выдохся и замолчал. Эрвин хлопнул приятеля по плечу. Из пантомимы, за которой наблюдала Соня, стало ясно, за кем осталось последнее слово.

Эрвин свистнул. Из укрытия показался Горыныч. Хозяин что-то крикнул своему питомцу, погрозил кулаком и оглянулся на дом. Его неожиданный взгляд заставил Соню отпрянуть от окна, ей стало неловко, что она подглядывает. Когда она снова решилась выглянуть во двор, юноша уже исчез.

Через минуту в дверь постучали. В комнату вошел Ларри, которого Соня наконец-то смогла хорошенько рассмотреть: невысокого роста, худощавый, примерно ровесник Эрвина. Бесцветные брови, светлые ресницы, белесые волосы, широкие скулы и раскосые серые глаза — удивительная внешность! В одежде как с чужого плеча: рубашка, свободно болтающиеся штаны. Еще большей несерьезности Ларри придавали шейный цветастый платок и серьга в ухе. Одежанием он походил на цыгана, а с виду вылитый китаец. Если бы Ларри заговорил на певучем восточном языке, Соня бы совсем не удивилась.

— Сегодня хорошая погода, — сказал Ларри и улыбнулся.

Он был как на шарнирах: потирал руки, шмыгал носом, топтался на месте. Соня непроизвольно вздохнула.

— Должно же быть хоть что-то хорошее. Что такое я съела?

— О, это всё моя сестра Асанна. Она заготавливает разные штуки для своих снадобий: корешки, травы, червяков, пауков. Чего только не придумает.

— Я съела несъедобных червяков?

— Ну... почему же? Наверное, можно... — Ларри отвел взгляд.

Соня замялась.

— А... последствия?

— Э-э-э... я не пробовал. Но тебе же сейчас намного лучше?

— Да.

— Но есть действительно хорошая новость, — Ларри расцвел улыбкой.

— Какая? — любопытствовала девушка.

— Эрвин очень удивился, когда понял, чего ты наелась. Мне кажется, он не доверял тебе. Ну, не верил, что ты потеряла память и ничего не помнишь. Но ты, — Ларри хмыкнул, — с риском для... — тут он понял, что брякнул лишнее, и попытался обобщить: — Ну... так неожиданно развеяла его сомнения. По мне, очень удачно получилось.

Китаец ни минуты не мог стоять спокойно и двинулся к двери, потом прошёлся обратно и еще раз вдоль комнаты. Наблюдая за ним, Соня молчала. У нее складывалось противоречивое мнение об этом парнишке. С одной стороны, вроде приятный. С другой, чудаковатый. Сонино отравление трактовал, как способ получить доверие. И это так восхитило его, что от радости он забегал по комнате.

— Люблю обдумывать идеи, — сказал Ларри, будто отвечая на вопрос девушки, — рассматривать их с разных сторон.

«Ну, хорошо, — подумала Соня, — с разных, так с разных. Мои одноклассники бы это оценили. Так что, белый китаец Ларри, попробуем найти твое слабое место. Любишь поговорить? Отлично. У меня уйма вопросов».

— Почему Эрвину не нравится Высотомер? — неожиданно спросила она.

Упс! Настроение Ларри резко сменилось. Он замер на месте, улыбка исчезла, взгляд застыл, даже серьга в ухе перестала раскачиваться. Кажется, Соня попала в яблочко.

— Ну... э-э-э... у... у него высокий болевой порог. И... ну... он не хочет, чтобы об этом стало известно. Он не желает, чтобы Совет Меры узнал его... мысли.

— Совет Меры — это какая-то Ильза? Эрвин ее о-очень боится.

— Ильза — глава Совета Меры, ее все боятся, — с трудом выговорил Ларри, как будто из него тянули каждое слово. Молчать он не мог, а сказануть лишнего опасался. Но знал явно гораздо больше, чем говорил.

— А Высотомер — пыточный механизм? Он читает мысли? — Соня продолжила допрос.

Ларри странно поглядел на девочку.

— Ты действительно ничего не помнишь? Не знаешь о Высотомере?

— Нет.

— А у тебя какой порог? Как у всех?

Теперь Соня с недоумением уставилась на Ларри. Что он хочет этим сказать? Что за люди в этой стране? Что за порог?

— Ларри, я не понимаю, о чем ты спрашиваешь, — она тщательно подбирала слова. —

Я не знаю, не помню вообще ничего. Ну, как будто явилась из другого мира.

— Не может быть! Ты ничего не помнишь о Верховии?! О верховенцах?

— Нет.

— Скажи, а когда вы летели на драконе, ты что-нибудь ощущала?

— О! Жутко страшно.

— Когда вы спустились на землю, у тебя же был срыв?

Что-то такое Эрвин говорил про срыв.

— Я не понимаю тебя.

— Ты испытала боль?

— Нет. Только тошноту.

Ларри вновь забегал по комнате, потирая руки, как будто это помогало ему крутить мыслительные шестеренки в голове.

— Странно! Странно! Невероятно! Ты потеряла память и теперь не чувствуешь боли при спуске.

Соня хотела выудить из Ларри более внятное объяснение.

— Не понимаю, про что ты толкуешь.

— Ни одному верховенцу не надо объяснять, что такое боль. Она всегда с нами.

Соня настороженно уставилась на парнишку.

— Как это? Объясни.

Ларри почесал в затылке. Ему с трудом верилось в искренность девушки. Понятно, почему Эрвин так нервничал. В незнакомке было необычно всё: от штанов с заплатками, рубашки без пуговиц, диковинных башмаков с веревочками до пугающе удивительного беспамятства. Ларри еще раз взглянул на Соню. Говорить или нет? Она с таким неподдельным интересом ждала продолжения рассказа, что просто невозможно молчать. Ларри почувствовал прилив вдохновения и решился.

— У нас есть одна старая легенда. В древние времена жители нашей страны были всемогущи. У них были огромные способности. И жители многое постигли. Они были избранными.

— Я понимаю. Легенда — это такая сказка.

— Если бы это была сказка, мы бы не терпели каждодневную боль. А это, поверь, заставляет верить сказкам от начала до конца.

— Хорошо, продолжай, — смутилась Соня.

— Наша земля сплошь покрыта горами, возвышенностями, холмами. Так вот, о даре. У каждого жителя Верховии имелось врождённое свойство. При каждом физическом подъеме вверх человек испытывал прилив сил, энергии, вдохновения, озарения, мудрости. Всё, что хотел, он получал. И земля эта, казалось, будет процветать во веки веков. Но жители Верховии так возгордились, что однажды их непомерная гордыня сыграла с ними злую шутку.

— Очень интересно.

— Всё самое интересное случилось потом. Чрезмерная гордыня покарала гордецов. Она, сохранив верховенцам способности, потребовала плату. При каждом спуске, даже самом незначительном, житель Верховии должен испытывать боль. Если человек резко спускается с большой высоты, он получает срыв или атаку. И чем круче спуск, тем сильнее боль. Резкий затяжной спуск может вообще убить человека. Вот что такое боль, которая

всегда с тобой. Она напоминает нам, кто мы такие.

— Звучит убедительно. Теперь я поняла, почему Эрвину было плохо, когда мы приземлялись. Но у меня не было срыва, я не чувствовала боли. Немного уши заложило.

— Это невероятно!

— Ларри, ты тоже чувствуешь боль?

— Конечно. Мы все с этим живем. Но нам — равномерам проще. Жители Межгорья выбрали равнину. Мы не стремимся к высоте, скорее ищем золотую середину. Меньше подъёмов, меньше спусков.

— Не представляю. Как можно жить с болью?

— Ты права. Это очень тяжело. Мечта всех жителей Верховии избавиться от проклятия. Наши Верхи постоянно ищут способ уменьшить боль. И не добились ничего. Хотя дети до пяти лет не чувствуют боли. Потом постепенно она нарастает. Для взрослых есть средства, их просто море, но они почти не помогают. Все хотят избавиться от боли. Высотомер, который каждый житель проходит при достижении возраста инициации, как раз определяет силу боли и силу подъема.

— У подъема тоже есть сила?

— Конечно, она никуда не делась. Как была, так и осталась. Сила подъема — предельная высота, которую человек может выдержать при спуске. Хотя иногда я думаю, лучше бы ее не было. Тогда, возможно, не было бы боли...

Ларри задумался. Видно было, как небезразлична ему эта тема. Через пару минут он опомнился:

— Мне пора домой. Запасы Асанны лучше не трогать, всё съедобное лежит вон в той корзине. Мы с Эрвином договорились держать в тайне твое присутствие. Я постараюсь приходить так часто, как смогу. Пойдем, я покажу тебе родник. Там будешь брать воду.

Ларри заторопился. Какая-то неумемная пружина внутри не давала ему покоя. Они вместе вышли из домика и спустились по трем низеньким ступенькам с крыльца.

Совсем недалеко от избышки в лесу бежал ручей, рядом — небольшая, но достаточно глубокая яма, которую наполнял бьющий из-под земли родник. Соне очень понравилось это место. Руки мгновенно застыли, когда она набрала в ладошки прозрачной ледяной воды.

Ларри умылся, тяжело вздохнул, улыбнулся Соне на прощание и побежал к тропинке, ведущей в Межгорье.

Она внимательно посмотрела ему вслед. Надо же, боль при спуске. Стоит запомнить — срыв или атака. Она, наверное, случается при резком снижении. Белый китаец сейчас тоже вниз идёт. Когда постепенно, тогда боль не такая сильная? А ведь верховенцы летают на драконах. Как такое может быть? Или жажда высоты сильнее боли? Странные жители. Почему она очутилась среди них?

Глава 3. Хранилище

Эрвин Вышневу, внук дверника Никандра Вышнева, бесшумно двигался по длинному темному коридору. Каменные своды полукругом нависали над головой, вытягивая тепло из всего живого, что попадало к ним в утробу. Пахло сыростью и плесенью. Парень ощупывал пространство вокруг себя фонариком, в любую секунду готовясь выключить его.

На ногах у Эрвина мягкие башмаки из войлока. Он почти скользил по мраморной плитке, словно тень, забредшая в безлюдный уголок. Эта тень, к слову сказать, была здесь уже второй раз, поэтому двигалась уверенно. Первый визит Эрвина в Хранилище ключей

был неудачным. Правда, неудачным его можно назвать только наполовину — Эрвину очень повезло, ведь он тогда случайно познакомился с гвардейцем из охраны Хранилища.

Однажды вечером после работы в Инкубаторе (Эрвин работал помощником мастера) он забрел в кабачок «Кривой Дракон» на окраине города. Эрвин как раз получил аванс и рассчитывал немного покутить. В тот вечер в кабачке собралась разношерстная компания игроков в «Лети, кругляш». Игроки, каждый со своей катапульты, запускали фигурки кругляшей в крутящееся дерево, укрепленное на столе. Дерево кружилось вокруг своей оси, ветви его поднимались, дерево как бы закрывалось, и чьих кругляшей на нем оставалось больше — тот и выигрывал.

Компания парней, громко гогоча, запускала кругляшей с катапульты. Раззадорившийся от вина парень в гвардейской форме нечаянно толкнул другого игрока — и это стало сигналом к потасовке. Здоровенного белобрысого увальня в форме — атаковали парни с окраины. Эрвину не понравилось, что четверо били одного. Он вступился за гвардейца, хотя сам недолюбливал служивых. Баталия закончилась бегством меньшинства, но Эрвин неожиданно получил кредит доверия от неумелого игрока, избежавшего хорошей порции тумачков.

Спасенным оказался Илия Кривонос — гвардеец, служивший при Хранилище ключей. Эрвин воспринял это как знак свыше. Посещение Хранилища — вот чего жаждала его душа давно и бесповоротно! Эрвин предложил гвардейцу продолжить знакомство в другом кабачке и, пребывая в отличном настроении, спустил все деньги разом. Он ни о чём не жалел, поскольку чувствовал: ему крупно повезло. Возможно даже, внук дверника находился в одном шаге от ключей деда. А новоиспеченный дружок Илия, прилично набравшись, готов был болтать о Хранилище всю ночь напролет.

Хранилище — старый подземный бункер — располагалось на окраине Энобуса и находилось под охраной гвардейцев. Для гвардии эта работа считалась полным отстоем — сюда посылали явных аутсайдеров, не способных на какую-либо вменяемую службу. В старом бункере не было богатств — только вещи и ключи дверников, конфискованные при обыске. Когда-то это место считалось хранилищем секретных богатств. Ключами время от времени, конечно, интересовались. Было сделано немало попыток применить их, но все они оканчивались неудачами.

В конце концов, желающих исследовать этот вопрос поубавилось, а с годами и вовсе иссякло. Семнадцать лет назад был избличен в дверничестве Никандр Вышневу. Вещи и ключи, изъятые у него, перекочевали в Хранилище, и с тех пор сюда никто не заглядывал. Со временем бункер стал самым заброшенным Хранилищем в Энобусе. Мало кто по доброй воле хотел его охранять. Назначение сюда считалось бесперспективной и нудной работой для нижнего состава гвардейцев.

Илия Кривонос был простым парнем из предместий Энобуса. Высокий, неуклюжий, конопатый, с копной рыжеватых волос, он напоминал героя народных сказок, которому должны были достаться царская дочь и полцарства в придачу. Умом парнишка не блистал, перспектива в жизни ему светила отнюдь не радужная, однако троюродный дядька, работавший в городской управе, замолвил за племянника словечко. Илию зачислили в гвардию, и через некоторое время он оказался при Хранилище ключей. Это место было как будто создано специально для Илии! Его единственного из всех не тяготили однообразие и скука службы.

Когда гвардеец свел знакомство с Эрвином, то поначалу даже не поверил своему

везению. О таком друге Илия мечтал всю жизнь! Эрвин оказался парнем что надо: щедрым, веселым, к тому же азартным игроком в «Лети, кругляш». Эту игру — вот удача — Эрвин раз за разом проигрывал гвардейцу.

Илия гордился тем, что такой парень, как Эрвин, стал его товарищем, и с легкостью выдал дружку все подробности о Хранилище, которые знал. Их встречи обычно проходили в кабачке, где Эрвин частенько угощал Илию, и тот искренне принимал щедрость за дружбу. Чего уж скрывать — гвардеец любил побаловать себя можжевелькой, и эта слабость была на руку его новому товарищу.

Эрвин же, в свою очередь, не испытывал угрызений совести из-за того, что собирался с помощью Илии проникнуть в Хранилище. Будущий похититель знал, что ключи и вещи дверников уже давно никого не интересуют, и если оттуда что-то исчезнет, пропажа вряд ли обнаружится. Он хотел, во что бы то ни стало найти ключи деда. Это уже давно сделалось навязчивой идеей.

Внук дверника был убежден: ключи должны принадлежать ему. Теперь же, когда появилась Соня, они стали жизненно необходимы. Тогда, возможно, с помощью ключей деда ему удастся открыть дверь в Поваринск. Соня в этом деле была ему не помощницей, её, похоже, случайно закинуло в их мир.

Первый раз, подпоив Илию и проникнув в Хранилище, Эрвин увидел трехэтажные стеллажи до потолка, тянувшиеся рядами в каменном складе-склепе. Ночной гость скользил по проходам бункера, останавливался, открывал коробки и ящики, вытаскивал предметы быта, истлевшие листы бумаги, безделушки, доставал из самых дальних, заросших паутиной углов старые, порченные молью вещи. Спустя несколько часов изнуренного поиска парень понял: он не найдет ничего. Ключей нет. Нужен какой-то ориентир, указатель, чтобы понять, где они спрятаны.

Несколько месяцев Эрвин размышлял, как можно опознать вещи деда, а главное — где найти ключи. Просидев в библиотеке не одну неделю за изучением истории Верховии, свода ее правил и законов, он потерял надежду. Законы сплошь твердили об опасности дверников и способах их наказания. Никаких упоминаний о ключах, дверниках, событиях, связанных с ними, об именах, фамилиях не было ничего. В секретные архивы Эрвину хода не было. Верхи умели хранить тайны.

Потраченного напрасно времени было жаль, но неудача не сломила парня — Эрвин и не думал отступать. Он помнил, как нашел секретное жилище деда, берлогу в каменной крепости. Именно тогда он приобрел ценное знание: если чего-то хочешь, не опускай руки. Звезды сойдутся, Вселенная откликнется — и ты неожиданно окажешься в том месте, куда стремишься.

Еще мальчишкой Эрвин часто приставал к матери и бабушке с расспросами о деде. Бабушка охотно рассказывала всё, что помнила, мать же всегда отмалчивалась. У нее было только одно желание: похоронить эту тему раз и навсегда.

Но однажды Авивия Вышнева всё же проговорила, рассказав историю из своего детства. Ей было тогда лет шесть. Их семья приехала в Энобус и остановилась в небольшой гостинице. В витрине столичного магазина Авивия увидела необыкновенно понравившуюся ей игрушку. Она попросила мать купить ее, но та отказала. Тогда Авивия решила поговорить с отцом, однако ей никак не удавалось выбрать подходящий момент.

Под вечер Никандр сказал жене, что ему надо уйти по делам, и вышел из гостиницы. Без ведома матери Авивия решила догнать отца и попросить, чтобы он купил игрушку. Она

следовала за ним, не решаясь окликнуть. Девочка шла всё дальше и дальше, и ее разобрало любопытство: куда же направляется отец?

Поплутав по улочкам города, Никандр Вышневу очутился на самой его окраине, рядом с заброшенной крепостной стеной. Он двинулся вдоль и оказался около одной из старых башен. Никандр оглянулся по сторонам. Авивия успела спрятаться за густой куст, росший прямо у подножия стены, — и отец не заметил девочку. Он подошел к высокой двери, открыл ее и скрылся внутри.

Авивия нерешительно потопала следом. Она знала, что за проступок ее накажут, но страх перед отцом пересилил страх остаться одной в сумерках возле крепостной стены. Вечерние тени напоздали со всех сторон, отрезая пути к отступлению. Девочка дрожала от страха, но где-то совсем рядом был папа. Маленькая путешественница, набравшись смелости, подошла к двери, ведущей в темную утробу старинной башни, и схватилась за шершавую кованую ручку. Авивия с трудом открыла тяжелую дверь и шагнула внутрь, в темноту. Тут ее схватили чьи-то сильные руки. Девочка взвизгнула, и в глаза ей ударил свет фонаря.

— Дочка! Что ты тут делаешь? — отец был в смятении.

— Папа, — пролепетала Авивия, — я хотела попросить у тебя игрушку из лавки. Она мне очень понравилась.

— Ты следила за мной? — голос отца дрогнул.

— Нет, я просто шла за тобой. Хотела окликнуть, но не могла догнать.

— Авивия, доченька, сейчас мы пойдем домой и скажем маме, что просто вместе гуляли. Я думаю, она сильно волнуется, потеряла тебя, не обнаружив на месте.

Когда отец с дочерью вернулись в гостиницу, в руках у Авивии был деревянный человечек, одетый в вышитый камзол и шляпу с широкими полями, у него двигались руки, ноги, крутилась голова, и сгибалось туловище. На боку у человечка красовалась шпага.

Эту историю Авивия рассказала сыну, когда тот в сотый раз пристал к матери с вопросами о дед Никандре. Ликованию Эрвина не было предела — теперь у него появилась зацепка. Ведь неспроста дед тайно ходил в башню и, видимо, не один раз.

Башен в старой крепостной стене, раньше опоясывающей небольшой город, было несколько, и перед парнем встала задача: найти ту, которую посещал дед. В детстве Эрвин с друзьями частенько залезали внутрь башен и бегали по крепостной стене, но потом лестницы стали разрушаться — и власти крепко-накрепко забили двери и окна-бойницы всех башен. Попасть внутрь стало невозможно, туда, чтоб им провалиться, приставили сторожа.

Эрвину пришлось приложить немало усилий, чтобы выведать у матери, в какую из башен она умудрилась попасть в детстве. Авивия сто раз пожалела, что рассказала сыну о том случае. Пришлось ей указать место, которое она запомнила. Юноша торжествовал — теперь ему не надо исследовать все строения подряд. Не откладывая в долгий ящик, Эрвин запасся страховочной веревкой и однажды вечером полез по стене со стороны вала, цепляясь за выступы камней, на вершину каменной башни.

Подъем занял почти три часа. Эрвин несколько раз чуть не сорвался с отвесной стены. Он тщательно вбивал страховочные крючья — башня стояла на насыпи, лететь с такой высоты вниз было подобно смертельному трюку. В башне имелось несколько окон, узких бойниц, но все они заколочены и забраны решетками.

Эрвин, как следует пропотев и не один раз пожалев о своей затее, наконец, достиг

крыши и рухнул на плоский каменный пол, чтобы отдышаться. Уже совсем стемнело, и теперь, лежа на верхушке башни, Эрвин ощущал, что разгадка чего-то важного очень близка, — осталась буквально пара шагов.

Ветер скользил по его разгоряченному лицу, нагретый за день каменный пол крыши приятно согревал тело, из темного леса раздавались голоса ночных птиц, а в вышине драгоценной россыпью сияли звезды. После тяжелого подъёма Эрвин сильно устал, его разморило, он не заметил, как задремал.

Приснилась комната. Рядом с Эрвином сидит незнакомый седой старик. «Мне надо идти», — говорит парень. «Пойдем», — предлагает старик. Они вместе идут по улице Межгорья, которую Эрвин прекрасно помнит. Незнакомец спокойно шагает рядом, и тут Эрвин замечает, что на старике его любимый свитер, связанный бабушкой из толстой цветной овечьей пряжи. Тот самый, который Эрвин так любит носить. Кто же этот незнакомец в его свитере? Сердце Эрвина замирает в предчувствии — он смотрит на старика, не смея поверить в свое счастье. Неужели рядом его дед — Никандр Вышнева? Радость узнавания накрывает горячей волной — кажется, Эрвин сейчас заплачет. Дед улыбается внуку и говорит: «Я провожу».

Это был лучший сон в жизни Эрвина Вышнева. Никогда раньше он не был так счастлив. Жаль, что сон не может длиться вечно. Эрвин проснулся, открыл глаза. Была ночь. Сердце юноши учащенно билось. Зря он проснулся — дед явно хотел сказать ему что-то важное. Каменный пол остыл и теперь вытягивал тепло из тела. Но Эрвин не замечал этого, он раз за разом вспоминал сон. Не зря дед пришел к нему — значит, внук на верном пути.

Каким же образом с крыши башни можно попасть внутрь? Эрвин нашел дверь и, когда взломал ее, выбив ногой еще крепкие доски, сильно разочаровался: эту дверь надо еще сильнее заколотить! Лестница, ведущая вниз, почти полностью разрушена — сломать шею на ней проще, чем спуститься.

И всё-таки Эрвин не оставил мысли проникнуть в башню. Он нашел более простой способ попасть на ее крышу с крепостной стены и стал приходить сюда всё чаще. Эрвин ждал подсказки, озарения, чуда — он хотел попасть внутрь. Однажды, сидя на плоской крыше, он заметил каменную плиту, неплотно пригнанную к другим. Поднять ее голыми руками не удалось, но это только распалило желание парня узнать, что под ней.

В следующий свой приход, как всегда ближе к ночи, он притащил небольшой ломик, которым смог подцепить плитку и приподнять ее. Из темноты пахло спертым воздухом. Эрвин удобнее ухватился за край плиты и сдвинул ее в сторону. Перед ним открылся узкий темный лаз с вертикальной лестницей, прикрепленной к стене. Вышнева оказался в двух шагах от разгадки.

Стараясь не торопиться, хотя его так и подмывало поскорее скатиться вниз, Эрвин начал медленно спускаться. Боль при спуске была вполне терпима, двигаться приходилось в вертикальном положении. Фонарик, с встроенным накопителем — кристаллом, пока включать не стал — парень не хотел, чтобы кто-то заметил на крыше свет. Уже полностью погрузившись в каменный зев, Эрвин вдруг ощутил приступ страха. Вокруг стояла непроницаемая темень, узкий лаз сковывал движения, а ступеньки опускались всё ниже и ниже, причем ни одна из них даже не скрипнула.

Парню уже стало казаться, что спуск ведет в подземный ход под башней, да и нарастающая боль в теле как будто подтверждала его догадку. Однако лестница закончилась, и Эрвин ощутил под ногами плоскую поверхность. Он включил фонарик, осветил

пространство вокруг и увидел брезентовую петлю, прикрепленную к полу. Ухватился за нее, потянул вверх. Крышка поднялась, и в потолке открылся люк, ведущий в помещение. Оставалось лишь спрыгнуть.

Немного помешкав, Эрвин очутился в комнате. Она выглядела заброшенной, в ней пахло пылью, но всё говорило о том, что здесь всё-таки бывали люди. Первым делом Эрвин сорвал доски с заколоченного окна — и через решетку в комнату хлынула ночная прохлада. Черная плотная темнота сменилась ночными сумерками. Эрвин вздохнул полной грудью.

«Я везунчик! — хмыкнул парень. — Как же здорово открывать неизведанные миры! — подумал он и засмеялся. — Да это всего-навсего комната!»

Теперь можно не торопиться: рассмотреть всё тщательно и скрупулезно, обследовать и проверить каждый угол, каждую щель. Эрвин не спеша обошел свои новые владения: комнату, коридор, туалет. Всё было покрыто толстым слоем пыли. В коридоре путь незваным гостям преграждал мощный засов. Дверь закрыта изнутри — значит, последний раз отсюда уходили через крышу.

Эрвин отодвинул засов, открыл дверь, вышел на небольшую площадку перед ней, спустился вниз, освещая себе путь фонариком, и на нижних этажах отыскал еще пару комнат. Первооткрыватель не увидел здесь ничего, кроме остатков поломанной мебели, грязи и мусора по углам. Ему хотелось как можно скорее покинуть это помещение. В мрачной темноте и запустении хорошо жилось, пожалуй, разве только призракам, привольно расположившимся в заброшенной башне.

Парень поднялся на площадку, зашел в свое новое логово и задвинул засов. Никто за ним не гнался, но всё же с закрытой наглухо дверью ему было спокойнее. В ванной комнате Эрвин обнаружил действующий водопровод. Из древнего латунного крана в стоявший под краном медный таз тонкой струйкой полилась ржавая вода. Ух ты! Да здесь можно жить! Эрвин пришел в восторг — убежище всё больше нравилось ему.

А что же в комнате? Неплохо бы найти хоть какие-нибудь свидетельства, указывавшие на то, что она принадлежала деду. Эрвин проверил ящики комода, обследовал шкафчики консоли, отодвинул от стены тахту — ведь что-нибудь могло упасть на пол и закатиться за нее. Он осмотрел всё, что было можно, даже раскрутил старинную лампу, обстукал каждую стену, каждую плитку мозаичного пола, но всё впустую. Берлога не хотела выдавать имя хозяина. Эрвин устал, дождался вечера и таким же образом, как и пришел, покинул свой новый дом.

«Раз дед ходил в эту башню — значит, это его убежище, из которого он совершал вылазки в другие места, — рассуждал Эрвин. — И даже если я не найду там его вещей, всё равно буду считать, что это его убежище».

Об этом вспомнил ночной сыщик в мрачном коридоре Хранилища. В воспоминания вклинился Ларри, которому Эрвин рассказал про башню. Товарищ очень обрадовался этой новости, но, когда Эрвин сказал, что хочет найти ключи деда, Ларри не на шутку испугался. В его глазах вспыхнуло сильнейшее беспокойство. Задумка Эрвина сразу стала ему понятна, как и понятно то, что уговоры не ходить в Хранилище не помогут. Ларри не ошибся, Эрвин посетил Хранилище. И всё было бы хорошо, если бы об этой тайне не узнала Асанна. Как же они тогда поругались! Эрвин был поражен: сестрица в этот раз оказалась солидарна с братом, хотя раньше во всем перечила ему.

После ссоры с Асанной Эрвин и сам хотел отказаться от мысли найти ключи, но появление Сони изменило все его планы. Штиль сменился бурей — голова Эрвина

заработала с новой силой. Он понял, Соня из другого мира и её надо вернуть домой. Осталось найти дедовы ключи и открыть ими дверь, в которую она зашла. И как это сделать, Эрвин придумал. Его прямо в жар бросило от чудесной мысли. Теперь надо вернуться в Энобус, проникнуть в Хранилище и проверить свою догадку.

Эрвин нащупал в кармане круглые металлические часы с крышкой. Это единственная вещь, оставшаяся от деда. Бабушка Аннета Вальц перед смертью отдала часы Эрвину. Она рассказала внуку, с каким трудом смогла сберечь их при обысках, — ведь все личные вещи человека, обвиненного в дверничестве, изымались и увозились в Хранилище. Однако часы Аннета сохранить сумела. Она засунула их в выдолбленное полено, которое всегда лежало около горячей печи. Это полено должно было быть брошено в огонь при малейшей опасности. К счастью, часы так и не нашли — и теперь они переключались в карман Эрвина.

Внук помнил слова бабушки: «Твой дед был дверник. Он был очень хороший человек — никому не сделал зла. Дед говорил: „Если есть ключ, закрытую дверь не ломают“. Эти часы — единственное, что от него осталось. Хотя я не верю, что он погиб».

Эрвин нащупал круглый циферблат часов с искусной гравировкой «Любимому мужу». Сегодня он попытается найти ключи Никандра Вышнева. Ведь они по праву принадлежат ему — внуку дверника.

Близилась полночь. Эрвин подошел к двери Хранилища, ключ, позаимствованный у заснувшего Илии, висел у него на поясе. Ночной посетитель открыл замок и потянул на себя тяжелую дверь. Она отворилась без скрипа — ее петли парень предусмотрительно смазал в свой первый приход. Эрвин скользнул внутрь и притворил за собой дверь.

В Хранилище стоял затхлый запах старых вещей и плесени — помещение плохо проветривалось. Странно, как тут еще всё не сгнило? Эрвин взял часы за цепочку. Он решил проверить одну свою догадку, не являются ли они своего рода магнитом. Может быть, вещи умеют чувствовать родство и реагировать друг на друга? Приблизив часы как можно ближе к полкам, Эрвин шел вдоль стеллажей, внимательно следя за своим волшебным, как он полагал, предметом.

Парень обошел всё Хранилище, но ничего не произошло. «Неужели это просто часы? В них обязательно должно что-то быть! Как же их использовать?» — думал он.

Эрвин открыл крышку. Стрелки стояли на месте — он специально не заводил часы, надеясь на то, что они вдруг проснутся...сами. Всё-таки вещь деда.

Тишина. Только сердце стучало в груди. Что же делать? Эрвин, рискуя головой, второй раз пришёл сюда, находился в одном шаге от дедовских ключей и не мог найти их. Парень был готов наброситься на полки и расшвырять, разгромить, уничтожить весь этот хлам, собранный за многие десятилетия до его рождения. Эрвин знал: если он уступит приступу ярости, то не сможет контролировать себя, гнев накроет с головой. И тогда ему будет всё равно, что совершит его жаждающая разрушения душа.

Надо было утихомирить зарождавшееся чувство. Эрвин сел на пол, привалившись спиной к грубо сколоченному деревянному ящику, открыл крышку часов. Они показывали шесть тридцать уже больше восемнадцати лет. Эрвин завел их и приложил к уху. Тик-так, тик-так, тик-так... Ходики успокаивали, уменьшали злость, словно уводя прочь из затхлого каменного мешка. Эрвин закрыл глаза. Его перестали раздражать запах подземелья, сырость, холодный пол. Часы убаюкивали своим мерным ходом. «Всё хорошо, всё хорошо, — постукивали они, — всё хорошо».

Какой-то шорох заставил Эрвина очнуться. Он открыл глаза и наткнулся взглядом на

Илию. Тот стоял, слегка покачиваясь, и в упор смотрел на ночного гостя. Эрвин вздрогнул от неожиданности: как этот недоумок смог незаметно подойти к нему?

— Что нашел? — Илия заметно растягивал слова заплетающим языком.

— Ничего, — Эрвин поморщился. Неужели он недостаточно напоил этого бугая?

— Я вижу, — взгляд Илии буравил Эрвина, — тебе повезло больше.

— Ты о чём? — Эрвин нахмурился.

— Я тут давно всё перерыл, — хмыкнул Илия.

«А этот парень вовсе не так глуп, каким прикидывается!» — подумал Эрвин.

— Что я, дурак, что ли, просто так тут торчать? — самодовольно произнес гвардеец.

— Ты прав, дружище: тут ничего нет, — Эрвин улыбнулся.

— Стой! Дай мне! — Илия вскинул огнестрел. — Что ты там сунул в карман? Давай, живо!

Эрвин смотрел на оружие, покачивавшееся в руках Кривоноса. Отдать единственную вещь, оставшуюся от деда, в чужие загребущие руки? Он вытащил часы из кармана.

— Ты про это? — Эрвин покачал часы на цепочке. — Они мои.

— Были твои, а станут мои. Кидай, — Илия набычился.

— Руки-то освободи. Не поймаешь — разобьются, — Эрвин старался казаться спокойным.

— Клади на пол, а сам отойди в сторону, — ответил гвардеец.

Ночной гость аккуратно положил часы на пол, встал и отошел.

— Вообще-то, я тебя пристрелить могу как вора, понял?

Илия, пьяно покачиваясь, приблизился к заветным часам. — И меня за это еще наградят!

— Я бы не стал так торопиться.

— Да ладно, шучу я! — сказал Илия, забирая часы. — В следующий раз, может, еще чего нароешь. Я не жадный.

Эрвин старался не выдать своих чувств. Дедовские часы — вещь, которую бабушка чудом смогла сберечь от ищеек охраны, — перекочевали в карман тупоголового гвардейца.

— Иди вперед давай! — прикрикнул Илия.

Эрвин двинулся между стеллажами, свернул в один проход, в другой. Гвардеец с трудом поспевал за ним. Около самого выхода из хранилища Эрвин притормозил и потянул тяжелую дверь на себя. Илия подошел ближе. Эрвин резко повернулся, выбил оружие из рук гвардейца, бросился на него и сбил с ног.

Вышневец не был маменькиным сыночком, улица всегда была его вторым домом, а уличные стычки — одно из любимых развлечений. Илия не ожидал такого напора — он оказался намного слабее. Несмотря на внушительную комплекцию, жизнь его протекала вдали от пустырей и подворотен. Родители, зная, что их отпрыск трусоват, всячески оберегали любимое чадо от ненужного общения.

Эрвин придавил Илию к полу — от ярости он не контролировал себя. Тот захрипел, вытаращив глаза.

— Пусти, — прошептал он, — я покажу ключи. Ты же их ищешь?

Эрвин запустил руку в карман гвардейца, вытащил часы и размахнулся, чтобы врезать в лицо. Илия пугливо втянул голову в плечи.

— Это я спрятал ключи, специально! — всхлипнул он, дрожа.

Эрвин, тяжело дыша, остановился, встал, подобрал огнестрел.

— Подравнять бы твой нос под фамилию, гад! Ладно, иди показывай, — сквозь зубы процедил Эрвин, взяв Илию на прицел. — Только попробуй дернуться!

Гвардеец не обманул: в самом дальнем углу в полу оказался замаскированный тайник. Илия вытащил объемистый деревянный ящик, в котором действительно лежали ключи. От радости Эрвин чуть не выронил ружье. Сколько же тут ключей! И совсем древних, изъеденных ржавчиной, и вполне новых, маленьких, больших и даже почти игрушечных, как ключики от шкатулки.

Эрвин лихорадочно перебирал ключи. Илия стоял недалеко и хлюпал носом, из которого сочилась кровь. Он был так напуган, что не смел даже пошевелиться. Гвардеец ждал указаний, словно щенок, которого за провинность наказал хозяин. Внезапно воодушевление, в котором пребывал Эрвин, сменилось заминкой. Как определить, какие из ключей принадлежали деду? Это же не магнит, к рукам не прилипнет. Илия, напряженно наблюдавший за приятелем, уловил перемену в его настроении.

— Нам говорили, ключ дверника никому не подчиняется, кроме самого дверника. Ты разве не знаешь? — спросил Илия.

Эрвин застыл. Почему он решил, что если найдет ключи деда, то откроет дверь в другой мир? Разве это возможно? Кривонос прав: ключ слушается лишь того, кому принадлежит. А что Эрвин возомнил о себе? Он не владелец ключа. Зачем только полез в хранилище?

Илия снова хлюпнул носом. Эрвин неприязненно покосился на него. Кого он слушает? Эту размазню? Так просто внук дверника не сдастся. Клочок бумаги, на котором Эрвин зарисовал форму замочной скважины и ширину двери в тайном убежище деда, уже в руках. Ничего, здесь найдутся подходящие образцы, он не уйдет налегке.

Парень расталкивал по карманам куртки подходящие по длине ключи, краем глаза следил за гвардейцем. Хорошо, что не наболтал лишнего Кривоносу. Эрвина и так три года разыскивают как уклониста. Родной дом стал чужим. Мало ему ищеек Высотомера, теперь прибавился еще один враг. То, что Кривонос будет мстить, ясно как драконий хвост.

— Сиди здесь до утра! — гаркнул Эрвин гвардейцу, пнул ногой злосчастный ящик, подобрал огнестрел Илии и двинулся вон из хранилища. — Вякнешь про меня, я в долгу не останусь, — припечатал напоследок.

На улице хозяйничала ночь. Прохладный ветер приятно освежал лицо. Удушающая вонь старого бункера осталась позади. Эрвин вдохнул полной грудью, бросил огнестрел в кусты и скрылся в ночной темноте. Войлочная обувь скрывала его шаги, но это не радовало. Эрвин знал: рано или поздно Илия донесет на него. И когда внука дверника найдут, ему определят место, которое он совсем не собирался занимать...

Глава 4. Волшебный цветок

Приступ паники, который предчувствовала Соня, начался незамедлительно после ухода Ларри. Она осталась одна. В первый день Соня ещё старалась держаться: изучила дом, перемерила вещи сестры Ларри перед небольшим старым зеркалом, подобрала себе цветастую широкую юбку и кофточку с длинным рукавом, осмелилась сходить к ручью, побродила в лесу недалеко от домика. Вниз по тропе, к Межгорью, идти не решилась, хотя к тропинке, которая вела к людям, ее тянуло с неодолимой силой. Верный Горыныч сопровождал Соню повсюду: ходил к ручью, топтался около дома, бродил по полянке.

Стремительно наступившая ночь расставила всё по своим местам. Соня почувствовала удушающие объятия страха. Заснуть не получалось почти до утра, ночные звуки и шорохи не

давали сомкнуть глаз. Соня, в сущности, еще никогда не оставалась одна так надолго — рядом всегда были люди. Дома — бабушка и мама, в школе — одноклассники и море ребят. На улице, во дворе, в магазине — везде и всюду ее окружали люди. Это было естественно, просто и обыденно.

Сейчас, в лесной глуши, в домике на краю поляны, она была совершенно одна, если не считать зверя из ее детских сказок. И одиночество оказалось оглушительным и невыносимым. Теперь даже та первая ночь в незнакомой стране в лесу под открытым небом показалась счастливой, потому что рядом был Эрвин.

Промаявшись до рассвета, Соня к утру в изнеможении заснула. Потом целый день провела почти в бессознательном состоянии, чтобы следующую ночь встретить в таком же страхе и оцепенении. Лежа на неудобной тахте, без конца думая о доме, она прислушивалась к ночным звукам, доносившимся из леса, вставала, на цыпочках подкрадывалась к окну, с затаенным волнением оглядывала поляну, облегченно вздыхала, видя спящего около крыльца Горыныча, вновь укладывалась, опять прислушивалась, вставала — и так по кругу всю ночь.

Привычки быть одной не возникало. Успокоение приходило только от вездесущего Горыныча, который ночью частенько спал у порога, а днем, переваливаясь на толстых лапах, бродил за Соней в надежде получать какое-нибудь лакомство из ее рук. Когда Горыныч удалялся в лес по своим делам, Соня испытывала сильнейшую тревогу, переходящую в безмолвную истерику. И только возвращение дракона дарило покой измученному сердцу, как утренняя заря, неизменно и преданно взирающая на невольную гостью из чужого мира.

Эти бесконечные бессонные ночи стали для Сони настоящим мучением. И в одну из таких ночей, когда перевалило далеко за полночь, Соня, устав от постоянного недосыпа, крепко заснула.

Страшный сон, так долго поджидавший свою жертву, не замедлил явиться: снились всполохи огня, гортанные выкрики, погоня. Не замечая ничего вокруг, Соня мчалась от преследователей, кровь стучала у нее в висках, трава цеплялась за ноги, по лицу хлестали ветки, хотелось бежать быстрее, но страх лишал сил. Смертельная опасность, приближающаяся во сне, как наяву, заставила открыть глаза.

Соня рывком села на низком топчане, огляделась. Сердце бешено колотилось о ребра, будто она действительно только что неслась по лесу. Спать расхотелось. Соня встала, отдернула льняные занавески с цветочным узором, осторожно выглянула в окно. Никого нет, только темный силуэт Горыныча на краю поляны — милый, добрый дракоша, единственный друг в чужой стране.

Накинув ветровку, она вышла на крыльцо, поежилась, утренняя прохлада бодрила. Солнце приближалось к линии горизонта, свет пробивался сквозь ночную дымку, но ветер был еще свеж. Прохлада помогла выбросить страшные видения из головы.

От стука входной двери на краю поляны зашевелился Горыныч. Увидев девушку, встал на короткие лапы, с хрустом расправил крылья, вытянул свой толстый змеиный хвост. Соня неторопливо подошла к дракону, с интересом изучая его.

«Крылья как крылья. Что Эрвину не нравится? Я бы даже сказала, могучие крылья» — подумала она.

После нескольких дней общения Соня совсем перестала бояться дракона. Она внимательно осмотрела его крылья, провела по шершавой грубой поверхности рукой. Горыныч приосанился и — вжик! — выпустил на концах крыльев острые, как ножи, шипы. Девушка испуганно отдернула руку. Дракон убрал шипы, гордясь произведенным эффектом.

— А что еще ты умеешь?

Вопрос поставил Горыныча в тупик, он возвел глаза к небу и задумался. Что же он умеет? Дракон присел на свои короткие лапы и подставил спину. Покататься? Ну конечно! Он предлагал полетать. Соня сделала шаг назад. Нет, это не для нее. Одно дело — сидеть за спиной Эрвина, другое — оказаться в одиночестве верхом на малознакомом живом транспортном средстве. Соня помотала головой и хлопнула Горыныча по шероховатой чешуйчатой шее.

— Спасибо, но, если честно, я боюсь высоты. Да и управлять тобой не умею. А если мы заблудимся? Ты знаешь, куда лететь?

Горыныч засопел и отвернулся. Он всем своим видом выказывал обиду.

— Что, ты не можешь заблудиться?

Горыныч приосанился. Да, никогда!

Неужели в Верховии драконы разумные? Просто разрыв мозга. А если даже и так.

— Всё равно, не буду летать. Спасибо за приглашение.

Горыныч вдруг протяжно вздохнул, его горестный вздох такой жалостью откликнулся в Сонином сердце, что она задумалась. Почему она не доверяет дракону? Его, беднягу, и так Эрвин ни во что не ставит. Девушка решительно подошла к Горынычу.

— Давай летаем, только невысоко. — Соня указала рукой на деревья, — немного выше них. — Надо же хоть чуть-чуть познакомиться с окрестностями.

Подведя дракона за узду поближе к крыльцу, Соня со ступенек с трудом вскарабкалась в седло и натянула поводья. Уже в следующую секунду она сильно пожалела о своем поступке. Горыныч взлетел рывками. Но Соня совсем не знала, как им управлять. Эрвин, надо признаться, умел это делать. Она вцепилась в поводья.

— Горыныч, я не знаю, куда лететь, выбирай сам! Только невысоко и недолго.

Как же Соня ошибалась. Она не знала, что самостоятельный выбор для дракона подобен разрешению для тинейджера погулять где хочется, после которого вся родня и знакомые будут стоять на ухах, разыскивая любимое чадо.

Горыныч — юный дракон — оттого, что ему дали полную свободу, воспарил в прямом и переносном смысле. Он поднялся так высоко, что у Сони захватило дух. От страха и восторга пульс долбил в голове, ветер выбивал из глаз слёзы, тошнота подкатывала к горлу, когда дракона начинало раскачивать.

Вдали дракон заметил голубую полосу воды и двинулся туда. Путь неблизкий, но Горыныч, ощутив радость полета, резво замахал крыльями.

Скоро появилось большое овальное озеро в обрамлении гор. С высоты Соня даже не заметила, как они перемахнули гряду гор. Сверху вода казалась неправдоподобно гладкой, словно блестело темное зеркало. Тёмная тень отразилась на гладкой поверхности.

Горыныч спикировал на берег, как всегда резко и неуклюже. Соня выпрыгнула из седла. Дракон ходко потрусил к кромке воды, чтобы напиться. Наездница направилась вслед за ним, она тоже чувствовала жажду.

Вода в озере была прозрачной и очень холодной. Соня осторожно попробовала ее. На вкус — обычная. Всё-таки хорошо, что они сюда прилетели, — такая красота вокруг! Соня присела на мелкую гальку, усыпавшую берег. Она набрала горсть камешков и стала бросать их в воду, глядя на разбегающиеся по поверхности круги.

Горыныч углубился в лес, который начинался сразу за узкой полоской берега. Солнце клонилось к горизонту, девушка занервничала. Дракон куда-то запропастился, а без его

общества ей вдруг стало совсем неудобно. Да, и как обратно к домику вернуться? Наконец послышался шум, закачались кроны деревьев и из кустов вывалился довольный Горыныч, морда которого была в тёмных пятнах крови. Поужинал братец каким-то кроликом.

Соня взобралась в самодельное высокое седло между двух гребней на спине дракона, и они взлетели. Сумерки нагоняли их быстрее, чем Горыныч летел к дому. Девушку всегда поражало, как быстро наступала ночь в Верховии, будто кто-то набрасывал на землю темный полог. Горыныч заволновался. Он поменял курс один раз, потом второй. Они летели и летели, а знакомой поляны всё не было видно, темнота подступила со всех сторон, скрыв очертания леса.

— Ты заблудился?! — крикнула Соня.

Горыныч завис на месте, отчаянно работая крыльями. Он действительно потерял направление. Соня не знала, что драконы плохо ориентируются в темноте, тем более в незнакомом месте. Неудивительно, что Горыныч растерялся.

— Вниз! Садись, там полянка, — закричала Соня, увидев светлое пятно в окружении темного леса. Она рассудила верно, испуганный Горыныч может наломать дров. И хотя ей самой страшно, управление надо брать в свои руки. Горыныч в облегчении сложил крылья и плюхнулся вниз, перед самой землёй затормозив, сбросил скорость падения. Приземлился гораздо мягче прежнего.

— В темноте мы всё равно ничего не найдем, — прикинула Соня. — Раз уж заблудились, заночуем здесь, герой. Спи теперь.

Услышав такое знакомое и понятное слово, Горыныч поворчал немного, брыкнулся на землю и через минуту уже дрых. «Как он так быстро отключается?» — подумала Соня, привалилась к его боку и уснула. Удивительно, в лесном домике не спалось, а тут.... Похрапывание Горыныча производило на нее поистине гипнотическое действие.

Так иногда бывает: просыпаешься вдруг ночью и не можешь понять, где ты, что вокруг? Соня открыла глаза. Нет, ее не испугал ночной кошмар. Возникло ощущение, что рядом кто-то есть. Девочка осторожно высунула голову из-под драконьего крыла. Невдалеке по поляне над самой землей двигались небольшие мерцающие точки. Они перемещались в одном направлении, и можно было подумать, что они собираются вместе — как маленькие ручейки вливаются в большое русло. Огоньки-светлячки стали удаляться. Соня осторожно выползла из-под крыла. Горыныч громко всхрапнул, но не проснулся.

Огоньки двигались. В их движении был виден смысл и порядок. Интересно, что же это такое? Соня, стараясь ступать бесшумно по пружинистому мху, отправилась вслед. Вскоре движение потока замедлилось, и светлячки почти скрылись с глаз. Соня подобралась ближе к месту исчезновения светлячков и выглянула из-за кустов. Огоньки собрались на большой поляне, и тут стало ясно, что их держали небольшие немного выше метра существа, круглые, как шарики на коротких ножках с такими же короткими ручками. Тело и голова у них как будто сливались в одно целое.

«Колобки. С виду безобидные».

Двигаясь как можно тише, Соня подобралась к зарослям на опушке большой поляны. В центре утоптанного места сбора возвышалась огромная куча хвороста, вокруг которой расселись круглые создания. В середину торжественно вышел один из них — в длинном светлом балахоне, с горящим факелом в руке. Величественный кругляш, похожий на шамана, провозгласил что-то низким гортанным голосом, все стихли. Видимо, наступил важный момент.

Соня замерла, боясь ненароком шелохнуться. Кругляш с факелом заговорил, остальные подхватили его заклинания дружным заунывным хором. Шаман поднес факел к сухим веткам. Мгновенно вспыхнул огонь, запылало пламя. Возгласы кругляшей стали громче, их гортанные выкрики откликнулись в сердце Сони неясным трепетом.

Костер разгорался, языки пламени тянулись вверх, огненные искры взлетали всё выше и выше, как будто призывая свершить волю небес. Достигнув предельной высоты, пламя начало медленно распадаться по сторонам, образуя громадный раскрывающийся огненный цветок. Это стало сигналом для кругляшей, которые, взыв, упали на колени.

Языки огня распadaлись всё сильнее, стали видны пылающие угли в центре костра, по толпе кругляшей пронесся благоговейный шепот. Они следили за действием, молитвенно сложив руки.

*

Раздался отчетливый резкий звук. Соня вздрогнула, в воздух взметнулись пылающие головешки, будто в центре костра произошел маленький взрыв. Еще и еще взмывали в небо горящие угли, в середине огненного цветка появилась черная трещина, ломаным зигзагом прошла по земле, которую словно разрывало изнутри. Трещина расширялась, раздавалась, и тут из нее — о чудо! — показался нежный зеленый росток. Он, несмотря на пламя, яростно шумевшее вокруг оголенного черного пятна, начал тянуться вверх, на нем появились листья, стебель вырос, стал толще, и вот уже на конце ростка образовался красный бутон, который увеличился прямо на глазах.

Из бутона неторопливо начал распускаться цветок с ярко-алыми лепестками. Кругляши пали ниц, распластавшись на земле, преклоняясь перед чудом, творившимся на поляне. Волшебное зрелище словно парализовало Соню, она не могла отвести взгляд от дивного цветка.

Божественной красоты цветок, распустившись ярким большим соцветием, будто бы сделал вдох, оторвался от земли и поднялся в воздух. Он завис над кругляшами, словно в раздумье. Несколько минут он парил неподвижно, потом начал неспешное движение. Волшебный цветок облетел всю поляну и направился к опушке — туда, где за кустами пряталась Соня.

Цветок летел прямо к ней, освещая всё вокруг теплым нежным светом. Соня, как зачарованная, следила за ним, и вот он уже рядом, прямо перед ней. Девушка отчетливо разглядела прозрачные ярко-алые лепестки с мелкими прожилками, дрожащие золотые тычинки на тонких прозрачных ниточках, она чувствовала чарующий тонкий аромат, исходящий от волшебного цветка.

Цветок подрагивал, будто дышал, смотрел на девочку, проникая вглубь ее сознания, манил к себе. Ее руки сами собой протянулись к цветку, почти дотронулись. Опомнившись, Соня остановилась. Цветок был так близко, что пальцы закололо мелкими иголочками, по спине прокатились мурашки.

На поляне послышался ропот. Словно очнувшись, Соня попятилась. Цветок последовал за ней, поднялся выше, налился светом, увеличился в размере и, качнувшись, взорвался маленьким салютом, рассыпал на лицо Сони золотистую пыльцу. Девочка оступилась, под ногами хрустнула ветка. Она выдала себя!

Сердце девушки совершило стремительный кувырок. Соня повернулась и бросилась прочь от поляны. Цветок летел за ней и сыпал пыльцу сверху. Нежный свет, исходящий от цветка, стал постепенно затухать.

Не разбирая дороги, Соня мчалась к месту ночевки. Позади слышался топот, хруст веток под ногами преследователей, гортанные крики. На ее голове, плечах, лице светилась золотая пыльца. Цветок отстал, начал вянуть и, наконец, упал в траву, потеряв свой свет и аромат, став совершенно невидимым.

Соня вылетела на поляну, где спал Горыныч. Она подбежала к дракону, прошипела его имя прямо в ухо, отчего тот мгновенно вскинул голову и выпучил глаза. От девочки исходило неяркое сияние. Соня взметнулась на спину дракона, на его шкуру посыпались золотистые пылинки.

— Горыныч, взлетай. За мной погоня. Быстрее! — в ее голосе слышался такой ужас, что дракон, не мешкая ни секунды, резво поднялся над лесом.

На поляне, откуда он стартовал, появилась толпа кругляшей, беспорядочно замелькали огоньки, кругляши задирали головы, грозили кулаками, выкрикивали ругательства. Соня перевела дух. Горыныч бодро махал крыльями, ночное приключение осталось позади, новый день приветствовал путешественников посветлевшим небосводом. Эта странная ночь уходила в небытие. Чуть забрезжил рассвет.

— Горыныч, — горячо зашептала наездница, прильнув к уху дракона, — нам нужно домой. У тебя должен быть внутренний ориентир, — последние слова Соня произнесла не так уверенно, как хотелось бы.

Домой так домой. Дракон напустил на себя важный вид и выбрал направление. Изрядно поплутав, они всё же приземлились на своей лужайке. Не успела Соня выбраться из седла, как из домика выбежал бледный испуганный Ларри. Он бросился к Соне, помогая ей спуститься на землю.

— Соня, что с тобой? В чём ты измазалась? Что случилось? Где вы были? Я думал, вас поймали! — Ларри сыпал вопросами, он был сам не свой. — Принёс вечером еду, никого нет. Я подумал, что здесь были гвардейцы. Вы от них сбежали?

Сбежали, но не от гвардейцев

Ларри частил так, что Соня вдруг уверилась, если расскажет правду, парень грохнетя в обморок.

— Нас здесь не было. Мы ночевали в лесу. Гвардейцы только в твоём воспалённом сознании.

Ларри болезненно скривился. Взял паузу.

— Ты летала на Горыныче? Немыслимо! Как ты решилась? И всё-таки тебе сильно повезло, — Ларри никак не мог поверить в чудесное избавление. Кажется, действительно, он стал паникёром.

— Мы были высоко в горах у озера. В нём очень холодная вода.

— У Ледяного озера!

Ларри охал и ахал, не переставая удивляться.

Кое-как с помощью парня расседлав Горыныча, Соня отправилась к ручью. Ей хотелось, чтобы Ларри перестал нервничать и пугать её своими страшилками.

— Этой ночью я видела таких небольших круглых существ...

— Кругляшей?! — Ларри запнулся о кочку, упав на одно колено. — Они... они очень опасны.

— Да? — Соня улыбнулась, глядя на Ларри. — Они такие маленькие и смешные.

Почти как ты

Ларри поднялся с колена, не обращая внимания на испачканную травой штанину.

— Кругляши обладают магией. Они ненавидят людей. Говорят, кругляши появились в Верховии гораздо раньше людей. Они обладают магией. Люди прогнали их, кругляшам пришлось уйти в горы и леса.

Соня испугалась. Что, как не колдовство творилось на поляне. И цветок! Зачем он гнался за ней и сыпал пыльцу?

— Где ты их видела?

— Ночью в лесу случайно. Несколько кругляшей пробежали невдалеке от меня, — ответила Соня, подходя к ручью. Рассказать о волшебном цветке? А вдруг он с ней что-то сотворил, и верховенцы сочтут её опасной. А если магия кругляшей передалась ей? Нет. Надо молчать. Ничего не видела, ничего не было.

— Кругляши тебя заметили?

— Нет. Я спала под крылом Горыныча. Они к нам... не подходили.

— Ужас, что могло случиться, — Ларри зачерпнул холодной воды из родника, плеснул себе в лицо.

Соня смотрела на бледного Ларри. Похоже, одна кошмарная мысль в его голове сменилась другой, не менее ужасной. Сколько еще он будет пугаться и пугать её? Зачем он только сказал про магию!

— А дверники — это маги?

— О-о-откуда ты знаешь это слово? — Ларри от неожиданности пошатнулся и чуть не упал в ручей. Что за день-то сегодня такой.

— Эрвин говорил.

Она уже умылась, выпила воды и двинулась обратно к избушке. Ларри шел рядом и вздыхал, как будто решая трудную задачу.

— Дверники, действительно, обладают древней магией. Никто не знает, почему она вдруг проявляется в человеке, — словно через силу выдавил он.

— Считается, что у нас нет магии. А дверники могут из одной точки попадать в совершенно другую.

Ну, точно, как я

— Это редкий дар, — продолжал Ларри, — и те, в ком он проявлялся, скрывали его. Власти преследовали людей, которых подозревали в дверничестве.

— Почему?

— Перемещения могли происходить, — Ларри тяжело вздохнул, — между мирами. Пропадали вещи, люди, семьи. И, наоборот, в Верховию из других мест дверники могли принести что-нибудь опасное. Такое, что могло погубить всех жителей.

Болезни? Оружие? Войны? Соня задумалась. Ей, действительно, следовало молчать с своим миром. Но как узнать о возвращении обратно?

— Мне показалось, Эрвин имеет к дверникам какое-то отношение.

Ларри взъерошил волосы.

— Ты права, — опять вздох, — дело в том, что деда Эрвина обвинили в дверничестве, арестовали, а потом он пропал.

— Пропал?

— Его следы затерялись.

— Грустная история. А твои родители?

— С ними всё в порядке. Мы живем вместе: отец, мать, сестра и я.

— А родители Эрвина? У него есть семья? — заинтересовалась Соня.

— Да, — как-то уныло отозвался Ларри, — у него есть мать и её новый...муж. Бабушка умерла.

— А отец?

— Я ничего не знаю об отце Эрвина, — сморщился белый китаец.

— Вообще ничего?

Соня как будто тянула из Ларри каждую фразу. С трудом преодолевая внутреннее сопротивление, он всё-таки отвечал. Соня не осознавала, какую власть получила над парнем.

— Если честно, мать ушла от мужа еще до рождения Эрвина, там довольно темная история. Авивия никогда не рассказывала о муже. Но сейчас, Соня, мы должны поговорить о тебе.

Ларри снова затянул песню о бдительности и осторожности, его беспокойство могло бы стать заразным, но сейчас Соня не в состоянии воспринимать слова белого китайца. Она тихонько зевала, посматривая в сторону домика. Предыдущую ночь трудно было бы назвать спокойной.

Ларри вздохнул, печально распрощался и ушел. Он был встревожен, и Соня, что удивительно, разделяла его страхи. Если она дверница и об этом узнают.... Не зря Эрвин так беспокоился.

Ларри, бредя по тропинке, грустно вздыхал. Соня летает на драконе, а он даже представить такое не может, никогда не рискнёт взлететь.

Глава 5. Жёсткая посадка

Мысли о доме не отпускали Соню. За несколько дней случилось столько, сколько ни произошло за всю предыдущую жизнь. Что с родными? В городе, наверное, все ее ищут. Девушка не находила себе места, думая о маме и бабушке. Картины одна другой страшнее мучили и терзали ее. Находиться в четырёх стенах было невыносимо.

Отвлечь Соню мог только Горыныч. Поэтому, когда дракон опять захотел полетать, несмотря на вчерашнюю неудачу, она тут же согласилась. Лучше уж небо, чем ужасики в голове. Тем более Соня заметила, что перестала страшиться полетов. Как на сноуборде, который она любила до самозабвения: чем больше катаешься, тем увереннее себя чувствуешь. А когда еще представится возможность полетать на драконе?

Залезать в седло сбоку — одно сплошное мучение: высоко и неудобно. Подняться по жесткому чешуйчатому крылу тоже трудно: ухватиться не за что, и скользко, как на обледенелой горке. Несколько раз испробовав этот способ, скатившись с крыла на землю, Соня нашла способ вскарабкаться Горынычу на спину. Придерживаясь за гребень, она ступила на драконий хвост и осторожно взобралась по спине зверя, который, на удивление, стоял смирно, будто бы осознавая всю серьезность момента.

В результате Соня не спеша добралась до седла, удобно устроилась и пристукнула пятками, давая понять, что готова. Почувствовав уверенность всадницы, Горыныч облегченно вздохнул и рывками пошел на взлет. И тут Соня неожиданно осознала, раскочка дракона не вызывает в ней тошноты, лететь было легко. Как же быстро она приспособилась! Мысленно вручив себе поощрительную шоколадку, Соня гордо улыбнулась. Да из нее еще о-го-го какая наездница выйдет!

В этот раз они поднялись выше обычного. Горыныч почувствовал свободу и расправил крылья, пытаясь поймать поток. Но парение ему давалось с трудом, узкие крылья плохо справлялись с задачей. Дракон раз за разом повторял свой маневр. Соня поняла и

возликовала: Горыныч осознает свое неумение плавно парить и, главное, хочет учиться. Значит, он умеет чувствовать, только не может об этом сказать. Горыныч умный и способный. Им обязательно надо учиться. И ему, и ей.

Горыныч заслужил похвалу, Соня похлопала его по жесткой шее:

— Молодец, ты всё правильно делаешь. Давай вверх. Там ветер сильнее.

Дракон воодушевился. Он набрал высоту, но последующий спуск снова оказался неровным. Впрочем, Соню это не беспокоило. Она могла без эйфории подниматься и безболезненно спускаться, не боясь резких срывов вниз и вертикальной посадки. Настоящая удача для дракона с узкими крыльями и девушки из другого мира. Вместе они неожиданно составили идеальную пару.

Весь день Соня и Горыныч провели в небе. А под вечер, когда дракон устал и расслабился, произошло чудо. Крылья Горыныча понесли его свободно и непринужденно. Всадница и дракон одновременно ощутили необычайную легкость полета, как будто кто-то нежно и ласково нес их на своих руках. Небо уже темнело, и лучи заходящего солнца освещали верхушки деревьев. Закат был невероятной красоты.

— Горыныч, ты гений!

В тот же миг гений свалился в крутое, почти вертикальное пики. Восторг сменился смятением. Дракон не совладал с чувствами. Посадка оказалась такой жесткой, что Соню сильно потрянуло в седле. Но это не испортило ей настроения. Теперь она знала: всё только начинается.

Утром следующего дня уже Соня подгоняла Горыныча. Ей не терпелось продолжить обучение парению. Дракон, в отличие от девочки, был странно вял и скован. Он поднялся в воздух, с трудом взмахивая крыльями. Соня видела, как он старается, поднимается выше, пытается парить, но вчерашнее скольжение не удавалось. Соня раз за разом повторяла попытки, успокаивала Горыныча, ободряюще похлопывала его по спине, но выходило только хуже. Похоже, дракон никак не мог забыть о вчерашнем срыве.

Ничего не получалось. Соня устала, качка и дерганные спуски утомили ее. Она приказала дракону возвращаться. Горыныч виновато повернул к дому. Когда они приземлились на поляну, наездница, соскочив с седла, решила поговорить с драконом. При этом растерянный Горыныч упорно клонил голову и отводил глаза.

— Однажды у доски я решала задачу. Задача была сложная, — начала Соня, — и у меня ничего не получалось. Я так разнервничалась, что вообще ничего не могла решить. Тогда учительница сказала мне... — девочка заметила, что Горыныч наострил уши, и заговорила с еще большим воодушевлением: — Учительница сказала: «Дело не в задаче, а в тебе. Ты думаешь о себе, а не о задаче». Это правда, я думала о том, как ужасно выгляжу перед одноклассниками красная как рак с вспотевшими подмышками. Только учти, это секрет. Ты понимаешь, о чем я?

Горыныч насупился и отвернулся. Он понимал. Или не понимал? Соне ничего не оставалось, как грустно взглянуть на чешуйчатого друга и уйти в домик. Не успела она закрыть дверь избушки, как раздался шум крыльев. Соня выскочила на крыльцо. Горыныч улетел без нее. Жаль, конечно, но и дракон имеет право побыть в одиночестве.

День не задался. Беспокойство терзало Соню. Она без конца выходила на лужайку перед домом, подолгу стояла, вглядываясь в небо до рези в глазах, прислушивалась к звукам. Горыныч не возвращался.

Соня беспокоилась всё сильнее и сильнее. Тревога, страх и беспомощность накатывали

волнами. Эрвин говорил, что драконы, выведенные в неволе, преданы хозяину. Неужели Горыныч улетел навсегда? Как он мог оставить ее одну?

Когда дракон спал на поляне перед домом, ей было спокойнее. А теперь темные тени от деревьев, исполосовавшие поляну, показались такими зловещими, что она поспешила вернуться в избушку и закрыть за собой дверь на засов. В эту минуту Соня ощутила себя такой несчастной. Как же ей не хватает родного дома, мамы, бабушки! Она свернулась клубочком на плоском топчане, слезы тонкими дорожками потекли по лицу.

Кто-то осторожно поскреб в дверь. От этого звука Соню подбросило на кровати так, что она чуть не свалилась на пол. Тихое постукивание продолжалось. Пересилив страх, девушка бесшумно встала и подкралась к окну. Она всмотрелась в ночной сумрак и различила знакомые контуры: у крыльца топтался Горыныч.

Соня кинулась к двери, распахнула ее, выскочила на крыльцо. Дракон судорожно вздохнул и положил морду на плечо девушки. Она провела рукой по его бугристой чешуйчатой шее, костяному гребню.

— Где ты был? Как добрался? Ты же плохо видишь в темноте!

Что он мог ответить? Только поджал лапы и улегся у порога.

— Это самое лучшее место. Спокойной ночи, — нежно сказала Соня.

Но Горыныч не услышал, он уже спал.

Следующее утро выдалось пасмурным. Небо затянули тучи, моросил мелкий дождик. Погода определила: не будет полетов и экспериментов, хотя сидеть в избушке и страдать не хотелось. Горыныч тоже унывать не желал. Всем своим видом он дал понять, что пора в небо. Дракон расправлял крылья, разминаясь, крутил головой, топтался по поляне, не находя себе места.

— Может, не полетим? — спросила Соня.

Но Горыныч утвердительно махнул башкой, он услышал только «полетим».

Вот как можно перечить деловому энергичному дракону, уверенному в своей силе? В одежном шкафу девочка нашла плотные брюки, плащ-накидку, красные сапожки с загнутыми носами и шляпу на завязках с широкими полями. Одежда пришлась впору, только брюки чуть длинноваты. Соня закатала брючины ровно до середины голенища сапог и притопнула ногой. Э — ха! В таком виде можно пуститься в путь. Горыныч остался доволен нарядом Сони, для него дождь не помеха. Он, похоже, вчера разведаль новые места и сейчас хотел похвастаться перед наездницей.

В полете Горыныча появилась плавность, высоту он набрал быстрее обычного. Соне показалось, что она уловила суть науки летать. Горыныч стремился к совершенству и делал это осознанно. Умница! Она одобрительно похлопала дракона по шее, отчего тот счастливо хмыкнул.

Полет намечался великолепный, но неожиданно в долинах между гор путешественники попали в густой утренний туман. Серая дымка поглотила всё вокруг, накрыла небо и землю плотной мглой. Горыныч растерялся, судорожно замахал крыльями, закрутился на месте. Его испуг мгновенно передался Соне. Драконы не могут летать в темноте. Туман хоть и серый, но что-либо рассмотреть впереди невозможно, его непроницаемость оспаривала первенство у безлунной ночи.

Может, надо приземлиться? А если там деревья или скалы? Горыныч не сможет затормозить, он садится очень резко

— Всё хорошо. Лети вперед, не торопись... успокойся, — голос Сони дрожал, она не

знала, что придумать. Туман забирался за шиворот, просачивался внутрь, туманная пелена делала их слепыми.

От слова «успокойся» Горыныч совсем потерял голову. Его бросало из стороны в сторону, вниз и вверх, жуткими рывками. Соня с трудом держалась в седле. Дракон стал неуправляем. Существовало только одно средство.

— Горыныч, спать! — крикнула Соня.

Она знала, как действует на него это слово, но поможет ли оно сейчас?

— Спать!

Дракон взмахивал крыльями всё реже и реже. Кажется, он и вправду отключился. Соня панически озиралась по сторонам. Надо что-то срочно придумать. Горыныч терял высоту. Но что под ними? Один сплошной туман...

Соня склонилась к уху дракона и сказала как можно спокойнее:

— Лететь. Спать и лететь.

Соня сама не знала, откуда у неё родилась уверенность, что из Горыныч поймёт и выполнит.

Дракон подчинился. Взмахи крыльев стали неторопливыми и равномерными. Горыныч летел с закрытыми глазами, если так можно выразиться, в «спящем режиме» и чувствовал себя отлично.

Вскоре клубы тумана сделались прозрачнее, светлее, потом разошлись клочками по сторонам, рассеялись под лучами солнца, пробивавшего дорогу сквозь тучи. Туман поредел. Стало видны контуры земли. Горыныч набрал довольно приличную высоту. Кажется, они никогда раньше так высоко не летали.

Совсем недалеко высились знакомые горы и ущелья. Они сейчас рядом с Ледяным озером! Вот тут Соня испугалась второй раз. Как же они летели? Ведь могли запросто врезаться в склон! Как им удалось миновать в сплошном мареве опасные места?

По ощущениям, прошло достаточно времени с начала «сонного» полёта, и всадница решила, что Горыныча пора будить. Она дернула уздечку и четко произнесла:

— Подъем.

Дракон встрепенулся, открыл глаза и мгновенно струсил. Он видимо никогда ещё не взлетал так высоко.

Отчаянно работая крыльями, Горыныч сорвался в крутое пике и вмиг набрал скорость. Соня увидела, что дракон не может толком взмахнуть крылом. В момент взмаха оно теряло устойчивость. Горыныч потерял управление и теперь несся вниз с бешеной скоростью.

Соня не успела испугаться, всё произошло слишком быстро. Она крикнула:

— Я держусь!

Горыныч не расслышал и еще больше запаниковал. Сопrotивляясь потоку, он попытался еще раз взмахнуть крыльями, но его закрутило штопором. Столкновение с землей неизбежно. Соню не пугала скорость, но, когда их закрутило винтом, она, что есть силы, вцепилась в уздечку, пригнувшись к дракону настолько, насколько позволял его костяной гребень. Хорошо, высота была достаточная, и дракон, вильнув хвостом, который чуть слушался, направился в воду. Путешественники рухнули в озеро.

Посадка на воду оказалась сверхжесткой для обоих. Горыныч получил сильнейший удар о воду и ушёл в глубину. Соню отбросило в сторону, и она потеряла сознание. Горыныч, очухавшись, вылез на поверхность озера и понял, Сони нигде нет. Он зарычал, втянул носом воздух и нырнул.

Девушка погружалась на самое дно мрачного безмолвного озера. Бешено молотя лапами, дракон настиг ее, зацепил зубами одежду и вынырнул. Выпучив от ужаса огромные глаза, Горыныч изо всех сил погреб к берегу, таща за собой бесчувственное тело. Беспамятство Сони так испугало его, что челюсти, которыми он держал свою ценную ношу, в этот момент не разомкнул бы никто.

Пологий берег уже совсем близко. Горыныч зачерпнул лапами камни со дна и ринулся к спасительной земле. Соня очнулась от боли в спине, когда дракон тащил ее из воды. Осознать, что происходит, не вышло: в памяти осталось только падение. Перевернувшись на бок, девочка захрипела и попыталась судорожно вдохнуть хотя бы глоток воздуха. От первой же попытки легкие опалило огнем.

Как они остались живы? Испуганный Горыныч распластался рядом на берегу. Его бока ходили ходуном, в груди свистело, из пасти тянулась слюна, а тело сотрясала крупная дрожь.

Соня мучительно кашляла, ощущая боль во всем теле. Мокрая одежда ледяным коконом сковала ее. Желая хоть как-то согреться, девочка скинула плащ-накидку, стащила с ног сапожки, которые, на удивление, не свалились в воде, подползла к Горынычу и сжалась в комочек у него под боком.

Почти час Соня стучала зубами, дрожала и кашляла. Наконец, согрелась и перестала трястись. Увидев, что наездница успокоилась, Горыныч принялся жалостливо вздыхать, клонить голову и шарить глазами по сторонам. На беднягу накатило жгучее чувство вины, страдать ему было невмоготу. Горынычу срочно требовалось лекарство, и чем быстрее, тем лучше.

Глянув на озеро, дракон замер, не мигая уставился вдаль. Соня, сколько ни вглядывалась, ничего не увидела. Горыныч суетливо поднялся на толстые лапы, взмахнул крыльями и, неуклюже летя над гладью воды, ринулся на середину озера. Ухватив в пасть заинтересовавший его предмет, повернул назад. В его зубах победно трепыхалась шляпа Асанны с широкими изломанными полями.

Горыныч плюхнулся рядом с хозяйкой, бросил шляпу к ее ногам. И таким искренним счастьем светились его глаза, что Соня чуть не расплакалась. Если бы дракон мог читать мысли, он бы понял, Соня ни секунды не винила чешуйчатого друга, в ее сердце были лишь благодарность и любовь. Обожаемый дракон сейчас больше неё нуждался в утешении и поддержке.

Похлопав дракона по шее, Соня решила произнести ободряющую речь:

— Знаешь, Горыныч, Эрвин говорил, для плавного полета нужны более развитые крылья, ну, чем у тебя. Но я не согласна. Ведь когда ты летел во сне, всё было отлично. Может, дело не в крыльях? Вот если ты трусишь, тогда дело худо. Я думаю, узкие крылья лучше, чем широкие. А почему нет? Ты не знаешь наверняка. Ты же не подозревал, что можешь летать во сне? Тебе надо понять, чем они лучше. Как ими маневрировать, управлять. Ты же летающее существо. Ты должен это знать.

Соня сама не заметила, как в ней проснулся оратор. Она говорила и говорила, вспоминала, доказывала, уговаривала. Хотела укрепить в Горыныче веру в собственные силы. Она считала, что дракон способен на многое и надо только, чтобы он сам поверил в это. И еще от него зависела ее безопасность.

Горыныч притих, слушая Соню. Может, он ничего и не понял, но взбодрился гораздо быстрее, чем ожидала наездница. Виноватое выражение исчезло с его морды. Глаза превратились в узкие щелки, и дракон подставил спину.

Вопрос о доверии решился положительно, пора было возвращаться домой. У Сони болело всё тело, но она без единого вздоха забралась в седло. Горыныч расправил крылья, оттолкнулся, поджал лапы и круто взял вверх.

Глава 6. Асанна

После крушения в Ледяное озеро Соня решила повременить с полетами. Ее давн манила тропа в Межгорье. По ней уходили и приходили Эрвин и Ларри. Почему бы не разведать этот путь? В одежде Асанны девушка выглядела как истинная верховенка, да еще с косой, которую она заплела, следуя наказу Эрвина прибрать волосы.

Без Горыныча отправляться в путь не имело смысла. Уж так повелось, чешуйчатый друг должен быть рядом. В компании с ним Соня чувствовала себя уверенно. Мало ли кто обитает в незнакомом лесу? Хотя, вряд ли этот лес был опасным, но как говорила бабушка, бережёного Бог бережёт, да и ширина тропы вполне позволяла дракону пройти пешком.

Прихватив сучковатую палку, Соня двинулась вниз по тропе. Горыныч заковывлял следом. В лесу было безветренно. Чирикали птички, сквозь листву деревьев пробивалось солнце, под ногами шелестела трава. Под горку идти легко, настроение улучшалось с каждым шагом.

Путешественники преодолели, наверное, половину пути, когда Соня замерла и подала Горынычу знак остановиться. Ей послышались шаги, кто-то шёл им навстречу. Бросив посох и оставив опешившего дракона на тропинке, Соня скользнула за дерево.

Вскоре из-за поворота показалась светловолосая девушка лет восемнадцати в ярком наряде с косами-змеями по всей голове. Встреча дракона и девушки произвела неизгладимое впечатление на обоих. Путница остолбенела, Горыныч в свою очередь так же удивлённо воззрился на нее.

Соня чуть не расхохоталась, глядя на застывшую парочку. Она ожидала, что девушка бросится наутек. Но незнакомка подобрала ту самую сучковатую палку, которую бросила Соня, прячась за дерево, и пошла на Горыныча. Он от неожиданности попятился.

Ситуация стала напряжённой. Соня решила, что пора на сцену, и вышла из-за дерева. Она стала намного смелее после полётов с Горынычем.

— Эй! — крикнула она, чтобы привлечь внимание боевой особы.

Сонино появление повергло незнакомку в шок. Она впилась в девушку немигающим взглядом серых глаз и беззвучно зашевелила губами, будто пытаясь решить задачу с тремя неизвестными. Даже дракон не настолько ее поразил.

Пока девушка буравила Соню взглядом, та никак не могла понять, что так изумило решительную барышню. Неужели Соня не похожа на местную девчонку?

— Убери животное! — крикнула незнакомка, когда к ней вернулась способность говорить.

— Не бойся, он не тронет, мы просто гуляем. Тут недалеко наш дом.

Соня отвечала вежливо, но тон девицы ей был неприятен.

— Как тебя зовут? — в голосе незнакомки послышались грозные нотки.

— Соня.

— Почему ты в моей одежде?

— Упс! Э... Мне Эрвин разрешил. А ты Асанна? — растерялась Соня, опустив глаза на длинную цветастую юбку и блузку с рукавами-фонариками, которые были на ней.

И тут же вспомнила о шляпе с изломанными полями, порванном плаще, слегка

ободренных о камни красных сапожках. Почему она не убрала их с глаз долой?

— Я Асанна. Хорошо, что ты знаешь, чья на тебе одежда.

— Мы вчера упали в озеро, — попыталась оправдаться Соня, — с большой высоты.

— Неудивительно. Твой дракон не ездовой.

Соня не нашла, что ответить уверенной всезнайке. Хотя ей понравилась смелость сестры Ларри. Подумать только, с палкой пошла на Горыныча!

— Ну, рассказывай, чем ты тут занимаешься? — Асанна скрестила руки на груди.

Соня пожалала плечами. Лучше держать язык за зубами, чтобы не наболтать лишнего. Но поговорить с надменной особой всё же хотелось. Соня очень соскучилась по людям. Вдруг с Асанной получится подружиться? Ларри ведь неплохой парень, значит, и сестра должна быть нормальной.

— Ты... девушка Эрвина? — судя по тону Асанны, вопрос ей дался нелегко.

— Э-э-э... нет, мы просто друзья... — Соня как будто споткнулась. — Эрвин в Энобусе. У него всё хорошо.

— Как бы не так! — резко ответила сестра Ларри.

— Ты... э-э-э... про Мерина? — Соня решила выказать осведомленность.

— Об этом лучше молчать!

Так аристократка ставит на место простолюдинку, посмевавшую подать голос. Однако Соня не повелась на вызов. Путь к примирению всё-таки был, хотя и призрачный.

Она спросила:

— А ты прошла испытание на Высотомере?

— Да. А ты? — кратко бросила Асанна.

— Пока нет. Это же не больно? — ответила Соня в унисон с заинтересованной стороной.

— Больно, конечно, ты что, с луны свалилась?

Горыныч с треском почесал бок о толстый ствол дерева и довольно зарычал.

— Ты на этом животном летаешь?

— Да, — поморщилась Соня, недовольная, что опять толком ничего не удалось узнать.

— Из наездников, что ли?

— Э-э-э... ну-у, типа того.

Ответ прозвучал неубедительно. Вот не умела Соня врать прямо в глаза. Чёрт бы побрал эту девицу!

— Хочешь в гонках участвовать? — бесцеремонно напирала Асанна.

Соня почувствовала, как лицо заливается краской.

— Ну-у, планирую.

— Твой дракон ничего не возьмет, зря время тратишь, — Асанна усмехнулась.

Она явно любила говорить то, что думала. И очень этим гордилась.

— Вообще-то, Горыныч не мой дракон, а Эрвина.

— Эрвина? — брови Асанны поползли вверх. — Когда... у него...

Кажется, эта новость поразила девушку не меньше, чем неожиданная встреча.

— Ну, мы пошли, — Соня решила воспользоваться заминкой.

— Ты не трогала мои лекарства? — резко остановила девочку Асанна.

Соня отвела глаза в сторону. Кажется, сестрица Идепиус из тех, кто ненавидит, когда берут её вещи.

— Э... ты про червяков?

— Тоже Эрвин разрешил? — сквозь зубы процедила Асанна.

Соня хмыкнула и двинулась навстречу Асанне. Та не отступила ни на шаг, и пришлось демонстративно обогнуть ее по дуге.

— Горыныч, за мной, — скомандовала Соня.

Только тогда сестрица Идепиус, сверкая глазами, сошла с тропинки. Дракон, переваливаясь на коротких ногах, протопал мимо отступившей Асанны, чуть не задев её шершавым боком.

— Чокнутые! — Прошипела Асанна им вслед.

«Еще один комплимент», — подумала Соня, весело улыбаясь. Она ускорила шаг, чтобы быстрее скрыться с глаз занозистой сестрицы Ларри. В голове зазвучала музыка, которая так замечательно ложилась на недавние слова Асанны. Незамысловатый мотивчик простенькой песенки заставил ноги проделать танцевальную дорожку.

— А чей он этот парень? Эрвин, чей ты парень? А это мой парень. Эрвин — мой парень!

Давненько у нее не было такого хорошего настроения. Сзади послышался топот. Соня оглянулась. К ее удивлению, Горыныч шагал в такт, пытаясь повторить движения своими толстыми лапами.

— Ничего себе талант! А можешь так? — Соня прошлась колесом вниз по тропинке.

Горыныч застыл в смятении. И... опля! Скрутил свой змеиный хвост кольцом и даже подпрыгнул от радости. Шагая задом наперед, Соня придумывала танцевальные па, которые Горыныч пытался повторить.

Вскоре парочка исследователей вышла из леса и очутилась на склоне горы. Не зря проделали этот путь! Соня была вознаграждена видом прекрасной долины с горной рекой и небольшим, как будто игрушечным городком.

— Межгорье!

Симпатичные двухэтажные домики в обрамлении зеленых садов привольно раскинулись у реки. Соня замерла от нахлынувшей волны чувств. Ей вдруг привиделось, как она спускается вниз, заходит в уютный дом с красной черепичной крышей, знакомится с хозяевами, пьет чай на прохладной веранде, гладит полосатую кошку, вспрыгнувшую ей на колени. Так легко мечталось на солнечном пригорке.

Горыныч, не теряя времени, нашел в траве лесную землянику и, виртуозно цепляя ягодку за ягодкой языком, жмурился от удовольствия. Соня присоединилась к дракону, сладкие душистые ягоды пришлись по вкусу.

— Горыныч, нам пора, — наконец сказала Соня и уже привычно взобралась в седло. — Мне кажется, нас могут увидеть. Эрвин запретил показываться на глаза.

Соня подняла Горыныча в воздух и повернула его в сторону гор. Дракон летел ровно, уверенно. Так он никогда еще не летал. Отличное расположение духа настроило его на великолепное исполнение, как музыканта на любимую мелодию.

— Молодчина! — крикнула Соня.

Радость распирала ее. Дракон то взмывал вверх, то опускался вниз. Один раз даже так крутнулся вокруг себя так, что Соня чуть не вылетела из седла. Восторг от полета затмил бдительность: дракон и наездница поздно заметили опасность. Их догоняли двое верхотуров. Упоенный полетом Горыныч прозевал угрозу.

Дракон пустился наутек, но расстояние между ними сокращалось. Скорость верхотуров была выше скорости Горыныча. Соня вспомнила рассказ Эрвина о том, что верхотуры

используют сети для поимки нарушителей, верхотуров опасно подпускать близко.

— Горыныч, вниз! — крикнула Соня. — Выбери место!

Дракон завертел головой, ему был нужен хотя бы небольшой просвет в густом лесу. Соня уже видела экипировку приближающихся противников, они готовились к атаке. Эх, зря они с Горынычем подлетели так близко к городу! Наверное, поэтому их и засекли.

— Садись!

И дракон упал почти вертикально вниз, сложив крылья и выпустив лапы для посадки. Соня ухватилась за гребень, сжавшись в комок. Ветки деревьев хлестали со всех сторон. Горыныч врезался в толстый ствол, пронзительно вскрикнул и бухнулся на землю. Соня скатилась с Горыныча, глянула на его перекошенную от боли морду и прошептала:

— Тихо.... Замри, спать.

Горыныч отключился. Наверху летали верхотуры, Соня их отчетливо слышала. Они барражировали [1] долго, то появляясь над ними, то пропадая, но на посадку не заходили. Драконы верхотуров гораздо крупнее, они не умели, как Горыныч, падать камнем вниз. Да и поляны подходящей для них не было, а сверзиться в гущу леса и переломать себе все кости они не решились.

— Что, получили? — прошептала Соня. — Хваленые ездовые драконы!

Она кинулась к Горынычу. Живот, бока, лапы, крылья и даже змеиный хвост оказались в ранах. Толстые ветви деревьев рассекли шкуру дракона, как ножом, когда он падал. Горыныч спал нервно, вздрагивая и всхлипывая. Соня понятия не имела, как ему помочь.

Когда наступил вечер, наездница разбудила дракона. Они стали пробираться сквозь лес, ища полянку для взлета. Горыныч хромал, при каждом шаге издавая тихий стон, от которого у Сони сжималось сердце.

Уже в сумерках они выбрались на небольшой пригорок. Дракон постанывая развернул крылья, и девушка взобралась в седло. Горыныч с трудом набрал высоту и, низко летя над деревьями, устремился к дому. Он уже хорошо ориентировался на местности. В свете одинокой луны горе-путешественники приземлились на знакомой лужайке.

Дракон хромая уполз на край поляны, завалился на бок, пытаясь зализать раны, до которых дотягивался. Соня направилась к дому. Надо в ведре принести воды для Горыныча, чтобы он не топал к ручью. Она дернула дверь избушки, но та оказалась закрыта. Наверное, Асанна заперла и ушла. От мысли, что в дом сейчас ходу нет, Соня почувствовала невероятную усталость. Она судорожно вздохнула, опустилась на ступеньки, обессилено прислонилась к косяку и закрыла глаза.

Дверь неожиданно отворилась. Соня встрепенулась. На пороге стоял Эрвин. Время на мгновение замерло, никого не осталось во всем мире кроме них двоих. Они, как зачарованные, смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Первым очнулся Эрвин.

— Что случилось? — спросил он, глядя на измученное лицо девушки и ее поцарапанные руки.

— Горыныч поранился, ему надо помочь.

— Заходи, я посмотрю.

Эрвин проводил Соню в дом, зажег огонек в плошке и вышел. На столе стояла тарелка с едой. Девушка мельком взглянула на нее, прошла в спальню и, не раздеваясь, легла на топчан, дикая усталость лишила её и сил, и аппетита. Всё после.

Когда Эрвин вернулся, Соня уже спала, свернувшись клубочком. Юноша подошел к ней, она зашевелилась, забормотала, всхлипнула. Эрвин нагнулся, пытаясь услышать слова. Но

ничего, кроме «прости», не разобрал.

Погода как будто ждала, когда на обитателей избушки нападёт хандра. С ночи зарядил нудный мелкий дождь. Он монотонно шелестел струйками по стеклу. Ночь нехотя отступала перед серым рассветом.

Открыв глаза, Соня минут пять бездумно глядела в потолок, потом с трудом сползла с постели. В доме никого. В памяти отчетливо всплыл вчерашний вечер. Девочка выглянула в окно и заспешила на улицу, набросив на себя накидку от дождя.

Горыныч лежал под деревьями на краю поляны, как-то неестественно распластавшись по земле. Сердце пропустило удар — Соня со всех ног бросилась к дракону, нога попала в ямку, она поскользнулась на мокрой траве, упала, вскрикнула. В этот момент Горыныч открыл глаза и приподнял голову. Шумное падение Сони вывело его из болезненной дремоты. На задней лапе у дракона красовалась привязанная палка. Горыныч слегка подрыгал здоровой лапой, показывая, как он бодр и свеж. Соня едва ли могла смотреть на него из-за пелены слез.

— Горыныч, миленький!.. Ты молодчина! — Соня шмыгнула носом и ласково похлопала дракона по шее. Она присела рядом с ним, рассматривая его раны.

— Доброе утро.

За спиной Сони как из-под земли вырос Эрвин.

— Доброе, — Соня обернулась, поспешно вытирая слезы.

Пусть Эрвин думает, что это дождь.

— Нельзя летать без меня. Я предупреждал. Горыныч ничему не обучен.

— Он нормально летает. Он умный.

— Ты вчера измерила уровень его ума?

Ответить привычное — сам дурак, Соня не решилась, хотя Эрвин сумел разозлить её одной только фразой. Самочувствие Горыныча волновало Соню гораздо больше, чем колкости парня. На самом деле, ей не хотелось вступать в перепалку, она была рада возвращению Эрвина.

— Горыныч сильно повредил ногу?

— Заживет как на драконе, — улыбнулся парень, чем сгладил неприятное начало разговора.

Повисла неловкая пауза.

— Как обстановка в городе?

— Сейчас там не до нас. Готовятся к гонкам, к гонкам на драконах, — пояснил Эрвин и разочарованно глянул на Горыныча.

— Участвуй на нем! — предложила Соня.

Эта мысль ей показалась просто замечательной.

— Шутишь? Разве это дракон? — Эрвин хмуро смотрел на раненого.

— Он бы мог...

Соне хотела рассказать, чему дракон научился. Но Эрвин перебил ее:

— Извини, но нет..., я не готов слушать хвалебные оды Горынычу.

Продолжать разговор в том же духе не хотелось, тем более Соню раздражало любопытство.

— А гонки — это что, кто быстрее прилетит?

— Не только быстрее. Нужны ловкость, умение маневрировать и терпеть срыв на пределе возможности. К тому же драконы могут сцепиться, поранить себя и гонщика. Драки,

вообще, негласно поощряются, зрители их обожают. А после победитель исполняет танец вместе с драконом.

Соня мечтательно прикрыла глаза.

— Здорово было бы выступить...

— Каждый верховенец жаждет поучаствовать.

— Горыныч может себя отлично показать.

— Да-да, — Эрвин хмыкнул, — твоя вера в него просто умиляет.

— У Горыныча есть нюх. Если ему дать волю, он сделает правильный выбор.

— Это бред. Дать ему волю. Ха-ха-ха. Ты от Идепиуса таких идей набралась?

— При чём здесь Ларри?

— Похоже на его фантазии. Дракона надо муштровывать, подчинять, чтобы слушался наездника во всём.

— А как же маневры? Что, дракон должен ждать команды?

— Конечно.

— А может, дракон сам готов принять решение.

— И угробить гонку?

— А если у него есть внутреннее чутьё?

— У него нет таких мозгов, как у гонщика.

— А у кого должно быть идеальное ощущение полета?

— Точно, наслушалась Ларри. Вы с ним были бы идеальной парой по части «мир прекрасен, надо только взглянуть на проблему с другой стороны», — заявил Эрвин, очень похоже подражая манере Ларри говорить.

— А ты был бы чудесной парой с Асанной! — вспыхнула Соня.

— Она что, тут была? — Эрвин смутился, и усмешка вмиг слетела с его лица.

Замешательство парня не укрылось от Сони, и это еще больше разозлило ее.

— Да. Мы с ней познакомились. Она очень жалела, что не смогла встретиться с тобой и нарядиться в свои новые красные сапожки. Потому что я их уже поносила.

— Как жаль, что не увижу Асанну в этих сапожках, — воскликнул Эрвин, — я очень расстроен.

Парень перешел на ироничный тон. Соня отвернулась, чтобы скрыть досаду. Она поняла, что между Эрвином и Асанной существуют какие-то отношения. Эта мысль неприятно царапнула ее.

— Асанна не научила тебя готовить приворотное зелье? — ехидно спросил Эрвин.

— Хочешь его попробовать? — с вызовом бросила Соня.

Улыбка у Эрвина исчезла, он резко развернулся и направился к дому. Соня смотрела ему вслед и гадала, что так задело парня. Неужели Асанна действительно занимается колдовством?

Нет, всё-таки зря Соня так часто поминала Асанну. Не прошло и трех дней, как эта особа явилась в избушку вместе с братом. Они вышли из-за деревьев с корзинами в руках, когда Соня аккуратно стирала мокрой тряпкой кровь с боков Горыныча. Соня ничего не имела против Ларри Идепиуса. Но Асанна! Ее появление могло вызвать только изжогу.

Брат с сестрой подошли к Соне. Асанна мельком взглянула на дракона и пошла в дом, демонстративно игнорируя девушку с ведром. Чем-то озабоченный Ларри немного постоял рядом с Соней, перекинулся парой слов, и двинулся следом.

Идепиусы не собирались посвящать какую-то девчонку в свои дела. Ну и пусть. Если у

этой троицы есть тайны, она сама их узнает! Соня незаметно подобралась к раскрытому окну, откуда доносились голоса.

— Почему от меня всё скрывают? — раздраженно спросила Асанна. — Только когда нужна помощь, бегут ко мне.

— Извини, — ответил Ларри, — я же рассказал тебе.

— Рассказал, когда я сама всё узнала, — парировала сестра. — Да и с регистрацией у тебя не вышло.

— Асанна, я собирался всё объяснить и поэтому надеялся на твою помощь, — примирительно сказал Эрвин. — Нам надо возвратиться в Энобус. С клеймом от Межгорья я могу спокойно лететь на Горыныче.

— Только имей в виду: по праву дракон будет принадлежать мне, — усмехнулась Асанна.

— Я знаю, — ответил парень.

Стукнули дверцы шкафа.

— На. Смажешь раны страдальцу. Драконы быстро восстанавливаются.

— Послушай, Эрвин, тебе не надо сейчас лететь в Энобус, — встрял в разговор Ларри, которому, как обычно, не сиделось на месте. Было слышно, как скрипнула табуретка, — Подожди, всё успокоится, я уверен.

— Успокоиться надо кое-кому другому, — скептически ответил Эрвин.

— Ты всегда спешишь, — белый китаец не отступал.

— Я никому ничего не должен.

— Минутку. Мне ты должен как минимум сапоги, — проворчала Асанна. — И еще кое-что.

Прозвучало очень многозначительно. Соня затаила дыхание. Ей хотелось заглянуть в окно, и она подалась чуть вперед, вытянув шею. В это время дверь отворилась. На пороге появился Эрвин и следом за ним Асанна. Соня стремительно отпрянула от окна и спряталась за поленицей. Эти двое, беседуя, двинулись к Горынычу.

Жар бросился Соне в лицо. Она наклонила голову, стараясь скрыть предательский румянец, и выскользнула из укрытия. На крыльцо вышел Ларри, Соня шагнула из-за поленицы, держа в руках несколько дровишек. Ларри грустно взглянул на девушку и спросил:

— Забыл поинтересоваться. Как ты себя чувствуешь?

— Всё в порядке, — ответила Соня, про себя подумав: «С таким-то красным лицом!».

Но Ларри ничего не заметил, погруженный в свои мысли.

— Я всегда думал, почему моим другом стал Эрвин? Наша дружба не случайна. И ты здесь появилась неслучайно. Сейчас мы не понимаем для чего. Но когда-то найдется объяснение. Мне кажется, всё в мире взаимосвязано.

Соня почти не слушала Ларри, ее внимание было приковано к Эрвину и Асанне. Они занимались Горынычем. Асанна накалывала дракону клеймо на внутренней стороне уха подобием ручки, Эрвин на всякий случай придерживал дракона за уздечку.

— Чего бы ты хотела? — неожиданно спросил Ларри.

— Увидеть гонки, — не задумываясь, ответила Соня.

— О! Вы как раз туда летите. Это большой праздник для всей Верховии.

— А Горыныч сможет лететь?

— Асанна его подлечит.

— Хочу посмотреть.

И Соня решительно двинулась к троице на краю поляны. Тем временем процедура клеймения закончилась. Теперь Горынычу, вставшему на три лапы (к одной была ещё привязана палка) и расправившему крылья, Эрвин из большой жестяной банки смазывал раны на брюхе, лапах и крыльях. Асанна командовала процессом. Она мельком неодобрительно глянула на Соню, и тут же обратилась к Эрвину.

Разговор закрутился вокруг физиологии драконов. Асанне, конечно, было что рассказать о них. Эрвин только усмехался. Он понимал, для кого сестра Ларри так распинаятся. Асанна хотела пустить пыль в глаза чужачке, раз и навсегда утвердив свое превосходство. И как будто счет был в ее пользу.

Но, похоже, поток красноречия сестры Ларри не достигал цели. Соня не слушала разглагольствования Асанны. Всё внимание девушки сосредоточилось на Эрвине. Соня задавала себе единственный вопрос: «Нравится Эрвину Асанна или нет?» И это всё, что интересовало ее сейчас.

По ироничному виду парня трудно понять, что он чувствует. Особой симпатии к Асанне он не выказывал, как всегда хмыкая в привычной для себя манере. Но пренебрежения тоже не наблюдалось. Соня решила, что такое положение дел ее вполне устраивает.

Вечером друзья устроили шумный ужин. Асанна, Ларри и Эрвин наготовили всяких вкусностей. Соню отстранили от стряпни по причине незнания кулинарных особенностей Верховии. Это не испортило ей настроения, тем более за ужином все выпили фирменной настойки Идепиусов, изготовленной по дедушкиному рецепту.

Разговор стал непринужденнее. Эрвин и Ларри даже начали ссориться, и всё из-за гонок. Эрвин считал, что лучший гонщик — Веригла Могучий. Ларри же горой стоял за лидера последних гонок Добромира Светозарова. Он утверждал, что Добромир берет не только скоростью, но и умом. Эрвин же обзывал Добромира хитрым лисом, у которого дракон такой же проныра, как и наездник.

— Он победитель, значит, он лучший! — кричал разгорячившийся Ларри.

— А мне больше нравится Старх Лютый, — вставила Асанна. — Такой brutальный и лысый как коленка. Хотя Добромир, конечно, красавец.

— При чем тут красота? — вскипел Ларри. — Добромир не делает ни одного лишнего движения, он думает головой, а не только тупо гонит дракона. Хотя его Гром бесподобен.

— Ты бы стал великим гонщиком, Ларри, с твоими теоретическими знаниями, — засмеялся Эрвин, — если бы, конечно, мог снижаться и не падать в обморок.

— Когда Асанна доведет свою работу до конца, я посмотрю, кто будет смеяться!

— Какую работу? — вклинилась в разговор Соня.

Ей тут же захотелось узнать, о чем речь.

— Асанна ищет средство от боли, но дело продвигается медленно. Хотя я считаю, что Асанна талантлива, она...

— Хватит, Ларри, — перебила брата сестра. — Я буду делать что хочу и когда хочу! Развивай свои теории без меня.

— Что ты злишься? Сама говорила, что мои идеи тебе помогают, — Ларри не мог сдержать обиды.

— Какие идеи, Ларри? — поинтересовалась Соня.

Она чувствовала, что Асанна что-то скрывает.

— Я думаю, неспроста верховенцы могут летать на драконах, — пустился Ларри в

объяснения. — Люди могут погибнуть от болевого шока из-за резкого затяжного спуска, а на драконах летают. Я предполагаю, что драконы как живые существа, не чувствующие боли, каким-то образом обмениваются с человеком своей энергией. И поэтому верхом на драконе наездник преодолевает срыв.

— И как это поможет Асанне? — Соня хотела уловить связь.

— Возможно, надо ввести в лекарство ингредиенты, взятые у дракона, — с воодушевлением ответил белый китаец.

— Ларри, мне надоели эти разговоры, — сказала Асанна ледяным тоном, — хватит об этом.

Ларри насупился. Эрвин предусмотрительно молчал. Как потом узнала Соня, у него были веские причины держать язык за зубами.

— Не забудь документ на Горыныча. Если вас остановят, то всё законно. Горыныч зарегистрирован в Межгорье на имя Асанны Идепиус.

Прямоугольный твёрдый картон с переливающейся печатью-голограммой перекочевал в руки Эрвина, он внимательно изучил его и сунул за пазуху.

Вскоре общее настроение с помощью дедушкиной настойки выровнялось, а затем свернуло в новое русло. Воспоминания друзей полились непрерывным потоком. Эрвин и Ларри в детстве немало покуролесили вдвоём, да и Асанна от них не отставала. Веселье набирало обороты, истории становились всё занозистей, а хохот почти не прекращался.

Хотя Соне очень хотелось послушать молодецкие байки, ее голова неуклонно стремилась к столу, а разум почти не улавливал сути происходящего. Почувствовав, что сил веселиться почти не осталось, она встала, помахала всем ручкой и, глупо улыбаясь, отбыла в спальню.

Из-за стола слышались раскаты смеха. Иногда кто-то говорил: «Тсс, Соня спит». А в ответ звучало: «Наша Соня». И участники ужина просто закатывались от смеха. Но девочку уже ничего не могло разбудить. Настойка по дедушкиному рецепту благотворно повлияла на нее: переживания, волнения, радости, обиды исчезли. Наконец-то она могла отдохнуть от бесконечных событий, разговоров и собственных мыслей.

Под утро гостье из чужого мира приснилось, как будто она едет в переполненном трамвае. Соня стоит на передней площадке рядом с распахнутыми настежь дверьми. Пассажиры оживлены, звучат шутки и смех.

Внезапно трамвай останавливается. Рельсы перед ним вздыблены и разорваны, трамвай на краю громадной ямы-кратера, пути дальше нет. Двери открыты, вагон опасно клонится над пропастью.

Соня первая спрыгивает с подножки трамвая на край разверзшейся земли. Другие попутчики, выскакивая из накренившегося вагона, сыплются, как горох, в пропасть. Некоторые из них умеют летать. Они падают, парят, при этом еще и дерутся друг с другом.

Соня видит Эрвина, который тоже валится в яму. В руках у нее внезапно оказывается веревка, за которую юноша держится. Девочка вытягивает его из пропасти. Они стоят на краю и смотрят вниз, туда, куда улетели попутчики.

Сон такой яркий, как будто происходит наяву. «Это всё полеты с Горынычем», — такой вывод во сне сделала девочка.

[1] Барражировать — патрулировать в воздухе.

После бурного вечера Соня едва открывала глаза. Красочный пугающий сон не шел из головы, вставать не хотелось.

Когда окончательно рассвело, в дверь спальни постучал Эрвин, буркнув:

— Просыпайтесь. Пора лететь в Энобус.

С топчана напротив подняла взлохмаченную голову Асанна. Она с трудом села на кровати. Чтобы не вступать в разговор, Соня поднялась, оделась и ушла умываться, даже не пожелав соседке доброго утра.

Невыспавшийся Эрвин угрюмо собирал рюкзак. Ларри хмурился и что-то ворчал. Асанна была неожиданно молчалива. Одна только Соня радовалась предстоящему путешествию. Наконец-то, они летели в Энобус, и Эрвин обещал вернуть её домой. Отличное настроение девушки задевало Асанну, толковавшую радость чужачки по-своему.

Да ты ревнуешь! Так тебе и надо. Будешь меньше задирать нос

Эрвин осмотрел раны Горыныча, удовлетворенно кивнул и закрепил на его спине широкое седло.

— Можно я поведу? — Сонин вопрос прозвучал, как утверждение.

Парень насупился:

— Я хозяин Горыныча.

— Я больше летала с ним. Мы хорошо понимаем друг друга.

— Дракон должен слушаться наездника, а не вытворять, что ему хочется.

— Горыныч слушается, — Соня гнула свою линию, не желая доверять управление Эрвину.

— Ладно, садись вперед, — махнул он рукой.

Брови Ларри поползли вверх, он поразился поведению товарища. Как мог самоуверенный и гордый Эрвин уступить Соне? Неужели он сомневался в своих силах?

Слушая разговор, происходивший на поляне, Асанна морщилась, как от зубной боли. Она уже не скрывала антипатии к Соне. Улучив момент, она подошла к Эрвину, протянула ему небольшую плоскую фляжку, обтянутую кожей. Мгновенно спрятав подарок за пазуху, парень искоса взглянул на Соню, которая сделала вид, что не заметила их манипуляций. На самом деле ее очень взволновала фляжка. Подозрения о тайном сговоре между Эрвином и сестрицей Ларри подтвердились.

Что за бурду она ему всучила?

Привычно легко взбежав по спине дракона, Соня уселась в седло, чем вызвала у стоящей троицы искреннее изумление. Дождалась, когда Эрвин усядется сзади, уверенно крикнула: «Хэк!», — удивив всех еще раз, и послушный приказу Горыныч взлетел.

Эрвин что-то недовольно буркнул. «Злится, что я командую», — с уверенностью определила Соня.

Ларри и Асанна остались внизу.

— Горыныч — мой дракон, — крикнул Эрвин, наклонившись к ее уху.

Соня пожалала плечами.

Нудный парень

Двух седоков Горынычу было нести трудновато. Тем не менее, он летел гладко и без рывков. Дракон не нервничал, не суетился, не бил беспорядочно крыльями, не заваливался на бок. Тренировки с Соней не прошли для него даром.

Эрвин притих, успокоилась и наездница. Это усыпило их внимание — они не заметили трех верхотуров. Те появились сзади неожиданно очень близко, как из засады, и взяли

Горыныча в кольцо.

Сердце пропустило удар. Как же получилось, что второй раз она проморгала верхотуров? Соня привстала в стременах, оглядывая окрестности. Под ними расстилалась равнина, скрыться негде.

Соня чувствовала, Горыныч жутко напуган. Он мелко подрагивал: и потому, что еще не окреп, и потому, что прекрасно помнил недавнюю погоню.

Ситуация казалась безвыходной, и в этот момент Эрвин, наклонившись к Соне, сказал в ухо:

— Дракон в праве, не бойся.

У Сони будто гора свалилась с плеч. Она похлопала Горыныча по спине, давая понять, что всё в порядке.

Часа два они летели в сопровождении почетного конвоя. Наконец, верхотуры скомандовали приземлиться. Внизу, в поле, раскинулся походный лагерь с шатрами и палатками. «Это и есть предместья Энобуса», — поняла девочка.

Горыныч совершил посадку в центре поселения. Верхотуры приказали привязать дракона и повели наездников — Соня и Эрвин ощущали себя пленниками — в большой шатер, стоявший посередине просторной площадки.

Эрвин был мрачен, он ничего не мог сказать девочке в присутствии конвоя. Соня выглядела спокойной, но смотрела по сторонам, оценивая обстановку. Смогут ли они сбежать, если что...

В шатре всё было по-военному: стол, раскладная кровать, грубые деревянные табуреты. На столе лежал большой лист бумаги, похожий на карту, над которым склонился исполинский мужчина в гвардейской форме. Он обернулся на вошедших, продемонстрировав лихо подкрученные усы, и мощным басом прогремел:

— Кто такие?

Сопровождающий Соню и Эрвина верхотур подтолкнул их вперед.

— Новые участники? — пробасил великан.

Соня одарила его самой обаятельной улыбкой из своего арсенала и сказала:

— Э-э-э... да.

— А что так неуверенно? — добродушно спросил усач.

— Волнуюсь вот, — Соня сделала серьезное лицо и почувствовала толчок в спину от Эрвина.

— Кто летит? Как имя?

— Я — гонщица... Асанна Идепиус из Межгорья.

— Равномеры выставляют наездника? На моей памяти такого не было. Похвально, — удивился великан и указал на Эрвина: — А это кто?

— Мой помощник, — сказала Соня, получила еще один тычок в спину и поправилась: — Тренер. Брат. Ларри Идепиус.

— Прекрасно, прекрасно. Дракон в праве? — пробасил великан

— Да. Клеймо в ухе, дракон зарегистрирован на моё имя, — Соня старалась говорить уверенно, — брат, где документы?

Голос вроде бы не дрожал.

— Вот.

Эрвин вытащил из-за пазухи гербовый картон. Усатый великан взглянул на него и удовлетворённо кивнул.

— В таком случае, команда из Межгорья, ваш номер — девятнадцать, и палатка под тем же номером. Правила, надеюсь, знаете?

— Выучили на зубок, — Соня улыбнулась как можно шире.

— Что ж, посмотрим на тебя в деле, Асанна. Желая победы, — усмехаясь в усы, сказал командир и указал на входной полог.

Разговор был окончен.

Сопровождающий верхотур, весело скалясь в унисон своему начальству, вывел Соню и Эрвина из шатра к привязанному Горынычу. Сквозь еле сдерживаемый смех он объяснил, где искать нужную палатку, отвязал Горыныча и, продолжая похохатывать, глядя на него, удалился.

Искоса взглянув на Эрвина, Соня решила, что сейчас ей лучше помолчать. Парня просто трясло от злости. Как у него из ушей еще пар не валил?

Вместе с Горынычем двое горе-наездников двинулись в указанном направлении. Палаточный городок участников гонки раскинулся широко, места на поле хватило всем. Шатры-палатки не толпились в неудобной близости, а стояли на безопасном расстоянии друг от друга. На каждом шатре прикреплен номер, наверху — флаг с гербом. Каждый город выставлял своих участников.

То там, то здесь слышался рык привязанных драконов. Соня с удивлением отметила, что у драконов на спинах не хватало одного или даже двух гребней, как раз в том месте, где крепилось седло. «Спрошу Эрвина, что это значит, — подумала она, — только не сейчас. У него такой вид, будто скоро лопнет от злости».

Чем дальше они шли, тем нелепее казалось затянувшееся молчание.

— Эрвин, — сказала Соня голосом полным сожаления.

— Ты понимаешь, что наделала?! — Эрвин был вне себя. — Тебе придется завтра участвовать в гонке!

— И что? — Соня пожала плечами.

— Участники гонок готовятся годами, а ты! Кто ты? Кто ты такая?

— Я тоже готовилась.

Эрвин не успел ничего ответить, потому что у одной из палаток раздался крик:

— Эй, смотрите, вот умора! Я сейчас сдохну, это — ездовой дракон? Чтоб мне провалиться!

Соня вгляделась: к ним приближался коренастый коротышка неприятной наружности, скалясь во весь свой щербатый рот. К крикуну присоединился высокий худой тип с тщательно прилизанными длинными волосами. «Зализанный», — окрестила его Соня про себя.

Из соседних палаток высыпали люди. Они разглядывали незнакомую троицу. Послышались смех и выкрики.

— Вы откуда? — спросил Зализанный.

— Из Межгорья, — Соня с вызовом посмотрела на него.

— А этот калека может летать? — Зализанный сплюнул и показал пальцем на Горыныча.

— Ага, в курятнике! — заржал Коротышка.

Похоже, эти двое заодно.

— На себя посмотри, недомерок, — процедил Эрвин.

Коротышка и Зализанный взглянули друг на друга и, как по команде, бросились на

Эрвина. Парень, не говоря ни слова, кулаком заехал в нос Коротышке и тут же ударил Зализанного под дых. Коротышка визгливо взвыл и схватился за лицо. Зализанный охнул и согнулся пополам.

На Эрвина из толпы кинулся бритый здоровяк с оттопыренными ушами. От первого удара Здоровяка парень уклонился, второй пропустил. Он пошатнулся, резко присел и сделал подсечку, Здоровяк грохнулся плашмя, подняв тучу пыли.

Тем временем Коротышка и Зализанный пришли в себя и начали подступать к Эрвину. Поднялся и Здоровяк. Троица дебоширов кинулась на Эрвина, но тут Горыныч взревел, а Соня завизжала так, что у всех заложило уши.

На шум потасовки прибежали люди. В числе других Соня заметила высокого широкоплечего юношу с темными волнистыми волосами. Синие бархатные глаза, четко очерченные губы, королевская осанка. Красивый, глаз не отвести. Не улыбается, смотрит внимательно, словно ненароком пытается проникнуть вглубь души. Соня залипла на него, даже забыла о драке.

Звук ударов на самодельной арене вывел Соню из ступора. Она вдохнула полной грудью и оборвала зрительный контакт. Четверо, разойдясь на несколько секунд, вновь кинулись в рукопашную. Неожиданно около них возникла фигура могучего бойца, похожего на тяжелоатлета. Он вошел в круг дерущихся парней как нож в масло, и вмиг вояки оказались на земле.

Зрители одобрительно зашумели. Незнакомец подал руку Эрвину и легко поднял его на ноги.

— Не торопись, парень, завтра себя покажешь, — сказал он.

— Равномеры первые начали, Веригла! — взвизгнул Коротышка, размазывая кровь по лицу.

— Хочешь пропустить гонку? — гаркнул тот в ответ.

Коротышка сник. Трое драчунов, злобно глядя на Эрвина, на скуле которого расплывался темный кровоподтек, попятились в сторону. Они что-то шипели, но больше не нападали,

Веригла похлопал Эрвина по плечу.

— Новичок? — спросил он.

— Да, — буркнул юноша.

— Ну, с боевым крещением тебя, — хохотнул Веригла, взглянул на Горыныча, цокнул языком, выражая удивление, и попрощался: — Встретимся завтра, герой.

Мельком посмотрев на хмурого Эрвина, Соня перевела взгляд на красавца с бархатными глазами, даже не осознавая, что, как стрелка компаса, повернулась к нему. Сейчас она заметила, что рядом с незнакомцем стояла высокая стройная девушка в бордовом обтягивающем костюме с золотой отделкой. Красавица рассматривала миндалевидными янтарными глазами Эрвина, кривя губы в подобии улыбки. В её гладких черных волосах выделялась широкая темно — зеленая прядь, которую красавица поправляла изящными пальцами с длинными острыми зелёными ногтями, другой рукой она была стеклом по блестящему чёрному сапогу. Боевая амазонка притягивала внимание не меньшее, чем её спутник.

Девушка мазнула взглядом по Соне и Горынычу и, повернувшись к Аполлону, как окрестила незнакомца Соня, что-то сказала ему. Аполлон покровительственно улыбнулся своей болотной язве.

Как же противно!

Соня с отвращением отвернулась от этой парочки. Ее всегда бесили люди, которые обсуждали кого-либо за глаза, даже не скрывая этого. Есть ли здесь нормальные гонщики? Зачем ей эти люди, когда рядом стоит пострадавший в драке напарник.

Соня шагнула к Эрвину, который сосредоточенно отряхивал пыль с одежды.

— Тебе помочь?

— Почистить штаны? — сквозь зубы процедил Эрвин.

Что за свинство! Можно было и не любезничать с ним

Команда из Межгорья молча продолжила поиск места ночевки. Шатер нашелся лишь на краю лагеря, там, где волнами к нему подступали лесистые холмы. Шатёр оказался небольшим, без флага, но с большим номером девятнадцать на крыше. Дракону полагалось ночевать на утоптанной площадке, где посередине был вбит в землю железный кол с толстой длинной цепью, с ошейником на конце цепи. Здесь же стояло огромное крыто с зерном и большая бадья для воды. Границей площадки служила длинная жердь, укрепленная на вкопанных в землю столбах сбоку, похожая на гимнастическое бревно.

Эрвин, не глядя на попутчицу, молча удалился в палатку.

«Фу ты, ну ты. Какие мы гордые!» — Соня проводила взглядом взбешенного парня.

Ничего не оставалось, как самой заняться драконом. Горыныч устал не меньше, чем наездники, к тому же утром его ждала гонка. Соня с трудом стащила со спины Горыныча седло, переместила его на толстую жердь и нацепила на шею дракона предназначенный для него ошейник с цепью. Она проделала всё это не торопясь, оттягивая неприятный разговор с Эрвином. Из головы никак не шел образ синеглазого красавца и его спутницы. Просто наваждение. Конечно, бывают такие необыкновенные люди, но для них она пыль под ногами.

Недалеко находилась колонка с водой. Соня принесла дракону воды в ведре, широкие ясли с зерном Горыныч моментально опустошил. Наверное, о дополнительном пайке можно было узнать в главном шатре, но желания вернуться в центр лагеря у Сони не возникло.

С Эрвином бы помириться.

Соня набралась решимости и проскользнула в палатку. Огляделась, остановилась у входа. Внутри располагались четыре походные кровати, простой стол, грубо сколоченные лавки. Эрвин лежал на одной из кроватей, набросив на себя баранью шкуру. Девушка, не приближаясь к кровати, издали посмотрела на него.

— Надо холод к синяку приложить, — предложила она миролюбиво.

Эрвин молчал.

— А кто этот здоровый, который всех раскидал?

— Веригла Могучий, — ответил юноша нехотя.

— Твой кумир?

— Он гораздо лучше Добромира.

— А Добромир кто? — не унималась Соня.

— Красавчик, на которого ты... засмотрелась.

Надо же заметил. Злыдень!

— М... А те, что напали?

— Команда Энобуса. Мелкий — Жур Балясин, лысый психованный — Старх Лютый, а жердьяй — Кровенц Пигайло.

— А почему у драконов в лагере нет одного или двух гребней?

Соня одновременно хотела успокоить Эрвина и узнать о местных драконах. Ей показалось, что прекрасных, мощных животных покалечили.

— Так положено. Ездовым убирают гребень, как только они рождаются. Тогда седло нормально крепится.

— Но у Горыныча гребень не повреждён!

— Что ты пристала? — Эрвин сбросил с себя баранью шкуру и сел. — Я не смог срезать гребень, что тут объяснять! Не смог, потому что не делал этого никогда. Мне было страшно... причинить ему боль. Ты же не видела новорожденных драконов, они... они такие...

— Милые? — подсказала Соня.

— Беспомощные.

Для Сони признание Эрвина оказалось невероятным. Значит, парень совсем не такой, каким хочет казаться. Он любит Горыныча, он всё ей сейчас расскажет о гонке. Соня с надеждой взглянула на Эрвина, готовая броситься к нему на шею от подступившей нежности.

— Что там завтра будет на соревновании? — девушка легкомысленно махнула рукой в сторону, будто спрашивая о намечающейся вечеринке. — Что надо делать?

— Лететь в хвосте к финишу, — сказал Эрвин и вскочил с кровати. — Никуда не торопиться и ни во что не вмешиваться! — он приблизился к Соне. — Тебе нельзя с ними соревноваться, дай мне слово, что больше не будешь никуда лезть.

— Извини. Я испугалась. Ты сам говорил, что тебя ищут, — тихо сказала Соня.

— Мне не нужна твоя помощь. И никогда не будет нужна, — медленно, будто вбивая слова в голову непонятливой девчонке, произнес Эрвин. — И еще. Если они узнают, кто ты, будет гораздо хуже.

— А кто я? Кто я? — вспыхнула Соня.

— Ты никто, в этом всё дело.

Нежность к парню испарилась, будто ее и не было. Презрительно плюнуть под ноги Эрвину было первой реакцией в ответ на «никто», но Соня удержалась. Успокоив сбившееся дыхание, она поежилась и вышла из палатки. Она — Соня Снегирёва очень даже «кто». Прежде боявшаяся высоты, теперь она смело поднимается в небо, прекрасно ладит с драконом, она летала в тумане, на огромной высоте, падала в озеро. Что Эрвин знает о ней?

Гадости Соня всегда наговорить успеет, не пришлось бы после жалеть. Завтра гонка, хотелось хоть какого-то равновесия.

Темнело. Из лагеря доносился запах съестного, в лагере работала полевая кухня, там была горячая еда и травяной чай, но идти туда одной было боязно. Ветер доносил голоса, смех, рык драконов. Живот болел от голода, душа от обиды. Где-то там наездники ужинали, разговаривали, шутили, поддерживали друг друга, а Соня, сидя около коновязи, давилась сухой лепёшкой из рюкзака, запивая её тёплой водой. Она чувствовала себя одинокой, несчастной, и одновременно в ней поднималась злость на Эрвина. Он не только унижил Соню, он ещё стыдился Горыныча. Он не верил в своего мелкого дракона, злился и раздражался на него.

Соня для парня, конечно, никто, и (как говорят у неё дома) звать её никак. В таком случае, с чего бы Эрвину переживать за неё? Соня обойдётся без его помощи. Так ему и надо, что получил фингал, она бы добавила для симметрии.

Как говорила Сониная бабушка — иногда и лист тонет, а камень плывёт. Дорожки,

проложенные слезами на щеках, высохли, лепёшка была съедена, вода выпита. Безмолвная Вселенная над головой раскинула тёмную дорогую шаль, расшитую стразами. Соня залюбовалась ею. Разве есть место для тоски и уныния, когда тебе заговорщицки подмигивают звёзды?

Привязанный Горыныч не мог найти себе места, ему не нравился ошейник, он тряс головой, железное кольцо на шее мешало и нервировало. Наконец и он затих, лёг на утоптанной площадке, скрутив вокруг себя шипастый хвост. Немного повздыхав, Соня поднялась и принесла Горынычу ещё одно ведро воды в широком деревянном ведре, поставила перед ним, посмотрела, как он тянет воду, вытянув губы в трубочку.

— Ты такой чувствительный. — Соня вздохнула. — Побуду рядом. Лучше с тобой, чем с этим злобным троллем.

Лагерь затих, ночь разогнала всех по шатрам, а Соня всё никак не могла выкинуть мысли из головы. Ей на миг захотелось отказаться от гонки, но потом она обругала себя за трусость, даже стукнула по лбу, чтобы утихомирить разыгравшееся воображение. Она будет участвовать, высота ее не страшит, она ничем не хуже других гонщиков. Насмотрелась на них сегодня.

Где-то совсем близко послышался шорох. Соня насторожилась, пригнулась, прячась за Горыныча. Кто-то подкрадывался к ним. Соня разобрала неясный шепот заговорщиков, которые двигались в сторону коновязи.

— Дрыхнут, равномеры недоделанные.

— Тихо, не разбуди дракона.

— Режь подпругу, только не до конца.

Пора было обозначить свое присутствие, и Соня вскочила.

— Кто здесь? — спросила она зловещим шепотом. — Безобразничаєте? — и крикнула, надеясь разбудить дракона: — Горыныч, фас!

Горыныч встрепенулся, хлестнул хвостом, и один из негодяев взвыл. Злоумышленники бросились наутек. Соня разглядела приземистого Коротышку и долговязого Зализанного. Дракон зарычал, наступая на них, но цепь остановила его.

— Трусые! — закричала Соня вслед ночным гостям, видя, как они, пригибаясь и петляя, убегают в сторону палаток. — Вам до равномеров, как до Луны пешком!

Тихая ночь перед стартом оказалась далеко не безмятежной, участники гонки совсем не придерживались джентльменских правил. Соня подошла к коновязи и увидела оброненный нож. Подняла и ужаснулась. Как далеко может зайти ненависть участников гонки? Ей опять показалось, что предстоящее испытание ей не по силам.

Она посмотрела на нож.

Будет уликой, если что. Странно, что Эрвин не услышал.

Уже светало, когда Соню совершенно сморило под боком у дракона...

— Сигнал дали, все на площади!

Крик Эрвина заставил Соню открыть глаза. Она проспала предстартовый горн, призывающий на переключку. Эрвин с лицом мрачнее тучи кинул к ногам девчонки красные сапожки.

— Асанна тебе голову откусит.

— Твоя обувь не подходит, — буркнул Эрвин.

Соня молча переобулась: ее кроссовки действительно давно пора выбросить. И незаметно сунула трофейный нож в голенище сапога. О ночной стычке Эрвину знать

необязательно, для него так будет безопаснее, а то опять полезет в драку. Ему надо тише воды себя вести.

Прозвучал второй сигнал горна.

— Сейчас все полетят на поле, — сказал Эрвин.

— Что мне делать, объясни, — заторопилась Соня.

— Лети, как другие, держись от них на расстоянии, чтобы Горыныча не задели. Надо пройти барьеры-планки: пролететь над высокими, а под низкие поднырнуть. Барьеры установлены по кругу. Их всегда меньше, чем участников, поэтому драконы могут столкнуться. Условие гонки: садиться на землю нельзя. Кто сел, выбывает. Хотя тебе как раз надо как можно быстрее сесть. Лететь надо три круга.

— Спасибо, за напутствие, — Соня не собиралась обижаться.

Она ответит Эрвину в другой раз. Сейчас ее ждала гонка.

С площади начали подниматься драконы. От этого невероятного зрелища внутри Сони как будто зазвенела натянутая струна. Эрвин тоже утратил былое самообладание. Он побледнел и вцепился в уздечку дракона, пока Соня добиралась до седла.

— Не ввязывайся в драки, они могут сильно тебя поранить и Горыныча тоже, — быстро заговорил он. — Береги себя. Я серьезно. Опасайся лидеров, они под номерами один, два, три. Эти асы ни перед чем не остановятся.

Кровоподтек отчетливо выделялся на скуле Эрвина. Кажется, до него только сейчас дошло, во что влипла девчонка.

Соня похлопала Горыныча по спине, прошептав ему:

— Мы здесь первый раз. Будь что будет. Нам повезет.

Она кинула прощальный взгляд на Эрвина, улыбнулась ему и легонько ударила дракона в бок ногами в красных сапожках. Горыныч взлетел ровно и двинулся вслед за удаляющейся группой наездников.

— Не теряй их из виду, — крикнула Соня.

Подгонять Горыныча она не собиралась, зная его легковозбудимую натуру.

Глава 8. Гонка

Гонщица под девятнадцатым номером, который красовался на спине её куртки, подлетела к месту сражения. Огромное поле окружали трибуны, высоко установленные над землей и забитые болельщиками под завязку. Крики, свистелки, дудки, барабаны — вакханалия звуков могла заглушить и рёв самолёта. Разноцветные трибуны полыхали флагами, транспарантами, болельщики скандировали лозунги, вскакивали с мест, пели, танцевали, махали руками, приветствуя гонщиков. По рядам шныряли продавцы в желтых накидках, разносился запах жареных пирогов, кваса, сладких тягучих конфет.

Невероятное количество зрителей на поле под Энобусом испугало Соню. По её спине пополз холодок, а руки задрожали, когда Горыныч вслед за остальными участниками делал круг почёта над трибунами. Соня не переносила внимание к своей персоне, а это людское море, колыхающееся внизу, готово было прямо сейчас утопить её в своих эмоциях. И Эрвин — зараза ничуть не подготовил к такому сумасшедшему приёму.

Если попал в шторм, отступать поздно. Лучше выкинуть из головы все мысли, чем заранее трепетать перед бурей.

Над полем, как будто подвешенные в воздухе на невидимых веревках, разместились барьеры — толстые темные круглые бруски. Линии из барьеров чередовались: одни вверху,

другие внизу. Соне верхние планки напомнили соревнования прыгунов в высоту. Правда здесь были и нижние барьеры, как говорил Эрвин, самые коварные, ведь гонщики соревновались не только в скорости и маневренности, но и в выносливости. Им наверняка приходилось испытывать срыв — сильнейшую боль при спусках.

Главное, не забыть — над высокими планками лететь сверху, под низкие поднырнуть.

Сделав круг над трибунами, Соня направила Горыныча к толстому красному канату, который держали двое верхотуров на ездовых драконах. Остальные наездники уже выстроились около стартовой черты. Последним под улюлюканье трибун приземлился Горыныч.

Ещё в воздухе Соня увидела Добромира. В блестящих доспехах и золотом шлеме, ярк сверкающем на солнце, он гордо восседал на массивном черном драконе в центре шеренги. На боку дракона, как и на спине наездника, красовался номер один. Соня невольно залюбовалась им! Чёртов Аполлон из Древней Греции.

Соня разглядывала участников, ничуть не скрывая интереса, так же, как и они оглядывали друг друга. Спутница Добромира с номером восемь на спине охаживала тёмно — зелёного дракона заострённой палкой — каюром, красуясь перед зрителями серебряными доспехами и шлемом, украшенным крупными изумрудами. Троица из Энобуса: Коротышка, Зализанный и Здоровяк — третий номер — держались рядом. Они громко бранились с соседями, всеми силами привлекая внимание болельщиков и накручивая сами себя. Невдалеке возвышался невозмутимый Веригла на темно-сером в подпалинах драконе — еще один лидер гонки под номером два.

Вид у наездников был устрашающий. Боевые шлемы, железные нарукавники, перчатки, защитные жилеты, сапоги — всё говорило о том, что гонка предстоит опасная и драка за место победителя будет жёсткой.

Соня на фоне остальных наездников в обыкновенной тёмной куртке, без гоночной экипировки выглядела Золушкой, которой фея-крестная не успела наколдовать платье, но вручила пригласительный на бал. Горыныч был под стать хозяйке: мелкий, худой, с ободранными боками в лепешках засохшей мази. Среди своих собратьев он казался жалкой пародией на драконье племя, испуганно жался сбоку шеренги, в то время как остальные драконы скалились и рычали друг на друга в преддверии гонки.

В общем, со стороны Соня и Горыныч смотрелись на редкость плачевно. Как будто лишь по нелепой случайности, что на самом деле являлось истинной правдой, они оказались среди воздушных асов.

Двое верхотуров еле удерживали стартовый канат — так драконы рвались в бой. Трибуны громко приветствовали своих героев. Атмосфера накалялась с каждой секундой. Всё было готово к старту.

Протрубил горн. Верхотуры бросили канат на землю и брызнули в стороны. Гонка началась. Засвистели крылья, со всех сторон послышались крики наездников, несколько драконов тут же сцепились крыльями. Гонщики яростно расталкивали их каюрами.

Всё вокруг пришло в движение, только Соня осталась на месте. Она придерживала Горыныча, хотя это была излишняя предосторожность, дракон не торопился ринуться в бой. Грозные соперники испугали его не меньше, чем Соню.

Драконы взмыли вверх и кинулись к первому барьеру. Соня легонько прищипорила Горыныча.

— Хэк, — крикнула она, — вперед!

С трибун послышался смех и улюлюканье, на поле полетели огрызки яблок, помидоры, яйца, подгнившие фрукты. Зрители не скупилась на выражение своих эмоций.

— Ну и ладно, — пробормотала Соня, — мне всё равно.

Трибуны взревели, шум усилился, наездники прошли первое препятствие. Соня, привстав в стременах, следила за ними. Планок-барьеров в первой линии было много, примерно столько, сколько участников. На первом этапе, когда драконы стартовали одновременно, устанавливали максимальное количество препятствий, чтобы избежать потерь. Когда барьеров было недостаточно, возникала свалка, из которой мало кто выходил победителем, так что организаторы избегали подобного начала.

Сейчас перед драконом под номером девятнадцать красовалось пустое пространство. Все участники уже планировали вниз, под второй барьер.

Горыныч в одиночестве пролетел над одной из планок. Соня пришпорила дракона, пора прибавить в скорости. Нижний барьер был установлен довольно высоко над землей, спуск оказался пологим, зато количество планок немного уменьшилось. Соня увидела двух схлестнувшихся драконов, которые не поделили одну преграду. Наездники расталкивали драконов палками, норовя ткнуть друг в друга. На трибунах свистели, кричали, били в барабаны болельщики, подзадоривая соперников. Неожиданно темно-вишневый дракон спланировал вниз — он, кажется, получил травму.

«Готов», — только и успела подумать Соня, как Горыныч резко снизился, нырнул под планку и пошел на взлет.

Трибуны зааплодировали. Соня решила, что верховенцы приветствуют победителя. Она и подумать не могла, что их восхитил маневр Горыныча и, главное, реакция наездницы, которая как ни в чем не бывало пришпорила дракона.

Многие гонщики уже летели далеко впереди. Они только и мелькали вверх, вниз. Чем дальше было расстояние от старта, тем меньше становилось количество барьеров в одной линии. Наездник в золотых доспехах на черном драконе — Добромир Светозаров — вырвался вперед. За ним следовал Веригла. Замыкал тройку Старх Лютый на темно-красном драконе с черной головой. Неудивительно, что номера один, два и три возглавили гонку, что собственно и ожидалось.

Верхние барьеры наездники преодолевали легко, под нижние планки планировали неторопливо, так, чтобы выдержать срыв. Горыныч не особо преуспел в планировании, да и не старался. Его техника со стороны казалась ужасной. Но Соня не испытывала перегрузок и болевых ощущений, поэтому их пара неожиданно перетянула на себя внимание зрителей. Когда первый круг остался позади, дракон под номером девятнадцать начал догонять лидирующую группу наездников.

Стиль полета Горыныча давал ему преимущество перед другими. Когда остальные планировали вниз, Горыныч, не снижая скорости, стрелой несся к цели, подныривал под барьер и взлетал. Количество барьеров в одном ряду уменьшалось, а нижние планки, всё больше опускались к земле. Проходить их становилось труднее, гонщики теряли время и силы именно на спусках.

Выйдя на второй круг к верхнему барьеру, Соня чуть не налетела на сцепившуюся пару: гонщицу в серебряном шлеме и Коротышку. Драконы яростно хлестались крыльями, грызли друг друга зубами, и наездники пытались их растащить. Дракон Коротышки был мощнее, в схватке он побеждал. Но дракон девушки оказался изворотливее: он отбил от соперника и спланировал в сторону, тогда как Коротышка ринулся вперед.

Соня обернулась. Дракон гонщицы в серебряном шлеме выровнялся и пошел на взлет. Наверное, одолеет барьер вслед за Горынычем. Соня почти не направляла своего дракона. Он действовал сам, выбирая очередной барьер. Единственная опасность, которая грозила ему, возможная схватка с соперниками, которым он проигрывал в силе.

Горыныч обогнал Коротышку, планирующего по спирали под нижний барьер. Номер девятнадцать, не снижая скорости, поднырнул под барьер так, что Соне пришлось пригнуться, и радостно продолжил полет. На трибунах поднялся гвалт.

«Чего они кричат? — Соня глянула вперед. Там, в вышине, сцепились два дракона, которые не уступили друг другу дорогу — Радуются драке».

Горыныч направился к свободной планке, но, уже преодолев половину пути, Соня увидела, что они не одни.

Темно-зеленый дракон с наездницей в серебряном шлеме нагонял их. Соня, словно в замедленной съемке, смотрела, как сближаются драконы, как злобно ухмыляется всадница, подготовившаяся к нападению. Горыныч сильно уступал в размере противнику и понимал это. Он скосил глаза в сторону соперника, оценил силы и камнем свалился в пике. На трибунах послышалось улюлюканье, но дракон быстро выровнялся.

Соня взглянула вверх. Наездница под номером восемь оказалась далеко впереди. От страха, который Соня испытала мгновением раньше, в глазах раздвоилось. Зрение не фокусировалось, хотелось смахнуть с глаз непонятную пелену.

— Плохо вижу! Не могу разглядеть, давай сам! — крикнула гонщица.

Горыныч хоть тоже перетрусил минуту назад, не потерял в скорости. Соня зажмурилась, стараясь унять волнение. Громкий рев трибун заставил ее открыть глаза. Горыныч преодолел несчастливую планку.

— Молодчина! — крикнула Соня.

Еще через две линии барьеров Горыныч нагнал четырех драконов, в том числе и зеленого с наездницей в серебряном шлеме. Они планировали вниз, где находились всего четыре планки в одном ряду. Горыныч был пятым. Он немного снизился, не сбавляя скорости, и теперь шел вверх над противниками.

Напряжение нарастало с каждой секундой. Четыре наездника просчитывали варианты. Кто станет аутсайдером? Кто с кем схлестнется? То, что маломерка снизился недостаточно, удивило соперников. Но Соня поняла, что задумал ее дракон. Вертикальный спуск Горыныч теперь выполнял блестяще, падение в озеро не прошло даром.

Соня услышала знакомый свистящий звук: это планирующие драконы выпустили шипы. Горыныч выигрывал в скорости, но оценить время сближения под барьером было сложно. Успеет пролететь, или его настигнет соперник? Кого выбрать, если придется драться?

Горыныч сместился на крайний левый барьер, на который нацелился и жёлтый пятнистый дракон. Плохой выбор. Если номер девятнадцать столкнется с жёлтой громадиной, ему несдобровать. Размах крыльев противника и острые шипы позволит ему вырубить Горыныча за несколько секунд. До крутого падения оставались какие-то секунды, и тут Горыныч дал крен и стал резко снижаться на крайний правый барьер. Неожиданный маневр заставил дрогнуть всех четырех гонщиков. Никто не ожидал такой прыти от маломерки.

Горыныч мастерски поднырнул под крайний правый барьер, вслед за ним взметнулся темно-синий дракон с наездницей на спине. Она притормозила своего красавчика-дракона и потеряла в скорости.

Начался третий круг. Оставалось шесть барьеров вверху и шесть внизу, но в линии всего по две планки и разница в высоте огромная. Третий круг — самый трудный, гонщики были сильно измотаны. Соня знала, при снижении наездники испытывают боль на пределе возможностей, условия гонки для них чрезвычайно суровы. Наверное, если бы раньше Соня видела гонку, вряд ли рискнула участвовать.

Время на раздумья не оставалось, Горыныч приближался к основной группе. Соню не пугали верхние барьеры, но нижние дракон проходил вплотную к планке, чтобы не терять скорости. Это правильно, но риск снести Соне голову о барьер возрастал многократно. Надо было срочно что-то придумать.

Номер девятнадцать, обогнав средних размеров василькового дракона, готовился рухнуть под нижний барьер. Соня быстро высвободила одну ногу из стремени и свесилась на бок дракона. Он тут же сообразил, для чего наездница это сделала, и смело ухнул вниз. Трибуны зашлись в крике, Сонин приём пришелся болельщикам по душе, они вознаградили гонщицу свистом и улюлюканьем.

Горыныч, почти коснувшись костяным гребнем планки, выполнил маневр. Соня вновь заняла место в седле. Еще два раза обогнав гонщиков на спуске, наездница сползала на бок со спины дракона, давая ему возможность на большой скорости пройти очень близко под планкой. Теперь она поняла, на кого так неистово реагируют зрители. Каждый раз, когда Горыныч совершал спуск, на трибунах поднимался сильнейший рев.

Впереди замаячил темно-красный дракон с черной головой — третий номер и наездник Старх Лютый. До финиша оставалось всего три линии барьеров: две внизу и одна вверху. Но барьер в линии — единственный. И сейчас Горыныч вместе с Марсом (Соня слышала некоторые имена драконов на переключке) летели к одной цели.

Дракон Старха не боялся соперника, при столкновении он бы смёл его с пути, как грузовик легковушку. Понимал ли это Горыныч? Номер девятнадцать заторопился, кинулся к предпоследней нижней планке, камнем упал и, не снижая скорости, скользнул под барьер. Но не рассчитал скорость и ударился о препятствие головой. Тяжелая планка подскочила и врезала Горынычу еще и по спине. Соню на боку дракона не задело.

Горыныч обмяк, задергал крыльями, теряя высоту. Пришел в себя только перед самой землей.

«Он же не восстановился как следует», — горло Соне сдавил спазм, и она взмолилась: — Горыныч, садись, заканчиваем гонку! Садись на землю! Хватит!

Старх Лютый на своем драконе проскочил у них над головой и унесся вверх.

Никто не знает, что двигает живым существом в минуту опасности, и откуда в критический момент у него берутся силы. Горыныч рывками начал подниматься, он уже был на середине высоты последнего верхнего барьера. Сердце Сони бешено стучало. Она вспомнила, как говорила Эрвину, что надо доверять дракону. Сейчас, когда страх туманил сознание, пришло время полностью положиться на волю зверя. Соня пригнулась к нему, практически распластавшись.

— Делай как знаешь! — крикнула она и закрыла глаза.

Перед ее мысленным взором предстал Горыныч: Соня увидела, как он яростно набирает скорость, поднимается вверх, чтобы одолеть последнюю, самую высокую планку. Больше она не успела ничего подумать, в ту же секунду услышала щелчок — дракон крылом задел барьер.

— Горыныч, умница! — завопила Соня.

И они рванулись к последнему шестому барьеру, за которым виднелся финиш. Девочка взглянула вперед. Наездников осталось трое. Никто из них еще не прошел последнее препятствие, все они планировали под нижний барьер. Соня была четвертой.

Горыныч решил бороться до конца. Его крылья мощно отрабатывали мах, дракон нагонял противников, летя вверх. Они же планировали с меньшей скоростью. Добромир и Веригла были ошарашены появлением девчонки на серебрястом драконе. Только Старх знал, какой маневр предпримет дракон этой пигалицы.

Добромир на великолепном Громе шел на корпус впереди дракона Вериглы, Марс Старха Лютого летел третьим. Но сверху несся Горыныч, готовый потеснить с пьедестала любого из них. Болельщики ором, кажется, оглушили сами себя. Неужели новичок посягнет на место «священной» троицы?

Горыныч дернулся и вошел в пике, его закрутило винтом, Соня прильнула к спине дракона. Она вспомнила своё падение в озеро. Горыныч пошел на отчаянный шаг. Смертельный маневр должен был испугать соперников. Со стороны казалось, номер девятнадцать сейчас разобьется. Заключительный поединок набрал обороты. Уровень шума на трибунах зашкаливал. Децибелы от криков зрителей заложили уши. Дракон, над которым на старте не посмеялся только ленивый, угадал: противники опешили. Горыныч вильнул хвостом, прошел под последним барьером, едва касаясь земли, вырулил и бросился к заветному финишу, который был совсем рядом.

Вокруг поднялся бешеный рев. Трибуны, гонщики, драконы — все, кто видели Горыныча, не могли сдержать крика. В следующую минуту участники друг за другом преодолели последний барьер.

— Асанна Идепиус из Межгорья! — прозвучал трубный голос.

Соня вскинула руки. Слезы брызнули из глаз, она ничего не могла с собой поделаться. Чувства переполняли. Неужели они победили?

Горыныч опустился на длинный широкий помост из деревянных досок. Вслед за ними один за другим приземлились Добромир, Веригла и Старх. К ним присоединялись другие участники, закончившие гонку.

Горыныч смотрелся детенышем рядом с черным Громом, который оказался рядом. Его наездник — Добромир — прерывисто дышал, вытирая перчаткой струящийся по лицу пот.

Он взглянул на Соню, снял перчатку, протянул руку победительнице и, еще не восстановив дыхания, представился:

— Добромир из Светозара.

Соня пожалла протянутую руку, у нее не было перчаток.

— Асанна из Межгорья, — ответила она, счастливо улыбаясь.

— Поздравляю, Асанна, это было неожиданно. Заслуженная победа.

Говоря это, Добромир впился взглядом в Соню, как будто хотел в ее глазах разглядеть причину своего поражения.

— Спасибо.

Она смутилась и вмиг залилась краской. Ей казалось, что лицо горит огнем под взглядом Добромира. Это еще хорошо, что красные уши (а она точно знала, что они покраснели) закрыты косами, закрученными по верховенской моде.

В ту же секунду рядом приземлилась наездница в серебряном шлеме. Она хрипло дышала, страшно злилась и не пыталась этого скрыть. Наездница ударила палкой своего дракона, осаживая его. Зеленое чудище огрызнулось и получило еще два хлестких удара.

— Прекрати, Иолана, — крикнул Добромир.

— Поздравляю, — буркнула Иолана Соне. — Тебе повезло.

— Спасибо, — кивнула та в ответ, чуть не сказав: «А тебе нет». Соня не любила, когда били животных, даже таких свирепых, как дракон у этой высокомерной гордячки.

Наездники, измученные гонкой, с недоумением разглядывали Соню и Горыныча. Никто не ожидал победы от неизвестной пары. У всех на лицах будто бы застыл один вопрос. Как им это удалось?

Зрители на трибунах начали скандировать и хлопать. Кажется, тысячи глаз были сейчас направлены на победительницу. Ах, они требуют танец! Соня вспомнила, о чем рассказывал Эрвин. Ну, конечно, ей с Горынычем есть что показать.

Девочка топнула ногой, потом еще раз, кивнула дракону, Горыныч повторил. Соня подняла одну руку, другую, дракон поочередно взмахнул крыльями. Соня прошлась колесом, Горыныч тоже скрутил каральку из своего змеинового хвоста. На трибунах поднялся невообразимый шум. Соня остановилась.

— Танец в небе, — голос Добромира дрогнул. Изумлению гонщика вторил хохот болельщиков.

— В небе?

— В небе. Какие-нибудь фигуры, — повторил гонщик.

Он говорил с ней, как с маленькой, и лицо победительницы запылало с еще большей силой. Теперь уж терять нечего. Соня взошла в седло по спине Горыныча, заслужив дополнительную порцию аплодисментов и зрительского восторга.

Что показать болельщикам, которых так развеселила неизвестная дебютантка? Ах, ладно. Отсюда они не видят ее смущения. И она станцует спуски, которые у Горыныча великолепны. Соня подняла дракона в воздух, направила его вверх, резко вниз. Опять вверх и вниз. После каждого падения она солнечно улыбалась, показывая, что всё отлично, и срывала бурные крики и овации. Неумение Горыныча плавно спускаться вызывало бурю эмоций у зрителей. Да, уж тут Горынычу было чем гордиться.

Еще не затихли возгласы на трибунах, как у Сони закончились силы. Бессонная ночь и напряжение гонок обернулись страшной усталостью. Она на прощанье помахала зрителям и направила Горыныча в лагерь.

Соня с триумфом покидала поле, не оглядываясь. Сейчас ей хотелось только тишины и покоя.

Глава 9. Эстафета

Громкий разговор за стенами палатки разбудил победительницу гонки. По тону Эрвина Соня поняла: парень чем-то сильно разозлен. Она тут же представила Коротышку и Зализанного, явившихся отомстить обидчику. Соня прислушалась — голос собеседника спокоен.

— Я не буду обсуждать это, — сказал Эрвин.

— Давай всё-таки спросим Асанну, — прозвучал ответ.

Да это Веригла. Чего он хочет?

Соня поднялась, поправила одежду и вышла из палатки.

На нее уставились три пары глаз. Возле драконьей привязи стояли Эрвин, Веригла и коренастый паренек с задорными ямочками на щеках и разноцветными глазами. Карий и серый? Серьёзно?

— Здравсте, — обратился к Соне с приветствием незнакомый юноша, — я Солоний Пичуга, из Мирграда.

Соня хмыкнула и уставилась в необычные глаза парня. Она привыкла к тому, как представлялись верховенцы, называя себя и город, откуда были родом. А вот разный цвет глаз она видела впервые. Гетерохромия, так, кажется, называла это явление биологичка Нина Николаевна. Внимание Сони к парнишке не укрылось от Эрвина, он подозрительно сузил глаза.

— Я в полном восторге от твоей гонки, Асанна, — добавил Солоний.

Эрвин мрачно взглянул на новоявленного поклонника.

— Асанна, — пробасил Веригла, — у Люси из нашей команды сильно поранили дракона, она не может лететь. Правила позволяют одну замену, и мы хотели пригласить тебя.

Соня внимательно слушала второй номер, хотя не понимала, о чем речь.

— На четвертый этап, самый короткий, — закончил Веригла.

— У нас... нет команды в Межгорье, — ответил Эрвин вместо Сони, — и... Асанна никогда не участвовала в эстафете, она не может.

— Ты, кажется, забыл, кто сегодня выиграл гонку, приятель? — Солоний Пичуга хлопнул Эрвина по плечу и расплылся в улыбке.

«Ему идет, такие ямочки на щеках», — подумала Соня, мельком взглянув на мрачную физиономию Эрвина, и в ответ улыбнулась Солонию. Об эстафете она слышала первый раз.

— У Асанны нет опыта, пригласите кого-нибудь другого. Мало ли гонщиков? — Эрвин упрямо стоял на своем.

— Мы не должны проиграть Светозару. Мирград ждет нашей победы, — не отступал Веригла. И вдруг напрямую обратился к Соне: — Что ты скажешь?

Соня молчала. Веригла и Солоний нравились ей, но Эрвин смотрел на незваных гостей, как голодный людоед на обед из двух блюд.

— Мирград будет тебе очень благодарен, — поднажал Веригла.

— Вы сильно рискуете, приглашая Асанну, — Эрвин изменил тактику, — она может подвести вас. Передача эстафеты — непростая штука.

— Третьим номером пойдет Василь Ершов, он всё сделает как надо, — сказал Веригла, — Люся на Чери должна была лететь последней, мы так планировали.

— Люсьена Лазарева — сильнейшая гонщица, как можно ее сравнивать с Асанной! — воскликнул Эрвин.

— Сильнейшая гонщица — Асанна Идепиус из Межгорья! — выпалил Солоний. — Мы все это видели.

— А-а... — Соня хотела было вставить слово.

— Ты не полетишь! — гаркнул Эрвин. — Горыныч после травмы, хватит об этом.

Соня развернулась и ушла в палатку. Сейчас с Эрвином, раздувающим от ярости ноздри, говорить бесполезно. Оставалось только одно — скрыться с глаз и чем-нибудь заесть обиду.

На походном столе стояла тарелка, прикрытая салфеткой, под которой оказались хлеб, огурцы и белый овечий сыр. Рядом стоял кувшин с водой. От бурной беседы, в которой Соня почти не участвовала, аппетит у нее разыгрался. Эрвин не смог испортить ей настроение, хотя очень старался. Соня отломил кусок хлеба. Неторопливо жуя зажаристую корочку, она чуть не мурлыкала от блаженства.

Разговор у палатки стих. Соня, уплетая хлеб с сыром, услышала женский голос. Он

звучал так, будто актриса играла на сцене.

О, красиво говорит!

Соня прислушивалась к переливам мелодичного голоса, не отвлекаясь от трапезы.

Градус спора понизился до приятного уровня.

Откинув полог палатки, внутрь неожиданно вошла молодая девушка крепкого телосложения в красивом облегающем костюме. Соня вспомнила эту наездницу. Её дракон темно-вишневого цвета в самом начале гонки схлестнулся в драке с другим зверем и выбыл, сев на землю.

Тряхнув ярко-рыжей копной вьющихся волос, гостя приблизилась к столу и низким контральто певуче произнесла:

— Хотела с тобой познакомиться, Асанна. Меня зовут Люсьена, для своих — Люся, — она улыбнулась.

— А меня Соней дома называют. Присаживайся.

— Соня, у тебя очень необычное имя. — Люся села напротив, задумчиво посмотрела на стол, налила в стакан из кувшина воды, выпила.

— Зря я сегодня полетела, Веригла хотел, чтобы я пропустила гонку. Мою Чери сильно ранил дракон Жура Балясина.

— Эрвин подрался с Журом и его друзьями перед гонкой. Эти придурки, похоже, всех задирают. Твою драконицу жалко, конечно.

Люсьена махнула рукой.

— Не переживай. Чери восстановится. А вот я... столько готовилась и выбыла в самом начале. И команду подвела. — Она вздохнула, — ты когда-нибудь участвовала в эстафете?

Соня замаялась. Какая эстафета! Она и о Верховии узнала не так давно.

— Ты же знаешь, — сказала

осторожно, — я новичок в гонках. Для меня всё впервые. Расскажи об эстафете.

— Она почти такая же, как индивидуальная, но здесь по четыре наездника от команды, и они летят друг за другом, передавая эстафету. Мой этап — четвертый. Он хоть и самый короткий, но самый тяжелый. Очень низкие спуски. Я много тренировалась. Но сегодня увидела, как легко ты падаешь вниз и, честно сказать, позавидовала.

— Спасибо, — Соня смотрела на Люсьену, слушала ее мелодичный голос и всё больше проникалась симпатией к девушке из Мирогграда.

— Ты уникальная гонщица, Соня, а твой дракон просто супер. выступи за нашу команду, выручи нас. Мальчишки переживают, что никто меня не подстраховал. Веригла не в себе, а я считаю, всё к лучшему.

Всё к лучшему?

— Люся, я не могу.

В палатке повисло молчание. Люсьена Лазарева не торопилась уходить, она как будто что-то обдумывала.

— Знаешь, Мирогград называют городом мастеров. Мирогградцы — отличные мастера и хорошие люди. Дружба и честь — святое для нас. Если друг просит помощи, мы, клянусь Мерином, всегда поможем, даже если придется рисковать жизнью, — голос Люсьены звучал спокойно и уверенно. — Не торопись с ответом, подумай, а брату сейчас скажи, что отказала нам. Мы, девчонки, иногда можем лукавить.

Улыбка гонщицы из Мирогграда была настолько очаровательной, что Соня непроизвольно вздохнула: «Мне бы так улыбаться».

«Чего она объелась, эта чокнутая?» — злился Эрвин, снимая седло с коновязи.

Только вчера ему казалось, что всё решилось благополучно, как сегодня утром Соня заявила, что полетит за Мироград. Она демонстративно зажала уши и покинула палатку, как только Эрвин открыл рот. Ничто не могло ее остановить.

Команда Мирограда собралась на большой утоптанной площадке недалеко от палатки Межгорья. Все мироградцы были одеты в одинаковые накидки сине-серебристого цвета. Люся передала Соне свою форму, помогла в нее облачиться. Соня рассеянно слушала наставления Вериглы, краем глаза поглядывая на Эрвина, который седлал Горыныча. Солоний Пичуга попытался помочь парню, но тот демонстративно проигнорировал его усилия. Ярость душила Эрвина, он мгновенно возненавидел своего кумира Вериглу, город Мироград и всех его жителей в придачу.

Соня видела, что творится с Эрвином, она жалела, что не объяснилась с ним. Хотя этот упрямец вряд ли бы прислушался к ее словам. Что сделано, то сделано. Кажется, Соня начала перенимать привычку Эрвина не озвучивать свои планы. Девушка легко поднялась в седло, команда Мирограда оседлала своих драконов, и по свистку Вериглы все поднялись в небо.

Эстафета проходила на том же поле, что и предыдущая гонка. Зрителей на трибунах, казалось, стало еще больше. Стоял почти непрерывный гул и свист. Болельщики приветствовали свои команды. Колыхались разноцветные флаги городов, трепетали на ветру гербы, группы болельщиков скандировали речовки, над полем взмывали и лопались петарды.

В эстафете участвовали команды пяти городов: Энобуса, Светозара, Мирограда, Дрома и Базиса. Наездники были одеты в цвета своих городов. Наездники Энобуса щеголяли в черно-пурпурных плащах, светозарцы — в красно-золотых, мироградцы — в сине-серебристых. Команда из Базиса в составе трех девушек и одного юноши демонстрировали публике серо-бирюзовые плащи с оранжевыми разводами. Гонщики Дрома украсили себя желто-зелеными накидками.

Команды Базиса и Дрома считались аутсайдерами, основная борьба ожидалась между гонщиками из Энобуса, Светозара и Мирограда. Капитанами команд-лидеров, соответственно, являлись Старх Лютый, Добромир Светозаров и Веригла Могучий. Гонщиков из Базиса вела Ариадна Храбрич, не раз побеждавшая в гонках. Команду Дрома возглавлял Макарий Чох, до недавних пор ничем особо не отличившийся.

Весть о том, что за Мироград полетит гонщица из Межгорья, застала участников эстафеты врасплох. Вчерашняя Сонина победа произвела такой фурор, что сейчас перед стартом все были взвинчены до предела. Старх Лютый стегал рычавшего дракона, выкрикивал несвязную брань, нагоняя на соперников, как он думал, страх и ужас. Добромир Светозаров держался невозмутимо, его могучий Гром был под стать своему великолепному хозяину. Раньше Добромира позабавило бы театральное кривлянье Старха, но сейчас ему было не до смеха. Появление Сони выбило бывшего лидера из равновесия. И хоть внешне Добромир держался уверенно, победа в предстоящей эстафете вдруг показалась ему маловероятной и довольно призрачной. Гонщица из Межгорья на своем тщедушном драконе внесла такую смуту в его душу, что он даже не мог вспомнить, когда еще чувствовал себя настолько скверно.

На огромном поле виднелись те же самые барьеры, верхние и нижние, расставленные по четырем кругам (желтый, зелёный, синий и красный): в каждом круге — по восемь барьеров. В эстафете каждый последующий этап был короче предыдущего, и чем уже круг, тем ниже располагались барьеры. Соня знала, ее этап (красные барьеры) — самый короткий,

где всего четыре верхние планки и четыре нижние, под которые потребуется нырять, припадая почти к самой земле.

Распределение гонщиков по этапам команды держали в секрете, наездники посматривали друг на друга, пытаясь угадать, с кем придется вступить в схватку на своем круге. Правда, легче было гадать на кофейной гуще, чем определить, что произойдет после стартового горна.

Веригла еще раз повторил Соне условия гонки. Один из верхотуров держащий каната, подал знак, и к стартовому канату от каждой команды подлетели наездники. Небольшая пауза и голос, усиленный специальным устройством, пронёсся над полем, объявляя участников первого этапа.

Первыми шли Добромир на Громе, Веригла на Граните, Жур Балясин на Ломе, наездница Тина Туркош на Лютике и совсем молодой парнишка Клим Княжич, которого Соня видела впервые. Его дракон Принц ослепительно белого цвета выделялся грациозностью и королевской статью.

Самые ретивые зрители вскочили с мест, приветствуя своих кумиров. Поднялся невероятный шум: горны, свистульки, трещотки оглушили не только болельщиков, но и самих участников. Взвились флаги, замелькали платки, шарфы, транспаранты. Соне показалось, что зрительские трибуны превратились в разноцветное бушующее море.

— Доб-ро-мир — скандировали девичьи голоса.

— Ти-на! Ти-на — молодчина! — вторил им мужской хор.

— Клим! Клим! Клим — победим! — орали, надсаждая горло, фанаты Дрома.

— Ве-ри-гла!

— Жур, жги! Жур, жги!

Над головами болельщиков поднялся огромный надутый чёрный дракон, которого пустили над головами. Крики, смех, улюлюканье. Дракона за привязанную верёвку тащили по рядам. Видно было, как за него дрались болельщики. Оглушающий хлопок! Визг, крик! Дракон лопнул. Трибуны зашлись смехом. Где-то началась потасовка, замелькали руки, столкнулись тела. Зачинщиков разнимали, свистели, орали.

Наездники первого этапа приветствовали своих фанатов, добавляя дровишек в костёр эмоций. Гонщики откликались на бурное проявление чувств толпы каждый в своей манере. Тина Туркош посылала воздушные поцелуи, Добромир прижимал руку к сердцу, демонстрируя признательность лёгким поклоном головы, Жур Балясин бил в грудь рукой в железной перчатке, Веригла потрясал двумя руками, якобы разрывая мнимого соперника. Клим привстал в стремених и махал своим болельщикам. Фанаты и гонщики накручивали себя перед стартом. Наездники словно забыли про гонку, считая своей первой задачей покрасоваться перед возбуждённой толпой.

Раздался длинный сигнал гонга, канат — стартовая черта — упал на землю, зазевавшийся верхотур, чуть не свалился с дракона. На трибунах захохотали. Пятеро наездников ринулись на самый большой круг. Солнце светило прямо в глаза Соне, она из-под ладони наблюдала за гонкой. Трое наездников пока шли с одинаковой скоростью, Тина Туркош отстала, отстал и гонщик на белом драконе. Добромир и Веригла вырвались вперед, Жур Балясин уступал им в скорости. Черный Гром и темно-пятнистый Гранит несли Светозара и Вериглу к финишу первого этапа.

Соня увидела, как готовятся принять эстафету следующие пятеро гонщиков. Из них она знала только Кровенца Пигайло, уроженца Энобуса, и мироградца Солония Пичугу на

драконе Бо. Хорошо, что комментатор вещал имена гонщиков и их принадлежность к командам. Следить за гонкой стало интересней и проще.

Солоний Пичуга заметно нервничал: перед ним стояла трудная задача — не отпустить Пигайло, дракон которого превосходил летными качествами Бо. Правители Энобуса, как рассказал Эрвин, имели возможность выбирать для своих гонщиков самых лучших драконов из Инкубатора и, естественно, пользовались этим преимуществом. Как сказали бы в мире Сони, кто у власти, тот и ест сласти. На что у верховенцев был бы ответ: кто выше поднялся, тот и дракона ухватил.

Веригла, немного уступив Добромиру, влетел в финишный створ, обозначенный на земле жёлтыми полосами. Драконы должны были соприкоснуться крыльями. Гранит хлестнул по крылу Бо, и Солоний ринулся догонять светозарца Йохана Барановского, которому передал эстафету Добромир. Но уже после первых ворот Солония обогнал Кровенц Пигайло. Следом гонщик из Энобуса обошел и светозарца — Йохана Барановского. Солоний все больше отставал от лидеров, к тому же на финише его обогнал гонщик из Базиса — Жулайка Козин.

Солоний Пичуга передал эстафету предпоследний в своей группе. В бой вступил Василь Ершов на драконе по кличке Бисер. Василь считался отличным гонщиком, хотя ему часто не хватало характера, как сказал Соне Веригла. Но сейчас отдохнувшие Василь и Бисер — они не участвовали в индивидуальной гонке — неслись по своему этапу вверх-вниз, как будто их гнала динамо-машина. Мирградец обошел гонщицу из Базиса — Надин Неверову, сократил разрыв со светозарцем Речуном Самойкиным, но гонщик из Энобуса Ляпа Сыроедов был далеко впереди.

Соня огляделась. Кто полетит с ней на последнем, самом коротком и самом сложном этапе?

К четвертому кругу готовились: Иолана, Старх Лютый, Макарий Чох и Ариадна Храбрич. Энобус, Дром и Базис выставляли своих капитанов, сильнейших в команде. Шум на трибунах нарастал в геометрической прогрессии. Василь на Бисере мчался к финишу, одолев последний барьер. Веригла правильно рассчитал: мирградцы хоть и не были впереди, но смогли приблизиться к лидерам.

Соня похлопала Горыныча по шее. Они подлетели к финишной черте, Бисер, мощно махая крыльями, налетел на них, как ураган, чувствительно хлопнул Горыныча по крылу, и Соня устремилась вперед. Круг четвертого этапа был вдвое уже первого. Барьеры располагались близко друг к другу, и разгон для драконов был самый короткий по сравнению с другими этапами.

Соня чуть пришпорила дракона, и он бросился вперед и вверх. Есть! Первое препятствие взято. Иолана на зеленом драконе шла впереди. Ее Тор, благодаря мощным крыльям, быстро набрал высоту и еще больше оторвался от Горыныча. Расстраиваться некогда, впереди следующая цель — нижний барьер, к которому уже приближался Старх Лютый. За ним следовал зеленый дракон, третьим летел Горыныч, хоть и уступавший этим двоим в скорости на подъемах, но в спусках ему не было равных. На трибунах стоял невообразимый гвалт. Соне казалось, что она не слышит даже свиста крыльев Горыныча.

Они приблизились к нижнему барьеру. Горыныч отыграл метры у Тора, дракона Иоланы. Наездница из Светозара не выдержала бы боль при резком спуске, поэтому Тор закладывал вираж, в то время как Горыныч, не снижая скорости, лихо поднырнул под нижнюю планку. И опять на подъеме Иолана обогнала Соню. Старх держался впереди.

Горыныч мчался на всех парах, обгоняя наездницу из Светозара на спусках, но она догоняла его на подъемах.

Иолана на зеленом Торе как будто приклеилась к Горынычу. Тактика соперницы нервировала Соню, наездница из Светозара запросто могла подстроить любую пакость, да к тому же Тор явно превосходил Горыныча по всем параметрам. Соня надеялась на последний нижний барьер перед финишем. Там Горыныч имел шанс на победу. Старх всё так же шел впереди, хотя расстояние между ним и двумя девушками сокращалось.

«Хорошо, хоть за барьеры не надо драться», — подумала Соня, и тут же увидела, что третья линия высоких барьеров имеет лишь одну планку. И к этому единственному препятствию сейчас мчались два дракона: Тор и Горыныч. Иолана хотела выбить соперницу из гонки во что бы то ни стало. Ей не удалось этого сделать днем раньше, но сейчас она жаждала поквитаться с выскочкой.

Соня натянула поводья, Горыныч команду выполнил. Он притормозил, давая Тору возможность первому перелететь через барьер и заложить вираж вниз. Йо-хо! Иолане не удалось столкнуть драконов.

Радость Сони оказалась преждевременной. Наездница из Светозара решила непременно сразить Горыныча под нижним барьером, тоже единственным в этом ряду, к которому стремительно приближались два дракона. Соне показалось, что на трибунах выключили звук, или у нее заложило уши? Траектории серебряного дракона и зеленого гиганта сближались. Столкновение неизбежно — драконы не снижали скорости.

И всё-таки один из них дрогнул — Иолана осадила Тора. Психологическая атака провалилась. Гонщица из Светозара испугалась, а Соня доверилась своему дракону. Горыныч победил в этом воздушном поединке и пулей пронесся перед Тором под нижний барьер. Оставалось только два препятствия, а впереди летел капитан команды Энобуса.

Старх Лютый, узрев фиаско Иоланы, чуть не выпал из седла от радости. Но ликовать было рано, в хвосте летела Соня. Дракон Старха — Марс одолел верхний барьер и спланировал вниз, направляемый умелой рукой гонщика. Соня уже шла у него за спиной. Горыныч стрелой кинулся вниз. Зрители ахнули второй раз за короткое время. Но их восторг был адресован Иолане Радич, которая, словно фурия, взлетела к верхнему барьеру и, сжав зубы, направила своего дракона на последний нижний барьер. Гонщица из Светозара не заложила вираж, Иолана, как и Соня, направила дракона прямо к цели. В пылу гонки лидеры не заметили, как к ним приблизилась наездница из Базиса.

Опытная гонщица Ариадна Храбрич отыграла отставание своей команды и теперь, как и Иолана, предприняла последний рискованный шаг — устремила драконицу Геру прямоком на последний барьер. Соня поразилась отчаянному решению девушек, они рисковали жизнью ради победы. Четверо гонщиков шли вниз, к последнему барьеру, за которым — финиш. Дракон Старха планировал, все остальные вслед за Соней летели, не сбавляя хода. Перед гонщиками возвышалось пять барьеров, всё было честно, драться за место им бы не пришлось.

Соня краем глаза заметила, как на спуске пошатнулась в седле Иолана, она испытывала сильнейшую боль. Ариадна Храбрич рисковала не меньше. Старх Лютый, видя, что его догоняют, перестал планировать и пришпорил дракона. Зрители кричали, не переставая, а четверо гонщиков неслись к своим барьерам. Из-за рева болельщиков все звуки слились в один сплошной гул. Драконы мчались, как сумасшедшие, к последней планке.

Мощные соперники опережали Горыныча — их скорость была выше. Ничто уже не

могло изменить хода соревнования, но произошло невероятное: в самой нижней точке, когда дракон Старха поднырнул под нижний барьер, гонщик потерял сознание и упал на спину дракона. Марс, потерявший управление, растерялся. До финиша было рукой подать, члены команды Энобуса надрывались в крике, призывая дракона лететь к ним к финишной черте.

Минута замешательства Марса сыграла на руку всем остальным участникам гонки. Под оглушительные вопли болельщиков Ариадна Храбрич вырвалась вперед, обогнав Иолану, и финишировала первой. Горыныч догнал Тора на последнем дыхании, чуть прибавил скорости и вторым влетел в финишный створ, на полкорпуса опередив соперника. Иолана Радич оказалась третьей. Четвертым прибыл Макарий Чох на драконе Голд. Последним закончил гонку Марс, хоть и не направляемый наездником, но все же долетевший до финиша. Старх Лютый безвольно болтался пристегнутый карабином на спине дракона.

Эстафета закончилась. Вымотанные до крайности гонщики приземлились на деревянный помост. Команда Базиса бросилась обнимать Ариадну, с трудом державшуюся на ногах. Кровенц Пигайло и Жур Балясин стащили Старха со спины дракона и пытались привести наездника в чувство. Иолана тряслась в рыданиях на груди Добромира.

Соня соскочила с Горыныча, глянула на кутерьму, творившуюся вокруг, и неожиданно попала в объятия Вериглы. Капитан команды крепко обнял девушку, отчего та ойкнула, и Веригла, смутившись, отпустил ее.

— Молодец, Асанна, — пробасил капитан и хитро улыбнулся, — мы вторые, это отлично. Главное, Светозар с Энобусом у дракона сама знаешь где.

Команда из Мирграда разразилась громовым хохотом.

— Эта эстафета превратится в легенду, — пообещал Веригла Могучий, — помяните мое слово.

Глава 10. Бал

— Соня, ты всё проспичь! — крикнул Эрвин — Поторапливайся!

Как же надоела эта древняя шутка

Соня собирала свои нехитрые пожитки: джинсы, футболку и старые кроссовки, в рюкзачок Асанны, которая двумя днями раньше с кислым выражением лица одолжила его Соне.

— Что ты копаешься? Надо лететь в Энобус. Нас ждут в Королевском дворце. Сегодня бал в честь победителей. В твою честь.

Бал? Невозможно. Ей не нужен бал. Она не хочет. Там же надо танцевать? Она не знает здешних танцев. И ей нечего надеть. В Сонином воображении возникли стройные красавицы в пышных кринолинах. Она не пойдет на бал. Нужно быстрее выдумать причину, чтобы откреститься от этого мероприятия. Она там просто опозорится. Но если не пойти, значит не увидеть первый в своей жизни настоящий бал?

Соня молча последовала к Горынычу, которого уже оседлал Эрвин. Сел впереди. Наверное, чтобы отыгаться за эстафету! С опустевшего поля один за другим поднимались драконы. Горыныч вылетел вслед за остальными.

Через полчаса все наездники уже стояли в огромном открытом атриуме — в королевском стойле. Здесь в просторных денниках слуги помогли разместить драконов. В просторных вольерах были кормушки, наполненные зерном, и поилки со свежей водой. За Горыныча Соня порадовалась, устроился он, действительно, с царской роскошью.

Всю шумную компанию гонщиков повели во дворец. Через огромную арку, которую

венчала скульптурная группа из трёх драконов с развёрнутыми крыльями, они вышли к дворцу. Проход к нему окружала охрана, за ней теснилась ликующая толпа. Под прицелом множества глаз, восторженных криков, поздравлений и рук, жаждущих прикоснуться к гонщикам, те прошествовали к главному входу с колоннами. Фасад дворца сверкал великолепием цветочных гирлянд, разноцветных фонарей и вьющихся красно-зеленых растений.

Всё дворцовое великолепие поражало размерами. Между высоченных колонн без труда мог пройти или даже пролететь самый огромный дракон.

Лестница во дворец соответствовала «драконьим» масштабам, но гонщиков завернули вправо. Их повели в гостевые покои, каждую команду в определённое место.

Через ряд коридоров и лестниц Соню и Эрвина, который буркнул сопровождающему, что он тренер чемпионки, привели в апартаменты для победителя, состоящие из двух больших комнат и огромной ванны. Гостиная была уставлена цветами, корзинами с фруктами, разноцветными коробками и коробочками, на большом столе высилась пирамида из съестного: бутербродов, сыра, изысканных лакомств.

На самом видном месте на подставке красовалось бальное платье цвета фуксии, декорированное вышивкой и расшитое сверкающими рубинами, рукава и лиф — из плотного ажурного кружева, как и низ подола, украшенный таким же кружевом. У низа платья в ряд выстроились несколько пар со вкусом подобранных туфель на высоком каблуке. И особенно изумили Соню длинные перчатки из тончайшего шелка с атласными отворотами, лежавшие на банкетке.

— Откуда всё это? — Соня взяла перчатки, надела одну на руку, любуясь в зеркало на стене. — Как на меня!

— Для лидера ничего не жалеют, — Эрвин открыл бархатный футляр, оставленный на изящном круглом столике. — Всё для победительницы, — сказал он, задумчиво разглядывая содержимое футляра.

Искоса взглянув на победительницу.

Эрвин понял, что Соня, увлечённая перчатками, не заметила футляра. Бархатная коробочка незаметно исчезла в кармане парня.

— Какие тонкие, у меня ничего подобного не было, — девушка восхищенно рассматривала свои руки в перчатках, — первый раз вижу такую прелесть.

Эрвин странно посмотрел на чемпионку, будто решаясь на что-то. Соня повернулась к нему.

— Не нравятся?

— Нормально. Надо успеть подготовиться к балу. Потом всё согласишь. Прими ванну, а я пока смочаюсь недалеко, по делам.

Странно, конечно, что он беспокоится о ней. Хотя и так понятно, что после эстафеты от нее далеко не фиалками пахнет. Соня пожалала плечами, сняла перчатки и двинулась в ванную. Как только за девушкой закрылась дверь, содержимое двух бархатных футляров оказалось за пазухой у парня. Он невозмутимо поправил куртку, прислушался: в ванной зашумела вода — и тихо удалился.

Когда Соня в белом халате до пят вышла из ванной, апартаменты пустовали. Она спокойно прошествовала к столу, не торопясь съела несколько бутербродов, продегустировала сыр, схрумкала яблоко, выпила кристально чистой воды из кувшина и блаженно откинулась в кресле. Не хотелось никуда идти.

Из-за двери послышался бодрый призывный голос:

— Бал начинается. Всех гостей ждем в зале. Просьба не опаздывать.

Человек удалялся дальше по коридору, повторяя приглашение.

Бережно упаковав свою одежду в рюкзачок, Соня расчесала волосы, надела платье, состоящее из лифа и верхней юбки, примерила туфли, однако каблуки ее смутили. Дома она предпочитала носить кеды и кроссовки, а сейчас, сделав пару шагов, пошатнулась и поняла: на каблуках далеко не уйдет, точнее вообще ходить не может. Оставалось одно — надеть позаимствованные у Асанны красные сапожки, за голенищем которых так удобно прятать нож. Юбка в пол скрывала сапоги. Никто ничего не увидит. А если увидит, ну и пусть. Всё равно скоро домой!

В платье, отделанном кружевом и рубинами, пробираться в башню будет опасно и неудобно. Соня огладила струящую нежную ткань, вздохнула. Платье красивое, дома ей в жизни не получить подобного подарка. Но, как говорила бабушка, потерявши голову, по волосам не плачут. Соня натянула джинсы под юбку и заправила брючины в сапоги. Взглянула на себя в зеркало. Прочь сомнения! Хватит вздыхать и мяться. Переодетая в бальное платье «Золушка» вздернула подбородок и выпрямила спину. Еще одно испытание под названием «бал в честь победительницы» она сможет выдержать.

Раздался нетерпеливый стук в дверь, и на пороге возник Эрвин, веселый и принарядившийся. Когда только успел? Парень сделал пару шагов и воззрился на Соню.

— Немного похожа, да, — произнес он задумчиво.

— На кого?

— На королеву, — ухмыльнулся Эрвин.

Соня, гордо вскинув голову.

— Ошибаешься. Я — вылитая королева.

Парень склонился в шуточном поклоне.

— Я тоже хотел сделать вам подарок, ваше величество, — выпрямившись, сказал он.

От неожиданности Соня покраснела, а Эрвин вытащил из кармана цепочку с кулоном — небольшим желтым камнем в серебряной оправе и подошел к смущенной девушке. От шутовского вида юноши не осталось и следа. Он разволновался, стараясь это скрыть. Соня повернулась к нему спиной, и Эрвин аккуратно застегнул застёжку.

— Спасибо, с чего ты вдруг... — девушка замялась. — Как красиво, — прошептала она, любуясь в зеркало на кулон. Первый раз парень сделал ей подарок, да к тому же украшение.

— Извини, возможно, я был груб. Но я хочу тебе сказать...

Соня затаила дыхание.

— Горыныч — мой дракон. Я его хозяин, и точка. Чтобы ты не думала, что он принадлежит тебе.

Соню как будто окунули в холодную воду. Внезапно она почувствовала, как далек от нее Эрвин, как далека от него она. Здесь нет ничего, что принадлежало бы лично ей. И Горыныч, конечно, не ее дракон. И зачем ей награды, подарки, бал? Она здесь никто. Самозванка под чужим именем Асанны Идепиус. Захотелось сесть и заплакать.

В коридоре послышались торопливые шаги, смех, чей-то возбуждённый голос. Соня потрянула головой, прогоняя минутную слабость. Нечего раскисать, победа в гонке — ее победа. И пусть Эрвин говорит что хочет, но это она и Горыныч сделали всех.

— Как мне вернуться домой? У тебя есть план? — голос Сони прозвучал неожиданно сухо.

— Сегодня после бала мы проникнем в мою берлогу. Помнишь башню, где ты спрятала ключи?

— Можем пойти туда прямо сейчас. Сам знаешь, я не королева.

Я пешка в чужой игре

Соня плохо представляла свою роль на мероприятии под названием «чувствование победительницы», но то, что людей там будет для неё критически много, она не сомневалась. Ни наряд, ни почести и предстоящие награды не перевешивали смятения девушки. Соня была бы рада пропустить страшившее её мероприятие.

Новая догадка пронзила её.

— Там могут быть знакомые Асанны. И что тогда?

Эрвин на минуту замолк.

— Насколько я знаю, Асанна мало с кем общалась, — парень сдвинул брови, — на самом деле, межгорцев на такие мероприятия практически не зовут, не того полета птицы, — голос Эрвина стал жестче. — Придется рискнуть. Если не пойдём, вызовем подозрение. Будет еще хуже.

Соня хмурилась, ей очень хотелось найти повод, чтобы не идти на бал.

— А если ко мне кто-нибудь подойдет с расспросами?

— Я буду рядом. Получишь приз, и мы сразу уйдем. Награждение команд ждать не будем. Главное, чтобы ты сама не увлеклась... э... танцами, — всё-таки не удержался и подколот победительницу.

— Не увлекусь, ты же будешь рядом, — девушка выделила последние слова и изобразила самую фальшивую улыбку из своего арсенала.

— Спасибо за доверие, ваше сиятельство, — Эрвин изогнулся в шутовском поклоне, прижав руку к груди.

Да пошел ты...

Они вышли из апартаментов и двинулись к тронному залу. Вдали слышалась музыка. Коридор стал шире, попадались нарядно одетые дамы и кавалеры, многие перешептывались, останавливались, увидев победительницу. Их взглядов Соня тщательно избегала, стараясь ни на кого не смотреть.

Незнакомые люди рушили ее хлипкий бастион безразличия, который Соня пыталась возвести. Ей казалось, что все видят перед собой испуганную и неуверенную девчонку и судачат о ее победе неведь что. Правда, Соня даже не представляла масштабов этого «неведь что». Если бы она могла читать чужие мысли, то уже мчалась вон из дворца на крейсерской скорости.

Стараясь избежать любопытных взглядов, Соня ускорила шаг, и вскоре, минуя высокие настежь распахнутые двустворчатые двери, они с Эрвином вошли в просторную нарядную залу с высоким ажурным потолком. В середине огромной открытой площадки по зеркальному полу скользили пары. Кавалеры важно вели дам по кругу, останавливаясь, раскланиваясь и меняясь местами.

В глазах у Сони зарябило от роскошных туалетов дам. Платья девушек радовали самыми разнообразными расцветками, воланами, открытыми плечами, диадемами и украшениями на изящных шейках. Кавалеры были в парадных мундирах, фраках, белых рубашках, тёмных ботинках и даже чёрных сапогах.

Соня выдохнула. Как хорошо, что здесь было много народу, можно затеряться в толпе и стать невидимкой. Лицо её автоматически приняло отсутствующее выражение, которое

всегда бывало у нее на школьных дискотеках. Выражение лица гласило: ваши танцы мне по барабану.

— Асанна, Асанна!

Соня не сразу поняла, что зовут ее. К ней приближался Добромир, сияющий ослепительной улыбкой, как будто ему только что вручили золотой кубок.

— Ты выглядишь потрясающе!

Добромир был в темно-синем мундире с золотыми позументами и брюках с лампасами.

— Спасибо, — Соня набрала в грудь воздуха, — знаешь, дома меня зовут Соней.

— Соня, — голос Добромира стал нежнее шелка, а бархат глаз окутал с ног до головы, — приглашаю тебя на танец.

— Я не умею, честно, — ответила победительница, которая минуту назад собиралась стать более решительной, но опять покраснела.

— А я тебя ждал. Пропустил три танца. Хотел пригласить именно тебя.

Добромир был изумительно хорош. Мундир подчеркивал его широкие плечи и узкую талию, причёска была в том небольшом беспорядке, когда рука так и тянется поправить выбившуюся прядь волос.

— Как же Иолана? — всё еще сопротивлялась Соня, но, кажется, это был ее последний аргумент.

— Она не скучает, — уверил собеседницу Добромир. — У нее море поклонников.

Соня оглянулась по сторонам. Куда испарился Эрвин? Только что был здесь, а уже и след простыл. Добромир в пригласительном жесте протянул руку в белой перчатке.

— Прошу.

Как хорошо, что и Сониная рука с коротко подстриженными ногтями тоже в перчатке. Можно смело подать руку кавалеру.

И всё-таки новоявленная королева чувствовала себя неловко. Эрвин исчез в тот самый момент, когда рядом возник Добромир. Почему Эрвин избегает его?

Соня с Добромиром влились в хоровод танцующих. Кавалер чинно повел даму по кругу. Пары остановились, повернувшись, лицом друг к другу. Добромир поклонился. Дамы сделали реверанс, Соня неуклюже присела, ощутив нож за голенищем сапога. Да, ну, нафиг! Ей казалось, что все следят за ней. Добромир ободряюще улыбался. На лице победительницы застыла неестественная улыбка, но партнер, словно не замечал смущения и неловкости своей визави.

— Всё очень просто, — подбадривал он ее, — сейчас два шага вперед и вокруг меня, поклон и опять вперед.

Добромир опустился на колени, как и все другие кавалеры. Дамы двинулись по кругу, обходя своих партнеров по часовой стрелке, мужчины придерживали дам за правую руку. Движения танца не были ни трудными, ни замысловатыми, но от напряжения по спине Сони заструился холодный пот — и зачем только она пошла с Добромиром? Соня снова сбилась, но партнер опять ничего не заметил.

— Редко ходишь на балы? — с улыбкой спросил он.

— Это мой первый бал.

— Не может быть! — Добромир искренне удивился. — Ты отлично танцевала с драконом.

Вот он о чём! Соня рассмеялась: она вспомнила тот танец и особенно колесо, которое Горыныч скручивал хвостом. Настроение улучшилось, даже дышать стало легче.

Добромир оказался приятным кавалером. Танец был торжественный, неторопливый, похожий на менуэт. Основные движения Соня ухватила, стала двигаться свободнее и спокойнее. Да что она переживает? Всё хорошо. Она победитель, и пусть все смотрят, как она танцует с Аполлоном, и молча завидуют.

Музыка закончилась, пары остановились. Добромир не отпускал руку Сони.

— Сейчас заиграет полька, — сообщил он.

Не успела победительница ответить, как рядом возникла Иолана и царственным жестом подала руку Добромиру. Все пары превратились в тройки. Кавалер в середине, две девушки по бокам. Добромир подал дамам руки, а свободные руки они соединили за спиной кавалера.

Иолана пришла на бал в переливающимся синем платье, которое мягко облегло ее силуэт, подчеркивая достоинства фигуры. На груди сияло роскошное ожерелье, в черных волосах, уложенных волнами, блистала диадема. Иолана резко ухватила Соню за руку.

«Хорошо, что я в перчатках», — только успела подумать победительница, как танец начался.

Шаг польки Соня знала. Через два полечных шага-подскока Добромир остановился, Иолана подняла руку Сони вверх, кавалер отпустил руки дам и спиной прошел через арку из рук девушек. Властная красавица двинулась вперед, потащив Соню за собой, они дошли до следующего кавалера, который предлагал им руки.

Танцевать несложно, если бы не соседство с Иоланой, мертвой хваткой вцепившейся в руку напарницы. Соне казалось, что не только взгляд, но и твердая рука светозарки ядовиты, желание вырваться из стального захвата становилось всё сильнее.

Тройки танцоров двигались по кругу. Каждый новый кавалер улыбался партнершам по очереди. Постоянная смена партнеров и фальшивые улыбки подливали масла в огонь. Нескончаемый танец с каждой минутой превращался в индивидуальную пытку, Соня раз за разом сбивалась с шага, ноги коварно синхронизировались с головой.

Очередной кавалер скользнул назад, Иолана, улучив момент, злобно произнесла:

— Оторву голову, малявка, если еще раз взглянешь на Добромира, — и приторно улыбнулась новому партнеру, к которому они приблизились и подали руки.

Соня, стиснув зубы, дотанцевала с пожилым толстяком, но как только он оставил дам, с силой вырвала руку у Иоланы и бросилась в толпу. Пусть эта красавица-чудовище подпрыгивает без нее.

— Асанна! — послышался женский голос.

Соня налетела прямо на Люсьену. Та нежно схватила ее в объятия.

— Пойдем отсюда, — прерывисто дыша, попросила Соня, — не хочу танцевать.

— Встала в пару с Иоланой, — засмеялась Люся, — я бы не рискнула. Вдруг у нее жало?

Соня и Люся расхохотались одновременно.

— Какая ты нарядная! Просто красавица! — воскликнула Люсьена, разглядывая подругу.

Соня благодарно улыбнулась и только сейчас смогла в свою очередь спокойно рассмотреть наряд мироградки. Для бала Люся выбрала зеленое платье с отделкой стразами, которое очень шло к ее рыжим волосам.

— Ты тоже отлично выглядишь, — похвалила Соня и ничуть не преувеличила.

Девушки разговорились, даже не заметив, как закончилась полька.

Распорядитель бала выбежал на середину подиума и провозгласил, перекрикивая шум и

разговоры:

— Встречаем главу Верховии — Тирольда Активного!

Все как один повернулись лицом к сцене. И как только на подиуме появился высокий седой сутуловатый мужчина с аккуратной бородкой, раздались оглушительные аплодисменты — подданные приветствовали появление главы Верховии. Облаченный в камзол, расшитый золотым галуном, в темных сафьяновых башмаках, Тирольд слегка поклонился, затем обвел присутствующих пронизательным взглядом.

— И где же наша победительница, ради которой мы здесь собрались? — загадочно понизив голос, спросил он.

Толпа вокруг Сони с Люсей расступилась. Все смотрели на них.

— Иди, тебя зовут, — подтолкнула победительницу мироградка, — награждение.

Началась вторая часть представления — индивидуальная пытка под названием «чувствование победительницы». Соня оглянулась по сторонам — помощи ждать неоткуда. Эрвина по-прежнему не было видно. Соня потрогала кулон, схватилась за него как за спасательный круг. На ватных ногах она двинулась к возвышению. «Хорошо, что не надела каблуки», — подумала девочка. Шепот людей как шлейф тянулся за ней, Соне казалось, она никогда не добредет до важного господина — секунды растянулись в бесконечность, мужчины, женщины, стены зала слились в разноцветную мозаику. И всё-таки Соня дошла и даже спину не ссутулила.

Тирольд Активный подал Соне руку, она шагнула на ступеньку, наступила на подол платья, пошатнулась и чуть не упала. Минута триумфа чуть не обернулась конфузом, но, хвала небесам, глава Верховии галантно поддержал юную леди. По залу пронесся смешок. Соня, красная от смущения, встала рядом с Тирольдом.

Он обратил свой взор на присутствующих, поднял руку, призывая к тишине, и величественным голосом начал вступительную речь. И хоть рассказ государя был понятным и связным, но даже половины сказанного Соня не ухватила. Имена, события, даты — всё то, что знал, наверное, каждый верховенец с пеленок, — победительнице ни о чём не говорили.

Экскурс в историю гонок несколько утомил разнаряженную толпу: послышались перешептывания, покашливания, скрип башмаков, смешки. Соня устала прямо держать спину и улыбаться. Она с нетерпением ждала окончания речи, чтобы хоть немного расслабиться. Наконец, мозг очнулся, вовремя уловив смысл торжественно произносимых слов.

Тирольд вещал:

— Впервые в истории Верховии в гонках на драконах победила гонщица из Межгорья. Это невероятная победа восхитила и поразила нас до глубины души. Ведь победу одержал новичок, никому неизвестная Асанна Идепиус!

Шум аплодисментов заглушил голос Тирольда Активного.

Он обвел зал взглядом и провозгласил, перекрывая шум:

— Главный приз сегодня вручит Ильза Раструб.

В зале, где только что гремели аплодисменты, стало необыкновенно тихо. На подиум неторопливо, с непроницаемым лицом и тщательно уложенной прической, вышла высокая худая дама в обтягивающем ярко-желтом платье, стилизованном под кожу рептилии. Длинный нос, тонкие губы и острый подбородок, выдвинутый вперёд, портили и так не слишком привлекательное бледное лицо. Её пристальный взгляд льдистых глаз даже не был прикрыт маской доброжелательности. Появление Ильзы произвело поистине гипнотическое

действие на публику: словно появился удав, которого вмиг узрели загипнотизированные кролики.

Дама прошествовала на середину возвышения и остановилась, свысока осматривая застывшую толпу. Похоже, она знала здесь всех, никто не мог укрыться от ее могущественного ока. В руках у церемониймейстера появилась хрустальная фигурка, изображающего Серебряного Дракона, которого он с поклоном передал Ильзе.

Все вздохнули с облегчением, когда внимание удава переключилось на победительницу. Соня, ничего не замечая, с восхищением смотрела на фигурку хрустального дракона с развернутыми крыльями, на боку которого был выбит номер «19». По залу прокатилась волна восхищённых возгласов, слышались неуверенные хлопки.

Соня встретилась с Ильзой взглядом — будто наткнулась на ледяные иголки в ее глазах. Улыбка стремительно исчезла с лица Сони. Взгляд Ильзы проник в самое сердце девушки, сковав его ледяным панцирем. Победительница невольно отшатнулась, ей захотелось спрятаться, убежать, укрыться от этих ужасных льдисто-серых глаз.

— Поздравляю, Асанна. Прекрасная победа, — наконец произнесла Ильза и торжественно вручила Соне хрустального дракона.

— Спасибо. Можно идти? — чуть слышно спросила Соня.

— Дитя мое, вижу, как ты устала. Но сегодня ты королева бала, и тебе обязательно надо выбрать короля, которому ты подаришь первый танец, — громко на весь зал сказала Ильза Раструб, при этом ее глаза жгли Соню не хуже ледяного лазерного луча.

В зале послышался смех. Соне казалось, что она сейчас потеряет сознание. Виски закололо, к горлу подступила тошнота. Какой бесконечно длинный день. Что от нее все хотят? Какая она победительница? Скорее, беспомощная мошка, запутавшаяся в паучьих сетях.

— Прошу занять место королевы.

Церемониймейстер подвел Соню к трону, на который она почти свалилась. Хрустального дракона распорядитель бала велел поставить на небольшой столик рядом. Соня перевела дух и тут же старательно одернула подол платья, чтобы не привлекать внимания к своим «хрустальным туфелькам» — поношенным красным сапожкам.

Церемониймейстер выбежал на край подиума, покачался с пятки на носок и обратился к залу:

— Прошу претендентов выйти вперед. Кто хочет попытать счастья, удостоиться расположения победительницы? Прошу, смельчаки, выходите, мы хотим на вас посмотреть. Кого сегодня выберет наша королева?

Участники бала расступились, и перед возвышением образовалась свободная площадка. Один за другим выходили кандидаты мужского пола. Соня с замиранием сердца смотрела на них.

Соня с замиранием сердца смотрела на них. Еще одна трудная задача. Еще одно выступление у доски, когда на тебя смотрит весь класс, весь зал, а хочется только одного — закрыть глаза руками, сказать: «Я в домике» — и исчезнуть.

Перед тронем, на котором восседала победительница, выстроился целый ряд соискателей. Она с удивлением смотрела на знакомые лица: Жур Балясин, Кровенц Пигайло, Ляпа Сыроедов, Димитр Самойкин, Солоний Пичуга, Василь Ершов, Жулайка Козин Макарий Чох. Зачем они вышли? Почему так много гонщиков? «Так ведь они наверняка элита среди верховенцев, считают себя лучшими, — догадалась девушка. — Хорошо, что

Добромира нет». Соня не хотела видеть его в этой шеренге. Все с нетерпением смотрели на нее. Кого предпочтет королева бала?

— Прошу, выбирайте, — церемониймейстер вежливо склонился к ней, протянув руку.

Минутная передышка закончилась, Соня встала с королевского трона и, поддерживая подол платья, сошла вниз. Она медленно двинулась вдоль шеренги, скользя рассеянным взглядом по лицам претендентов.

«Неужели эти придурки из Энобуса на что-то рассчитывают? Смотреть противно. Чем Пигаило волосы мажет? Они, наверное, еще и воняют. Вот Солоний хороший парнишка. И Василь Ершов. А это что за дядька? Улыбается, а зубы как у кролика. А вдруг он из Межгорья? За что мне это мучение? Только бы Эрвин появился. Голова раскалывается», — мысли победительницы крутились каруселью, набирая обороты с каждой секундой.

Где Эрвин? Что делать? Она так долго не протянет. Вдох-выдох. Раз не получается смотреть в лица кандидатов, надо сосредоточиться на носке сапожка. Он даст ей возможность удержаться на плаву. Шеренга юношей закончилась, королева развернулась и пошла обратно.

— Наша победительница очень требовательно подходит к своему выбору! — воскликнул церемониймейстер.

В зале раздался смех.

Да чтоб вы все провалились

Неожиданно стало легче дышать. Даже не поднимая головы, Соня различила знакомый силуэт. Эрвин растолкал двух гонщиков и встал в строй, немного пошатываясь, с неестественной улыбкой на губах.

— Вот он! — громко объявила королева бала, почти сразу же пожалев о своем выборе.

Вид парня покорибил ее. Соня не знала, что чуть раньше Эрвин получил удар под дых от Старха Лютого, не пожелавшего пропускать своего врага в строй претендентов.

Поднялся шум, зазвучали ободряющие выкрики. Кто-то хлопал Эрвина по спине.

Соня взглянула на юношу. «Умеет же испортить настроение, — думала она, выходя с ним на середину зала, — и момент найдет подходящий».

— Король бала выбран! — провозгласил церемониймейстер. — Музыка! — крикнул он, взмахнув рукой.

Зазвучали первые аккорды вальса. Эрвин неловко поклонился Соне, положил одну руку на ее талию, а второй взял ее холодную ладошку в длинной шелковой перчатке и неуверенно закружил королеву. В школе, готовясь к выпускному вечеру, одноклассники учили вальс, но Соня успешно отлынивала от таких занятий. Теперь она пожалела об этом. Умение вальсировать на виду у множества любопытных глаз сейчас было бы кстати.

Победительница наступила Эрвину на ногу, он поднял бровь, усмехнулся. Соня скривилась в ответ. Король и королева были под стать друг другу. Соне показалось, что Эрвин не умеет танцевать, но вскоре он приободрился и повел партнершу гораздо свободнее.

К танцу постепенно начали присоединяться другие пары. Они кружились и скользили вокруг, заполняя пространство зала, и вместе с ними кружились король и королева. В объятиях партнера мысль о том, как быстрее сбежать, покинула Соню. Ей захотелось танцевать с Эрвином вечно. Или минуты танца показались ей вечностью? Она смотрела ему в глаза, он смотрел на нее. В молчании таилось признание. Соня улыбалась, глаза ее сияли — еще секунда, и он скажет...

— Ну, вот и всё, — сказал Эрвин.

— Что? — не поняла Соня.

— Оттанцевали. Пора идти, — нежность в глазах Эрвина угасла, как будто внутри него погасла лампочка.

Глава 11. Побег

Странно, они действительно стояли на краю зала. Пока королева уносилась мечтами в голубую даль, король думал о том, как незаметно покинуть танцевальную площадку. Соня почувствовала себя обманутой. Она-то расчувствовалась, в то время как он хладнокровно вальсировал к выходу. Точка. Так ей и надо, глупышке.

Эрвин двинулся вперед, Соня, подняв юбки, неспешно пошла за ним. Мгновенно вернулось прежнее настроение. Всё чужое. И эта музыка, и эти кринолины, и Эрвин, как всегда не делившийся с ней своими планами.

Они свернули в короткий коридор и очутились перед лестницей.

— Не отставай, — сказал Эрвин, оглянулся и быстро пошёл вперед. В коридоре не было никого, от прежней неторопливости не осталось и следа.

Ступени были крутыми, обида так и стояла комом в горле. Соня запыхалась, она всё больше злилась, поднимаясь вслед за Эрвином. Мало того, что танец оказался бесцеремонно испорчен, так еще надо играть в догонялки с этим чокнутым верховенцем. Поплутав по коридорам и лестницам, беглецы достигли небольшой площадки, парень толкнул дверь, и они вышли на крышу дворца. Здесь уже лежали их походные рюкзаки.

Вот, оказывается, куда исчез этот пройдоха. Пока Соня танцевала с Добромиром, с Иоланой, чуть не упала на глазах у всех, мучилась под взглядами толпы и кошмарной Ильзы, выбирала короля, Эрвин готовил вещи к побегу. И теперь этот невозможный человек подхватил оба рюкзака на спину и взглянул на небо. Вот как можно на него злиться?

Снизу доносилась музыка, там продолжался бал.

— Знаешь, — сказал Эрвин, глядя вверх, — по сравнению с дворцом, даже таким громадным и роскошным, звездное небо в сто раз прекраснее. Здесь легко дышать.

Кто бы спорил. Соню давно покорило небо Верховии. «Прощай, прощай, удивительная страна, скоро я буду дома, — произвольно вздохнула победительница. — О, ужас! Горыныч! — к горлу подступил комок. — Я же ему ничего не сказала, он будет меня ждать».

— Поглазели, и хватит, — оборвал Сонины мысли парень, — пора двигаться.

Королеву и короля бала поджидали крыши из красной черепицы, почти вплотную нависшие друг над другом. По ним пролегал маршрут путешественников. После двух или трех десятков крыш, которые они преодолели то шагом, то прыжками, то бегом, то ползком, перед ними предстало очередное препятствие: деревянный настил из нешироких досок, перекинутый между крышей и старой каменной стеной, опоясывающей город. Где-то внизу, на уровне пяти этажей, пролежала улица, и голова у Сони даже не закружилась, когда она опустила взгляд. Но как только девушка шагнула на край доски, то невольно отступила назад. Перекидной мостик шатался и был совершенно ненадежен. Растерявшуюся королеву бала за локоток придержал кавалер, широким жестом предлагая сделать шаг вперед.

— Самый быстрый способ добраться куда надо, — объяснил он.

Соня часто-часто задыхалась, пытаясь прийти в себя.

— Я не... — начала она, но тут же осеклась.

Сколько раз за это время она говорила «не могу». Сколько раз она отвергала саму вероятность сделать то, что ей казалось невозможным, но всё заканчивалось совершенно

противоположным образом. Верховия кардинально меняла ее характер.

Решительным жестом Соня расстегнула юбку и сбросила ее на крышу. Эрвин мгновенно отвернулся, подумав, что девушка останется в неглиже. Как бы не так. Королева, от которой не осталось почти ничего королевского, поправила штанины брюк, заправленные в красные сапоги, и даже не взглянула на смущенного кавалера. Сейчас самое главное — вернуться домой, она не будет ничего и никого бояться.

— Я ползком, — сказала ее величество, царственным жестом снимая перчатки и пряча их в карман джинсов. Марать это шелковое чудо о пыльные доски — кощунство. Пусть хоть сто заноз вопьются в ее ладони, но перчатки она сохранит.

Соня встала на четвереньки и медленно двинулась по деревянному настилу, глядя перед собой. Надо выровнять дыхание, и да, она боится высоты. Вот с Горынычем в небе — другое дело.

Ползти по качающимся мосткам на высоте пятиэтажки настолько страшно, что одна только мысль об этом способна сбросить вниз, но Соня изо всех сил гнала страх из головы, вслушиваясь в доносившуюся из дворца музыку и представляя танцующие пары. От этого королеве бала становилось чуть-чуть легче, и она на четвереньках не спеша доползла до твердой опоры, достигла гребня крепостной стены и спрыгнула на каменный пол.

В отличие от Сони, Эрвин уверенно и быстро перебежал по мостику и, ничуть не запыхавшись, очутился рядом с ней. Кажется, он даже не заметил, чего стоило победительнице преодолеть расстояние в четыре зыбких метра. Успокаивать или восхищаться ее героизмом Эрвин тоже не собирался.

— За мной, — как заправский охотник, пригибаясь, он двинулся вперед.

Обессиленная от пережитого страха Соня хотела бы не отставать, но дыхание сбилось, закололо в боку, в голове зашумело. Парень же, будучи в своей стихии, проворно достиг стены башни, остановился, поджидая Соню, и указал наверх.

Предстояло карабкаться по вбитым в стену металлическим скобам. Не говоря ни слова, королева послушно полезла на стену, благо ее рюкзак был у Эрвина. Неужели не нашлось другой дороги? Сколько они будут бежать, прыгать, взбираться по разным поверхностям? Уф! Та самая крыша, с которой начались её приключения в небе Верховии. Эрвин помог Соне выбраться на крышу, где поджидал очередной сюрприз: узкий темный лаз в центре каменной кровли, уходящий вертикально вниз. Откуда он взялся? Или это другая крыша?

Пока Соня вертела головой, Эрвин протиснулся в лаз и поманил ее за собой. Ничего не оставалось, как следовать за спутником. Внутри лаза оказалось темно и тесно, Соня ощутила на своем лице дыхание Эрвина.

— Тсс, постоим здесь, — сказал он.

Куда они крадутся и что все это значит?

— Подождем, — прошептал Эрвин, — ничего не слышишь?

— Нет, — Соня мотнула головой.

Эрвин прикоснулся рукой к ее волосам.

— Давно хотел это сделать, — сказал он.

Соня почувствовала его улыбку.

— Мягкие, я так и думал.

— Слушай...

Юноша обнял победительницу гонок, она уткнулась ему носом в плечо. Что он о себе возомнил?

— ...Эрвин, — голос Сони дрогнул, — откуда ты все эти ходы-переходы знаешь?

Надо быстро сменить тему, потому что, как подозревала королева бала, ее лицо горело сейчас, как лампочка в темноте.

— Это мой секрет. Я, кстати, имею полное право на один поцелуй, — прошептал он.

— Нет, — чуть слышно ответила Соня, — король бала имеет право... на два поцелуя.

Эрвин тихо рассмеялся.

— Прижмись к стене, — он отодвинул королеву от себя, — лестница крутая, я иду первый.

Соня чуть не задохнулась от возмущения. Попыталась сказать какую-нибудь колкость, но Эрвин уже стал опускаться вниз. Когда голова его исчезла, Соне ничего не оставалось, как двигаться следом. Довольно долго они спускались по лестнице. Внизу раздался скрип, потом появился чуть заметный свет, как будто открылась крышка погреба, и Эрвин спрыгнул в темный квадрат. Еще немного, и она последовала за ним. Парень подхватил ее.

— Не может быть, — удивилась Соня, оглядываясь по сторонам, — невероятно.

Они находились в том самом помещении, в котором встретились, когда Соня прибежала сюда вслед за собакой. Даже в потемках она узнала эту квартиру, похожую на тайный приют одинокого скитальца.

— Эрвин, а зачем мы тогда поднимались по веревочной лестнице со стороны башни? — спросила Соня.

— Так быстрее.

— Да ты разыграл меня с этим лазом, — Соня была по-настоящему возмущена. Опять он провел ее, как девчонку, особенно с поцелуями. Как можно верить этому шуту?

— Эрвин, а ключи? — спросила Соня, чтобы скрыть замешательство.

— Вот они, — парень подкинул связку на ладони.

— Всё подготовил, — саркастически буркнула девочка.

— Лучше подумай, что делать, — Эрвин не мог скрыть своего веселого настроения. Он тоже помнил про два поцелуя.

— Надо открыть ту самую дверь, откуда я пришла, — Соня решительно взяла свои ключи и двинулась в коридор.

— Открой, — Эрвин тронулся вслед за ней.

У входной двери Соня замешкалась. Дверь была закрыта на засов, как тогда, когда они уходили. Что делать? Соня, отбросив колебания, отодвинула засов, взялась за ручку и распахнула дверь. Перед ней была лестница башни и стены из старого тесаного камня.

— Нет! Ничего не изменилось! — Соня не смогла сдержать чувств, отчаяние захлестнуло ее.

— Примени ключи, — подсказал Эрвин.

— Ключи не от этой двери, здесь совсем другой замок, — Соня с ненавистью пнула дверь, потом набросилась на нее с кулаками.

Она готова была превратить преграду в щепки, разметать и разрушить всё вокруг, но Эрвин вовремя оттащил ее от двери.

— Остынь. Дело не в двери. Эту дверь я закрываю изнутри на засов и попадаю сюда другими способами, но только не через башню. А ты пришла как раз с другой стороны.

— Тогда где нужные ключи? — сквозь усиленный стук сердца спросила Соня.

— Вот они, — Эрвин указал на холщовый мешок, лежащий рядом с дверью, который Соня раньше не заметила.

Девочка бросилась к мешку и вытрясла из него на пол дюжину разных ключей.

— Откуда они? — спросила девочка, разглядывая богатство.

— Из Хранилища.

— Ты смог ими что-нибудь открыть? — Соню потрясывало от происходящего.

— Я — нет, но у тебя может получиться, ты же зашла в эту дверь.

Слова Эрвина дарили надежду. Соня встала, подтолкнула ногой горку ключей к двери и стала методично по очереди ковырять ими в замке. Ни один ключ не подошел.

— Больше нет? — девочка старалась говорить спокойно, хотя до истерики был один шаг. Она прислонилась к двери, ноги не держали от усталости.

— Раз ты смогла попасть сюда, значит, есть и обратный путь. Я ходил в Хранилище, когда оставил тебя в Межгорье, нашел эти ключи. Какой-то из них — точно тот самый. Я не знал, как определить, там было много ключей, я выбрал подходящие.

— В Хранилище не могло быть нужных ключей, зря старался, — Соня отлепилась от двери, покачнулась, оставшись без опоры.

— Почему? — Эрвин сделал шаг вперед и заключил девочку в объятия.

— Потому что дверь была открыта, когда я зашла в нее. Кто-то до меня открыл дверь между нашими мирами. Если это сделал твой дед, мы должны найти его, — Соня умоляюще взглянула на парня.

— Дед пропал восемнадцать лет назад.

— Это значит, я никогда не вернусь домой? — голос Сони задрожал, ноги подкосились, и она осела на пол. Эрвин разжал объятия, съехал спиной по стене и сел рядом.

— Деда послали на Великую Вершину. Возможно, какие-то ответы есть на Великой Вершине, но идти туда — верная смерть. Я думал об этом.

— Надо отыскать собаку. Ту, которая привела меня сюда, с голубыми глазами, — девочка с надеждой взглянула на Эрвина.

— Ты знаешь, сколько в Верховии собак? Где мы ее найдем? И что она может нам сказать? Гав-гав?

Слезы потоком хлынули из глаз королевы, «гав-гав» добило ее окончательно. Она рыдала, как маленькая девочка, прерывисто икая и всхлипывая. Только теперь Соня осознала — всё безнадежно сложно. И никто, никто не сможет ей помочь.

Эрвин встал, вытащил из рюкзака бутылку с водой и подал Соне.

— Если дверники были, значит, о них есть сведения, — сказал он, чтобы хоть как-то ее утешить. — Ларри обещал серьезно порыться в архивах.

— Ик... точно. Ик... конечно, есть, — Соню пробрала икота. — Он мне... ик... поможет. Обяза... ик... тельно.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Пусть Ларри... ик... найдет что-нибудь про дверников, как они ик... открывали, пожалуйста. Ик... я прошу, — Соня сквозь слезы глядела на своего спасителя. К кому она еще могла обратиться? Какая же она была несчастная и смешная в этот момент.

— Что это? — вскрикнул Эрвин, глядя за спину девочки.

Соня стремительно обернулась.

— Паук?

Взвизгнула, вскочила и перестала икать.

— Фу, показалось, — вздохнул парень, — извините, королева, напугал вас.

Вытащив из кармана белоснежный платок, Эрвин ласково принялся вытирать мокрые

щеки чемпионки. Лицо Сони и без того покрасневшее от слёз вспыхнуло бордовым цветом.

— Плакса... моя...

Соня замерла.

Любимая?

Время для двоих словно остановилось. Их губы приблизились друг к другу. Ещё один вдох, и... Соня отстранилась.

— Мне понравилось, как ты танцуешь.

— Спасибо, — сипло.

Два шага назад из объятий Эрвина.

— Тяжелый день. Я устала.

Глава 12. Нападение

Солнце еще не позолотило верхушки домов, а Эрвин и Соня уже шагали по безлюдным улочкам города. Парень был встревожен.

— Заберем Горыныча — и прочь отсюда, — сказал он. — Вся эта шумиха вокруг тебя мне не нравится. Ильза неспроста появилась. Эта ищейка может сильно испортить жизнь.

Соня вспомнила главу Совета Меры и ее передернуло. Жуткая особа, эта тетка в змеином платье с острым подбородком и ледяными глазами.

Где-то через минут сорок они очутились около королевского стойла драконов.

— Иди первая, — шепнул Эрвин, — я за тобой. Держись уверенно.

Соня, гордо вскинув голову, вошла в помещение. Вооруженный охранник преградил ей путь.

— Асанна Идепиус, — звонко представилась она. — Я за драконом.

Охранник окинул ее взглядом, поклонился, пропуская в стойло. Соня прошла мимо него, Эрвин шагнул следом, но гвардеец преградил ему путь.

— Нельзя, — сказал коротко, — только она.

Соня оглянулась, Эрвин замялся у входа, не зная, что предпринять.

— Забирай Горыныча и улетай. Встретимся на башне. Здесь недалеко, — сказал он и пошел прочь.

Еще бы не перепутать башню

Ощущение тревоги нарастало с каждой минутой, Соня нервно оглядывалась, ища признаки притаившейся опасности. Она быстро нашла денник Горыныча, окинула взглядом проход — никого нет. Вошла внутрь. Дракон встрепенулся, встал на короткие толстые лапы и уже открыл пасть, чтобы рыкнуть, но его порыв был мгновенно остановлен предупреждающим жестом.

Стараясь не шуметь, Соня вывела Горыныча из стойла и повела в атриум, куда они накануне приземлились. Взбежав по его спине, девочка удобно устроилась в седле, Дракон легко поднялся в небо. Теперь оставалось найти ту самую башню, откуда они стартовали в день знакомства, забрать Эрвина и отправиться в Межгорье.

Оглядевшись, Соня направила Горыныча к старой крепостной стене на краю города. Но, делая разворот в нужном направлении, заметила черного дракона без наездника, который на всех парах мчался к ним. Вид у дракона был устрашающий, и Соне на секунду показалось, что она знает его. Не успела вспомнить, как тот кинулся на них.

Соня вскрикнула от ужаса. Черный дракон в два раза здоровее Горыныча!

— Вниз! — завопила Соня.

И Горыныч свалился практически в вертикальном пике, резко затормозив при посадке на каменную мостовую огромной площади. Сверху на них уже пикировал неприятель. Маломерка задрожал, понимая, что ему не уйти от взбесившегося зверя.

Соня не успела ничего предпринять, как Горыныч бросился к высокому стрельчатому окну старинного помпезного здания. Со всего маху он выломал раму окна и ввалился в помещение, благо комплекция позволила проскочить в образовавшийся проем. На Соню посыпались осколки слюды и щепки деревянной рамы.

Огромный черный дракон настигал их. Промедление грозило смертью, Горыныч ринулся дальше. Он вбежал в полукруглый зал, где перед возвышением поднимались амфитеатром красные бархатные кресла. За спиной в проеме рычал черный монстр, круша стены и ломая остатки окна. Он тоже хотел попасть в здание и настигнуть беглеца.

Горыныч, тяжело дыша, затравленно озирался по сторонам. Сильнейший удар черного дракона в окно, от которого во все стороны по стене пошли трещины, заставил Горыныча принять безумное решение. Он со всех ног бросился к огромному камину у стены.

— Стой! Стой! — закричала Соня, спрыгнув с дракона и больно ударившись коленкой об пол.

Но Горыныча было не остановить: он влез в камин и начал протискиваться в трубу, скребя когтями по кладке. Из дымохода посыпалась сажа. Соня, хромая, подбежала к камину, заглядывая внутрь. Сажка полилась, как вода. Девушка чихнула раз, второй, третий. Этот отвлекло от происходящего, и она не сразу сообразила, что звуки у разбитого окна смолкли.

Шум крыльев и грозный рык преследователя заставил её броситься обратно к месту, где они вломились в закрытое здание. В небе ревел черный монстр. Он кинулся в сторону крыши. Сердце Сони болезненно сжалось. Ей представилось, как чудовище убивает Горыныча.

Послышался глухой удар, треск, что-то с шумом упало на крышу, покатилося, и кусок каменной трубы с грохотом приземлился на мостовую. Черный дракон грудью налетел на трубу и сбил ее. Он чувствовал Горыныча внутри каменной кладки и напал на него извне.

Раздирая руки в кровь, Соня вылезла из разбитого окна на улицу, сердце ее бешено колотилось. «Горыныч, там же Горыныч!» — стучало у нее в висках. О том, что там же беснуется сумасшедший дракон, она не думала. На площади валялись куски каменной трубы, но Горыныча не было. Со всех сторон на шум бежали люди, появились гвардейцы.

Народ задирали головы, смотрел вверх, но черный дракон, увидев, какой он вызвал переполох, поднялся ввысь и ринулся вон из города. Покинув любопытствующую толпу, Соня вновь бросилась в здание через разбитое окно, крикнув гвардейцам, следовавшим за ней.

— Там... дракон в камине...

Соня подбежала к камину, заглянула в дымоход, пытаясь что-то разглядеть в его утробе. Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Застрявший в дымоходе Горыныч хрипел где-то вверху. Гвардейцы начали обсуждать, как вытащить дракона. Они светили фонарём внутрь, не забывая хохмить.

— Неужели камин рушить?

— Я хвост вижу. Можно зацепить.

— А если оборвём? Дракон... не обгадит?

— Кто первый полезет к дракону в... задницу?

Входная дверь заскрипела, все обернулись. К группе гвардейцев подходил человек в мантии. Шутки смолкли.

— Почему посторонние в ратуше?

— Так дракон сюда залез, уважаемый старейшина.

— Ваше имя. — Представитель власти посмотрел на Соню, безошибочно определив, к кому обращаться.

— Асанна Идепиус из Межгорья. Дракон Горыныч. На нас в небе напал чёрный дракон. Мы спасались от него.

— В ратуше?

— Дракон... испугался...

Жалобный рёв Горыныча стал подтверждением слов наездницы. Больше ни о чём не спросив, старейшина принялся командовать гвардейцами.

Горыныча тащили вниз за лапы, привязав к ним веревку. Соня была в ужасе, она боялась, что дракону переломают крылья. Когда кряхтящего, стонущего Горыныча, черного от угольной сажи извлекли на свет, вид у него был такой жалкий и нелепый, что Соня не знала, плакать ей или смеяться.

Но смеяться мгновенно расхотелось, когда старейшина дал команду и на Горыныча накинута цепь и повели уже в распахнутые настежь двери. Соня не верила своим глазам. За что схватили Горыныча? Это несправедливо! За драконом и гвардейцами следовали зеваки, они показывали пальцами, судачили, кричали вслед. Она бежала за гвардейцами, пытаясь объяснить им, что произошло недоразумение, но ее не слушали. Постепенно любопытные сплетники отстали. Человек в мантии отдал указание, и процессия ускорила.

— Куда вы его ведете? Он ни в чем не виноват! Отпустите его! Не дергайте за шею, ему же больно! — Соня следовала за конвоирами, стараясь не отставать.

Отвечать ей не собирались, служивые молча исполняли приказ.

Несчастный Горыныч испуганно крутил головой, с надеждой оглядываясь на Соню, но гвардейцы без сожаления волокли его за собой. Минут через двадцать показалось большое серое здание: высокая мрачная громада с узкими бойницами-оконцами. Горыныча затащили внутрь.

— Тюрьма для драконов, — сказали ей, преградив путь, — здесь он будет до выяснения обстоятельств.

Слезы произвольно брызнули из глаз Сони, это было выше ее сил. Мало того, что на них напал черный дракон, Горыныч застрял в трубе, так еще его во всем обвинили и утащили в тюрьму. Жалобный крик дракона стих где-то в недрах неприступного здания. Перед носом девушки захлопнулись ворота.

Ноги Сони подкосились, она села на землю и ухнула куда-то вниз. В ушах послышался гул, издали, как сквозь вату, прорывались чьи-то голоса, но победительницу гонок они окончательно перестали волновать.

Очнувшись в незнакомой светлой комнате на кровати, Соня испугалась. Вдалеке рычал Горыныч, кто-то громко спорил, скрипели створки ворот. Когда шум в ушах стих, Соня приподнялась на кровати и села.

Она находилась в просторной комнате, похожей на больничную палату. Стены окрашены в бледный салатный цвет, потолок разрисован облаками на голубом небе. Напротив стояла пустая застеленная кровать.

В комнату бесшумно проскользнула приятная молодая женщина в светлом одеянии и такой же светлой шапочке.

— Всё в порядке? — спросила она. — Тебе легче?

— Да, — сказала Соня. — Вы доктор?

— Можно сказать и так, — улыбнулась женщина. — Вставай, надо идти. Там, — она махнула рукой на дверь, — тебя ждут.

Только сейчас Соня вспомнила: Горыныч в тюрьме, Эрвин ничего не знает, и, главное, его нет рядом. Стараясь побороть слабость, она встала. Наклонилась к красным сапожкам рядом с кроватью, нож оказался в одном из них. Женщина отвернулась, пока Соня медленно обувалась.

Девушка тянула время, но это всё равно не помогло ей собраться с мыслями. Кто ее ждет? Что делать? Как спасти Горыныча? Где Эрвин, который ей сейчас так нужен? К горлу опять подступила дурнота, Соня закрыла глаза, стараясь унять спазм. Надо держаться, она всё решит, она вытащит Горыныча из тюрьмы.

На выходе Соню ожидал конвоир в гвардейской форме. Он повел ее по коридору, потом по лестнице и вновь по широкому коридору. Наконец, они вошли в просторную комнату с большими арочными окнами. Двое мужчин в простой темной одежде разговаривали с женщиной в длинном платье со светящимся обручем на голове, которая стояла спиной к двери.

Как только Соня вошла в комнату, мужчины замолкли, устремив на нее любопытные взгляды. По спине девочки пробежал холодок. Женщина обернулась. Ильза Раструб. И ее фирменный ледяной взгляд удава под названием «смерть кроликам».

— Приветствую тебя, Асанна Идепиус из Межгорья, — негромко сказала она.

— Здравствуйте, — чуть слышно пробормотала Соня.

— Помнишь меня? Со мною члены Совета Меры: Маркус Дробина и Лавр Урсянин, — поочередно указала Ильза на коллег.

Мужчины чуть склонили головы в поклоне.

— Мы хотели поговорить с тобой о гонках. Вчера как-то не удалось, ты быстро исчезла, — Ильза помедлила. — Ты нас сильно удивила, милая моя. Никто не ожидал от равномеров такой прыти. Способности жителей Межгорья не позволяли им даже мечтать о полетах, а уж о победе..., — она вплотную приблизилась к Соне. — Как случилось, что ты стала наездницей?

— Я очень этого хотела, — пролепетала Соня, слегка отстранившись от главы Совета Меры. Как же с Ильзой страшно говорить!

— Ну, хорошо. Садись, Асанна. Члены Совета хотят задать несколько вопросов.

Ильза поморщилась: девчонка раздражала ее своим тихим голосом. Как такая мямля вообще могла участвовать в гонках, да еще и победить?

— Все мы видели, ты сумела догнать лидеров, хотя самая последняя начала гонку, — сказал толстый лысоватый Маркус Дробина, причмокивая пухлыми, как будто намазанными маслом губами.

— Мы просто летели, и всё. Избегали столкновений, — прошептала Соня.

— Ты намекаешь на то, что другие летели хуже? — вклинился Лавр Урсянин, прищурился под стеклами очков и без того маленькие, близко посаженные на узком длинном лице бесцветные глазки.

— Я не знаю. Все летели хорошо, — ответила растерянно.

— Минутку, — нетерпеливо перебил Маркус, — но ты победила, как тебе это удалось?

— Я не понимаю вопроса, вы сами всё видели.

— Почему вы решили бежать сегодня утром? — Лавр Урсянин вытянул шею, как будто носом хотел дотянуться до Сони.

Он еле слышал ответы девчонки, даже оттопыренные уши не помогали ему в этом.

— Мы не убегали, просто полетели домой, а на нас...

— Знаем, знаем. Ну, хорошо. Ты прошла Высотомер? — перебила Ильза, которой невольно было слушать лепет девчонки.

— Э... да. Я хочу, чтобы мне вернули Горыныча. Он ни в чем не виноват. Почему его заперли в тюрьме?

— Дорогое дитя, ничего плохого твоему дракону не сделают. Лучше скажи свой результат на Высотомере.

Ильза Раструб улыбнулась так, что холод скользнул по спине девушки.

— Я... точно не помню, — Соня сглотнула подступивший к горлу комок.

— Не помнишь показатели? — Ильза напряглась, как змея перед прыжком, и не мигая уставилась на нее.

— У меня как у всех, — быстро проговорила Соня, поняв, что сморозила непростительную глупость.

— Ты уверена? Такой срыв мало кто выдержит. Это очень болезненно, если не сказать смертельно, тем более со средними данными.

Соня старалась дышать глубже, чтобы успокоиться. Члены Совета Меры ждали от нее ответа.

— Но Ариадна и Иолана летели в эстафете похожим образом, — победительница нашла хороший аргумент в свою пользу. — И я много тренировалась. Я могу терпеть боль, — добавила она еще убедительнее, сама удивившись своим актерским способностям.

— Дитя мое, они летели так безрассудно всего один створ перед финишем. А ты делала такие спуски постоянно, — Ильза, не задумываясь ни на секунду, поставила двойку с минусом лицедейству Сони.

Присутствовавшие переглянулись. Что-то не сходилось. Ильза хмурилась. Она не зря столько лет возглавляла Совет Меры, чтобы ее можно было провести вокруг пальца. Этим длинным гибким пальцем она поманила мужчин, которые придвинулись к ней, словно по команде. Троица тихо заговорила между собой.

Соня напрягла слух, но разобрать ничего не получилось. Девушка так и сидела с вытянутой шеей, пока леди Удав не повернулась к ней. Вопрос, словно выстрел, прозвучал с убийственной точностью.

— Кто был твоим помощником?

— Ларри Идепиус, мой брат, — мгновенно ответила Соня.

— Это его ты выбрала королем бала?

Ледяные иголки ввинчивались в самое сердце девочки.

— Да.

— Брата?

— Я плохо танцую. Не хотела кому-нибудь отдавить ноги, — Соню начало потряхивать от допроса. Она чувствовала приближающуюся опасность почти физически.

— Надо же, какая предусмотрительность, — Ильза скривила губы в подобие улыбки. — Симпатичный у тебя братец. Вы с ним прекрасно смотрелись в паре.

Воспоминание о вальсе накрыло Соню с головой. Она, действительно, смотрела на партнера совсем не по-родственному. Только слепой мог этого не заметить, не то, что Ильза, которая, наверное, с головы до ног просканировала их. На балу Соня допустила серьезный прокол и сейчас даже не знала, что ответить.

Члены совета переглянулись. Затянувшуюся паузу прервал Маркус Дробина, которому Ильза дала отмашку, указав взглядом на девчонку.

— Асанна Идепиус, ты должна еще раз пройти Высотомер, — сказал он. — Мы думаем, тебя это совсем не затруднит, ведь ты, — он издевательски улыбнулся своими толстыми масляными губами, — много тренировалась.

— Но я уже прошла Высотомер и больше не хочу, — Соня поднялась со стула.

— Ты же знаешь, в этом нет ничего страшного. Зачем ждать, раз мы все здесь? — потечески мягко, как будто уговаривая капризного ребенка, сказал Лавр Урсянин.

Жаль, что он не видел себя со стороны, от его заботы хотелось бежать на край света.

Члены Совета Меры вместе с Ильзой вышли из комнаты, дав понять, что разговор окончен. Соня испугалась по-настоящему. Что с ней будет? Эрвин неспроста хотел избежать Мерки. С другой стороны, Ларри и Асанна прошли Высотомер. Конечно, они с неохотой рассказывали об этом, но, судя по их состоянию, ничего страшного там не произошло, и последствий после испытания у них не наблюдалось.

Соне хотелось одновременно кричать, ругаться и плакать. От нервного срыва победительницу спасли гвардейцы. Они вывели ее из комнаты и приказали следовать за ними. Теперь конвой Сони состоял из трех стражей. Видимо, Совет Меры посчитал, что девчонку нужно стеречь тщательнее.

Глава 13. Высотомер

В сопровождении трех молодцев Соня двинулась прочь из здания. Варианты побега лихорадочно крутились у нее в голове. Она уверена, ей нельзя на Высотомер. Как можно избежать испытания? Что предпринять?

Они вышли на огромную площадь. Соня сразу узнала это место. Сюда приземлился Горыныч, когда на них напал черный дракон. Теперь она разглядела и здание, в котором они прятались. Издалека оно походило на Собор, только менее величественный.

Путь, по которому двинулись гвардейцы, пролегал через всю площадь, и Соня с надеждой оглядывалась по сторонам. Может, где-то в толпе скрывается Эрвин? Знает ли он, что случилось?

На площади толпился народ. Все глазели на них: кто с интересом, кто с удивлением, кто с затаенным злорадством. От этих взглядов девушке стало еще страшнее. Она была обыкновенным подростком в обыкновенной школе, одна из многих, и никто вообще не замечал ее персону. А сейчас Соня ощущала, как сердце бьет в набат и в голове крутится лишь одно: «Опасность! Бежать!».

Хотя Соню трясло от страха, внешне это не отразилось никак. Лишь походка ее стала деревянной, и на лице застыло неестественное выражение. Ноги заплетались, не желая идти в огромное здание с массивными колоннами, фасад которого венчала надпись из золотых букв — «Совет Меры».

Вспомнился несчастный Горыныч, которого на цепи уволокли в тюрьму. Теперь пришла очередь Сони. Осталось представить палача в красном колпаке с прорезью для глаз, деревянную плаху, огромный топор — и действительность подернулась рябью.

Соня почти не осознавала, куда ее ведут, перестав фиксировать детали окружающей обстановки. Просторный холл с мозаичным полом, широкий коридор, распахнутые дубовые двери, огромный амфитеатр, по одному из проходов по которому шла их четверка, не оставили в сознании девушки и следа.

Только когда конвоиры вывели победительницу на середину площадки и остановились, Соня пришла в себя. Перед ней на возвышении виднелась круглая стеклянная капсула, абсолютно пустая внутри. Высотомер. Соня почти равнодушно посмотрела на застывшего монстра, в котором не оказалось ничего страшного.

Гвардеец сопровождал ее в небольшое огороженное пространство для участников испытания, и Соня без сил плюхнулась на деревянную скамью. В круглом амфитеатре рассаживались люди. То, что здесь еще и зрители будут, оказалось очередным шоком.

В небольшом отдалении от Высотомера находился инкрустированный дубовый стол на толстых гнутых ножках. Около него в ряд стояли массивные кресла, обтянутые дорогой мягкой кожей. Всем, кто видели это великолепие, было понятно, здесь восседают не абы кто, а истинные вершители судеб. Но некоторые, особо проницательные, хотя и молчаливые, считали вершителей убогими скоморохами, устраивавшими на потеху публики дешевый балаган.

В помещении было душно, и запах от тысячи потных тел только усиливал дурноту. Гул голосов сливался в мерный шум. Соня попыталась успокоиться, украдкой глянув на людей, галдящих в ожидании действия. Лучше бы она этого не делала. Всё внимание публики направлено на нее, на нынешнюю победительницу гонок.

Соня посильнее ухватила за край деревянной скамьи, сосредоточившись на носке красного сапога, который сейчас казался единственным спасителем. Нет, она не покажет любопытной толпе свой затравленный взгляд и свой страх.

Красные сапожки не подвели, сердцебиение стало чуть тише. Соня, вспомнив о якобы пройденном испытании, решила держаться увереннее. Желание лить слезы отступило, она подняла голову и тут же увидела Добромира с Иоланой, занимавших места в амфитеатре. Они тоже пришли поглазеть на нее, как на обезьянку в цирке. Дрожь прошла по телу девушки, в горле пересохло.

Соня не нервничала так даже на гонках, когда со всех сторон мчались драконы, грозя сбить Горыныча. Почему все интересуются ее результатами на Высотомере? Что вообще значат эти результаты? Стоп! Хватит думать об этом. Она может взять себя в руки. Красные сапожки с чуть загнутыми носами — испытанное средство отстраниться от всех.

К дубовому столу вышли люди в мантиях: Ильза Раструб, Маркус Дробина и Лавр Урсянин. Соня судорожно вздохнула. Какие самодовольные, важные, даже переодеться успели. А ей и стакана воды не предложили. Негромко переговариваясь, мужчины чинно расселись за столом, Ильза осталась стоять.

— Уважаемые члены Совета Меры, — обратилась она к двум заседателям, — уважаемые жители Верховии, — поворот к залу, — сегодня Асанна из Межгорья, урожденная Идепиус, победительница нынешних гонок...

Крики одобрения заглушили голос Ильзы. Соня, стараясь дышать глубже, смотрела на главу Совета Меры и чувствовала, как та двоится у нее в глазах.

«Опять эта пелена», — подумала Соня, но успокоиться не получалось.

— Итак, — сказала Ильза, повысив голос, который стал еще пронзительнее, — Асанна Идепиус пройдет повторное испытание на Высотомере.

К Соне приблизился гвардеец.

— Пойдемте, — сказал он.

На ватных ногах Соня последовала за ним. Они вышли в центр освещенного круга, поднялись на несколько ступеней. Страж распахнул дверцу. Соня вошла внутрь капсулы, а гвардеец привычным движением закрыл кабину. Девушка смотрела прямо перед собой в одну точку. На блестящей поверхности Высотомера было видно ее отражение: огромные испуганные глаза, растрепанные волосы. Соня провела рукой по лбу, вытирая испарину. В наступившей тишине она отчетливо слышала каждый удар своего сердца.

Свет в зале потух, остался только луч прожектора, освещающий Высотомер из центра купола. Соня закрыла глаза в ожидании, по позвоночнику прокатилась ледяная волна. Началось.

Соня почувствовала какое-то движение и открыла глаза, Высотомер поднимал ее под купол здания. Девочка глядела вниз, а площадка, на которой она стояла, скользила всё выше и выше. Наконец, он остановился.

«И что дальше?» — только и успела подумать Соня.

Тут же в ее тело вонзились шипучими иголочками тонкие лучи. Прямо над ухом прозвучал вопрос:

— Как тебя зовут?

От неприятного ощущения девочка передернулась, отвечать на очевидный вопрос казалось глупо.

— Как тебя зовут? — вопрос повторился.

— Асанна Идепиус, — голос Сони дрогнул.

— Откуда ты?

— Из Межгорья, — сказала она.

И лихорадочно подумала: «Зачем они это спрашивают, они о чем-то догадались?»

— Асанна Идепиус из Межгорья, кто твои родители?

— Они простые люди. Отец — работник фабрики игрушек, мать — домохозяйка, — Соня без запинки повторила то, что слышала от Ларри. Голос был спокоен, она не даст себя уличить.

— Асанна Идепиус, чем ты хочешь заниматься? — прозвучал новый вопрос.

Вопрос поставил ее в тупик. Откуда она знает? Выпускной класс надо закончить, выбор университета и профессии Соня еще не сделала.

— Что тебя интересует? Чем хочешь заниматься в дальнейшем?

Соня медлила с ответом, ей чудился какой-то подвох.

— Э-э-э...я пока не знаю, — она решила сказать правду.

— Ты не знаешь, что тебе интересно? — в голосе послышалось недоумение.

— Пока нет, — твердо сказала Соня.

Чего они к ней пристали? Она ждала следующего вопроса, но Высотомер быстро двинулся вниз. Послышался то ли всхлип, то ли вздох, пронесшийся по рядам зрителей, и в ту же минуту Высотомер достиг арены и остановился.

«И это всё? — подумала Соня. — Или нет?»

Внезапно в тело опять впились маленькие иголочки, и от неожиданности девушка слегка вскрикнула. Ощущение исчезло. На прозрачных стенках высотомера появились светящиеся цифры «0» и еще раз «0». Публика заволновалась.

— Ах! — вскрикнул кто-то. И, кажется, брякнулся в обморок.

— Высотомер неисправен! — послышалось из толпы.

— Неисправен!

Соня вглядывалась в колыхающиеся ряды, но не видела людей, свет бил в глаза. К кабине придвинулась Ильза Раструб. Она показалась Соне хищной птицей с длинным клювом-носом и острым подбородком. Быстро же преобразилась из змеи в стервятника. В комнате страха ей бы цены не было.

Ильза буравила Соню взглядом, стараясь прочесть на ее лице вызванную Высотомером боль. Девушка смотрела напряженно, но в глазах не нашлось ни малейшего намека на физическое страдание.

— Повторить!

— Повторите испытание!

Послышались крики со всех сторон.

— Как себя чувствуешь, Асанна? — спросила Ильза, как будто не веря своим глазам.

— Нормально.

Резко развернувшись, Ильза сделала какой-то знак рукой. Зал сдавленно ахнул. Свет прожектора, льющийся сверху, погас, а купол здания, как створки огромной ракушки, начал медленно со скрипом открываться. Ноги Сони стали ватными, ее ждал еще один подъем. Но, возможно, будет что-то ужасное, чего она не знает? Сколько еще они будут ее мучить?

Свет, хлынувший с неба, пришел на помощь, ей стало немного легче дышать. Соня глубоко вздохнула, с надеждой глядя вверх, в этот момент купол открылся полностью. Началась вторая фаза испытания.

Высотомер пополз вверх. Капсула поползла вверх, достигла края крыши и взвинтилась дальше: на простор, в небо, туда, где обитали небожители. У победительницы захватило дух от открывшейся картины, весь город перед ней как на ладони. С такой высоты люди внизу показались Соне маленькими букашками. Какие-то птицы шмыгнули перед капсулой, сильно удивившись появлению непонятного предмета. С площади послышались крики восторга, народ узрел сияющий в лучах солнца Высотомер во всей красе.

Всё внезапно оборвалось: ни напугаться, ни полюбоваться Соня толком не успела, не с этой целью Высотомер вознес ее к небу. Лучи-иголки напали без предупреждения, вызвав у девушки неконтролируемую дрожь в теле. Неприятное ощущение быстро исчезло, и капсула поползла вниз. Странно, что не последовало вопросов, и спуск, как показалось Соне, стал гораздо быстрее. Внизу в тело опять впились иголки-крапивки, только теперь Соня выдержала их атаку без единого звука.

На стенке загорелись цифры «15-0». Значит, Высотомер исправен, одна цифра изменилась. По залу пополз изумленный шепот. Гвардеец приблизился к капсуле, откинул дверцу и подал девочке руку.

— Я сама.

Гвардеец молча пожал плечами: сама так сама. На его памяти не часто неофиты могли самостоятельно покинуть Высотомер, кого-то и на руках приходилось выносить. Но для победительницы гонок несколько ступенек вниз не представляли трудности.

Девушка медленно спустилась с возвышения и подошла к членам Совета Меры. Шум в зале стих. Заседатели в шикарных креслах подобрались, как гончие перед охотой. Они почуяли дичь, которая, судя по всему и вопреки здравому смыслу, ничего не чувствовала. Они ошибались. Соне страшно хотелось пить, ноги подкашивались от пережитого волнения,

голова кружилась, а пол под ногами ходил ходуном. Когда ее отпустят? Когда всё закончится?

По залу пополз шепот.

— Она знает средство! Они нашли его! — раздался то ли визг, то ли вопль.

Этот голос Соня узнала бы из тысячи: голос Иоланы Радич. Теперь свет не бил в глаза, и ей хорошо было видно красавицу-чудовище. Рядом с Иоланой поднялся Добромир. В Соню как будто ударила молния. Вот чей дракон напал на них сегодня утром! Это был Гром, дракон светозарца!

— Межгорцы знают средство, — крикнул Добромир.

В зале поднялся невообразимый шум. Что тут началось! Люди по всему амфитеатру кричали, грозили, топали ногами, тыкали в девушку пальцами. Кто-то зывал к Совету Меры, кто-то к небесам. Стало трудно дышать, волны ненависти накатывали со всех сторон, стремясь погresti под собой победительницу.

С места вскочил юноша, замахал руками, призывая к тишине, но на него никто не обратил внимания. Только истерический звук медного колокола, по которому забарабанил Лавр Урсянин, смог утихомирить разбушевавшуюся толпу.

— Тихо! Мы во всё разберемся! Если межгорцы нашли средство, оно станет достоянием всех, — закричал он. — Не мешайте Совету!

Небольшая суэта у входа привлекла внимание Сони: к центру арены приближались гвардейцы, а за их спинами маячила знакомая фигура — Ларри Идепиус. Лицо белого китайца в рассеянном тусклом свете приобрело зеленоватый оттенок. Заторможенные движения и застывший взгляд значили только одно: парнишка в полном ступоре. Откуда он взялся или, лучше сказать, откуда его изъяли без его на то согласия, можно легко догадаться. Межгорье недалеко от Энобуса, а Ильза Раструб умела думать на два хода вперед.

Глава Меры хладнокровно дождалась тишины, чтобы продолжить так интересно начавшееся расследование.

Ларри вступил в круг света, и зрители к которым безуспешно зывал Лавр Урсянин, сообразили, что представление продолжается. Соне казалось, что она слышит, как у белого китайца стучат зубы. Или это ее челюсть отбивала дробь? Они смотрели друг на друга в ожидании чего-то ужасного, к чему были совершенно не готовы.

— Узнаешь свою сестру, победительницу гонки, юноша? — произнесла Ильза в наступившей тишине.

— Да, — ответил Ларри.

Он взглянул на стул, стоявший недалеко: уцепиться бы за его спинку, ноги так предательски дрожат, что он вот-вот грохнется на глазах у всей толпы.

— Твоя сестра принимает средство? — Ильза продолжила допрос.

— Ка-акое средство?

— У нее нулевой порог. Чем ты это объяснишь?

— Не-ет никакого средства. Средства нет. Ни у кого нет средства, — отчаянно забормотал Ларри.

— Ах, нет? — Ильза с улыбкой смотрела на это жалкое белобрысое чучело. — Проверим? — спросила она почти ласково.

— Что? — Ларри покачнулся.

— На Высотомер, — распорядилась Ильза, уже не глядя на белого китайца.

Гвардейцы подхватили обмякшего Ларри и потащили к подиуму. Ноги парня

подкосились, самостоятельно идти он не мог. Весу в нем было немного, и гвардейцы шустро доволокли Ларри по ступенькам до Высотомера и запихали парня внутрь. Он не упал только потому, что спиной навалился на прозрачную стенку. Соня видела ужас в глазах парня, но ничем не могла ему помочь. Неужели испытание высотой так ужасно для него?

Высотомер двинулся вверх, Ларри даже успел перевести дух и отлепиться от опоры. На самом верху лучи-измерители впились в тело парнишки, но он даже не ойкнул.

— Почему твоя сестра показывает нулевой порог? — раздался металлический голос Ильзы, усиленный громкоговорителем.

Зал замер в ожидании ответа.

— Она не моя сестра, — прозвучал тусклый голос Ларри.

В зале кто-то вскрикнул и зажал рот ладонью.

— Расскажи всё, — голос Ильзы звенел, как сталь. Сейчас она будет решать, кого карать, а кого миловать.

Соне не надо даже глядеть по сторонам, чтобы видеть реакцию зрителей. Нынешнее представление их не разочарует. А вот что будет с ней?

— Я Ларри Идепиус из Межгорья, — голос юноши дрожал. — Девушку зовут Соня Эрвин... — он поперхнулся, будто перехватило горло.

— Кто такой Эрвин? — Ильза уточняла, чтобы все были в курсе.

— Эрвин Вышневец — мой друг. Он... он встретил Соню в лесу. Она ничего не помнит о себе. Она не знает, где жила и откуда пришла. Мы приютили ее. Соня, — Ларри набрал воздуха в грудь, — назвалась именем моей сестры, она не виновата. Мы готовы взять ее к себе, — белый китаец перевел дух.

Высотомер вытянул из Ларри все тайны. Прошло несколько секунд, каждый обдумывал сказанное. Соня поняла, насколько был прав Эрвин, запретив говорить правду о ее появлении. Ларри чуть не плакал, потому что принародно признался, что девушка — самозванка. Глава Меры хмурилась и кусала губы, не такого она ждала ответа.

— Значит, средства нет? — еще раз спросила Ильза.

— Нет, — подтвердил Ларри.

Высотомер, слегка загудев, поехал вниз, Ларри напрягся. Его ожидание невероятной боли передалось и Соне, она почти перестала дышать. Высотомер достиг нижней точки и остановился. Лучи пронзили тело парня, он застонал и согнулся. На стенках кабины появились цифры «70» и «45». Зрители довольно загудели. Высотомер, действительно, был исправен. Гвардейцы открыли дверь, и Ларри, пошатываясь, вышел. Ему помогли спуститься и вновь подвели к Совету Меры.

Белый китаец взглянул на Соню, на его лице мелкими бисеринками блеснул пот. Ларри хотел броситься к девушке, заговорить с ней, упасть на колени, молить о прощении, но только смотрел на нее и беззвучно шевелил губами.

Он не замечал, как члены Совета Меры рассматривают его, оценивая, что еще можно выудить из жалкого подопытного кролика. Маркус Дробина цепко поглядывал поверх очков, кособоко кривя рот. Лавр Урсянин шурился, перебирая пальцами скатерть, только Ильза являла достойную выдержку.

Соня видела, как глава Совета упивается своей властью. Ильзе больше всех нравилось собственноручно организованная феерия. Главу Совета Меры не пугали ни истеричная толпа, ни выкрики отдельных индивидуумов. Она наслаждалась эмоциями людей: страхами, возмущением, негодованием, трепетом. Эти люди только подливали масла в огонь ее

тщеславия. Ильза была уверена, она узнает то, что кому-то очень хочется утаить.

Члены Совета Меры переглянулись. Ильза правильно оценила обмен взглядами: слово за ней.

— Ты не Асанна Идепиус?

Голос главы обрушился на Соню, как ледяная глыба, готовая расколоть ей голову. Победительница пошатнулась. Ларри дернулся, чтобы подхватить ее, но гвардеец преградил ему путь. Соня восстановила равновесие, выпрямила спину и взглянула Ильзе в глаза.

— Меня зовут Соня Снегирёва, больше я ничего не помню о себе.

— Кто-нибудь знает эту девушку? — Ильза обвела взглядом амфитеатр.

Неясное бормотание в зале не удивило главу Меры. «Труссы, — подумала она, — не обманули моих ожиданий».

Ильза Раструб что-то написала на листке бумаги и резко толкнула листок Маркусу. Он прочитал, пододвинул Урсянину. Тот бросил взгляд на послание, потом скомкал бумагу, встал, поднял руку, призывая к тишине. Лавр Урсянин многозначительно обвел присутствующих взглядом.

— У нас сегодня знаменательный день, — каркнул он. — Высотомер выявил уникальные возможности одного из наших граждан, которых мы так долго ждали. Мы должны со всей ответственностью отнестись к этому событию, — голос его возвысился.

Незаметно приблизившийся к девушке Ларри схватился за ее руку как утопающий за соломинку. Ладонь у него вспотела от волнения, но Соня не отдернула руку, ей самой вдруг стало невыносимо страшно.

— Совет постановил, — самодовольно начал он, — послать экспедицию на Великую Вершину. В нее войдут добровольцы и чемпионка нынешних гонок Соня Снегирёва, назвавшая себя Асанной Идепиус из Межгорья. У нас появился шанс узнать тайну Великой Вершины. Здесь стоит человек, который сможет преодолеть этот путь, вернуться и спасти всех нас!

Зал взорвался воплями. Соня затравленно глядела по сторонам. Лицо Ларри от волнения пошло пятнами.

— Стойте! Подождите! — крикнул Ларри и бросился к столу к членам Совета Меры. — Выслушайте меня, прошу. Соня плохо приспособлена к жизни. Ее нельзя отправлять на Великую Вершину.

— Успокойтесь. Мы подыщем ей помощника, — подмигнул парнишке Маркус Дробина.

— Оттуда никто никогда не возвращался, — залепетал Ларри, мгновенно сбавив обороты. Он понял намек толстогубого дядьки.

— Никого, подобного ей, у нас никогда и не было, — ответила Ильза и хлопнула в ладоши. Режиссер представления возвестила о третьем — заключительном акте. Исторический день должен стать воистину незабываемым.

В зале появились гвардейцы. Они тащили сопротивляющегося Эрвина. Соня не верила своим глазам. Что произошло? Когда? Как им удалось его выследить? Ильза Раструб, победно улыбаясь, вышла в центр круга.

— Рада представить вам сообщника нашей героини, — провозгласила она. — Как ты не прятался, а мы тебя нашли, — прошептала Ильза пленнику и скомандовала: — На Высотомер.

Эрвина затащили на площадку Высотомера, развязали руки и втокнули внутрь. Соня с ужасом следила за парнем. Высотомер стремительно пополз вверх, достиг высшей точки,

остановился. Эрвин стоял, гордо вскинув голову. Он даже не шелохнулся, когда лучи-иголки вонзились в его тело.

— Твое имя? — послышался голос Ильзы Раструб, усиленный через громкоговоритель.

— Эрвин Вышнеф.

— Какая говорящая фамилия, — усмехнулась Ильза. — Это ты залез в Хранилище ключей?

— Да.

— Молодец, не стал отпираться. Вызвать свидетеля — Илию Кривоноса?

— Нет.

— Чьи драгоценности ты толкал на базаре?

— Чемпионки.

— Она велела тебе их продать?

— Нет.

Соня с ужасом слушала голос Эрвина. Зачем он это говорит? Ей не нужны никакие побрякушки. Если бы сказал, что с ее согласия, она бы подтвердила.

— Ты совершил два серьезных преступления, не говоря о том, что несколько лет уклонялся от испытания.

— Да, — Эрвин был спокоен.

— Ты понимаешь, что должен быть наказан?

— Да.

— И всё же я хочу узнать твои планы на будущее, — Ильза умела вытягивать из неофитов самое главное. И сейчас цель близка.

— Пойти на Великую Вершину.

— Зачем?

— Узнать судьбу деда, — ответил Эрвин, не задумываясь ни на секунду.

— Вниз, — скомандовала Ильза.

Высотомер заскользил обратно, остановился. По телу Эрвина пробежала дрожь, он наклонил голову. На стенках Высотомера загорелись две цифры: зеленым цветом «98», красным — «25». По залу пронесся вздох удивления.

— Достойный показатель, — произнесла Ильза Раструб, — достойный... — повторила она задумчиво.

Эрвина вывели из капсулы. Через минуту он оказался рядом с Соней и Ларри. Член Совета о чем-то тихо совещались. Ларри смотрел на Соню, стараясь поймать ее взгляд. Эрвин опустил голову, он еще не пришел в себя после испытания. У Сони наворачивались слезы, горло перехватил спазм, она не могла произнести ни слова. Ларри робко прикоснулся к ней, она взглянула на него.

— Прости, — зашептал Ларри жалобно, — я не мог соврать, это всё Мерин, — чувства белого китайца легко читались на его лице. — У меня высокий порог боли. Я не могу быть добровольцем. Прости.

— Тебя не пошлют, Ларри, — тихо сказал Эрвин, — всё же ясно.

— Мы должны что-нибудь придумать, — белый китаец чуть не плакал. — Мы обязательно что-нибудь придумаем...

Его горячечный шепот стих на полуслове. Глава Совета Меры вышла на середину площадки, и все взгляды устремились на нее.

— Верховенцы, — торжественно произнесла Ильза, — все мы знаем, что такое боль.

Перед нами человек, который может ее терпеть. Мы видели результаты Высотомера. Мы видели ее в гонке. И сейчас нам дается шанс, один из тысячи. Эта девушка принесет нам спасение.

— Оттуда никто не возвращался! — выкрикнул кто-то сверху амфитеатра.

Соне показалось, что это голос Добромира. Она подняла голову, пытаясь отыскать того, кто за нее вступился. Нет. Скорее всего, ошиблась.

— Это самоубийство! — раздался тот же голос.

Глава Меры дернулась всем телом, как будто ее хлестнули кнутом.

— Вы предлагаете прекратить попытки? — взвизгнула она. — Прекратить?

Никто не посмел возразить этой женщине. Ильза поправила выбившуюся прядку на своей безупречной прическе и злорадно прищурилась.

— У нас есть человек, — продолжила глава Совета Меры, — который по доброй воле — вы это слышали! — по собственному желанию хочет подняться на Великую Вершину. Ведь так? — Ильза обернулась к Эрвину.

— Я пойду один. Она мне не нужна, — твердо сказал парень, указывая на Соню.

— Именно она тебе нужна, — вполголоса ответила Ильза. — Или хочешь сесть в тюрьму за проникновение в Хранилище, за воровство?

— Пусть самозванка идет одна! — сорвался с галерки женский крик.

Голос принадлежал Иолане Радич, Соня в этом не сомневалась. Проигравшая гонщица жаждала крови и в этом могла оспорить пальму первенства даже у Ильзы Раструб.

— Совет Меры постановил, — провозгласила глава, даже не взглянув в сторону Иоланы, — Соня Снегирёва и Эрвин Вышневы отправятся в экспедицию на Великую Вершину не позднее третьего дня. Принять к исполнению.

Прозвучал гонг.

Глава 14. Призыв

Соню и Эрвина разместили в разных комнатах и оставили в покое. Временная передышка теперь казалась еще одним наказанием. В тишине и безмолвии некуда деться от собственных мыслей. Теперь, когда их судьба решена, Соню волновал только один вопрос: «Что будет с Горынычем?».

Ильза Раструб сухо ответила, что Горыныч нанес большой урон городу, никакого черного дракона они не нашли. Все драконы гонщиков были на своих местах, и обвинения Сони в адрес Добромира бездоказательны. Ильза сделала вывод, что на Горыныча напал дикий дракон. Хотя откуда бы ему взяться над городом? Дикари давным-давно не залетали в места обитания людей, так как боялись оружия верховенцев. Таким образом, виноватым в порушенной ратуше был назначен Горыныч.

Глава Совета Меры с улыбкой инквизитора объявила, что если Соня благополучно вернется, Горыныч будет помилован и освобожден. В противном случае у него не будет шанса остаться в живых. Так она дала понять, что жизнь у Горыныча будет короткой, и долго мучиться ему не придется.

Девушка взглянула в холодные глаза Ильзы и, несмотря на острое желание расцарапать ей лицо, вежливо попросила проститься с Горынычем перед походом. У нее оставалась надежда на встречу. Она знала, ее дракон в сто раз умнее своих собратьев. Ильза, кривя губы, сказала, что сие совершенно излишне.

На второй день заточения к Соне явился неожиданный гость — Добромир Светозаров.

Выглядел он, как всегда, великолепно, но держался неуверенно, от его величия и ощущения избранности не осталось и следа. Соня молча воззрилась на Добромира. Он так же молча поклонился. Странно, но девушка поняла, что не злится на него. Всё, что осталось в прошлом, стало ей безразлично, как будто она уже заглядывала в глаза вечности. А в её отстраненное лицо, стараясь поймать взгляд, теперь глядел Добромир.

— Я хотел попросить прощения, — сказал он. — Там, в здании Меры, я повёл себя недопустимо, не смог сдержаться. Твой результат на Высотомере оказался просто невыносимый. Поразительный. Фантастический.

Соня молчала. Что ему надо? Добромир, не услышав и слова в ответ, замялся и смолк. Его заготовленная речь вылетела из головы, натолкнувшись на холодное безразличие той, что стояла перед ним.

— Еще я хотел извиниться за Иолану.

Девушка непроизвольно хмыкнула. Надо же, куда его понесло. Красавчик, привыкший сверху вниз смотреть на людей, победитель бесчисленных гонок, лидер команды Светозара, чемпион, чье имя знал каждый, сейчас так растерян и смущен, что даже не верилось, что перед ней стоит герой Верховии. Каяться ему, похоже, доводилось редко.

— Для тебя всё так ужасно обернулось, — с трудом выдавил Добромир.

— Твой дракон напал на нас с Горынычем? — глядя в упор на чемпиона, спросила Соня.

— Нет! Клянусь. Гром был в стойле. Я в этот день поздно встал. После бала уснул как мертвый, — Добромир разволновался. — Черных драконов много. У верхотуров, например.

— Что ты хочешь? — Соня не верила ему.

— Ничего. Я... восхищаюсь твоим мужеством. Ты абсолютно честно выиграла гонку. Ты поразила меня. И этот танец.

— Танец? — девушка удивленно подняла брови.

О чем он? Об этом бестолковом менюэте?

— Танец с драконом, — Добромир грустно улыбнулся, — надо же такое придумать!

Соню будто толкнули в грудь, она пошатнулась, вспомнив о своем драконе.

— Горыныча посадили в тюрьму, — в глазах победительницы предательски защипало, — и мне даже не разрешили с ним попрощаться. Почему? — слезы двумя тонкими дорожками побежали по щекам девушки. — Он такой ранимый. Я только об одном просила. Я хотела его увидеть.

— Я понимаю. Конечно. Твой дракон замечательный. Прости еще раз. Это, действительно, несправедливо. Я... я попробую помочь, — Добромир поклонился и чуть ли не бегом покинул апартаменты пленницы.

Через час Соне разрешили посетить дракона. Девушка подумала, что чемпион воспользовался своими связями. На самом деле, Добромир подкупил начальника охраны, отдав ему все деньги и драгоценности, что имелись в тот момент у него в наличии, и получил разрешение на свидание пленницы с драконом.

Добромир выбрал самый быстрый и эффективный способ. Всё, что можно решить с помощью денег, как говорил его дед, обходится дешево.

Соню доставили в Калитку, так называли в народе тюрьму драконов, и еще через час она стояла возле камеры Горыныча. За железными прутьями лежал ее верный друг. Глаза Сони мгновенно наполнились слезами.

Горыныч вскочил и кинулся к прутьям с таким испуганным и жалким видом, что Соня

мгновенно поняла, ее слезы совсем не к месту. У несправедливо обвиненного пленника и так пропал весь природный оптимизм, а тут еще она — рева-корова. Прерывисто вздохнув, она взглянула по сторонам, чтобы хоть чуточку прийти в себя. Ее дракон должен видеть в лице хозяйки пример стойкости и выдержки, сейчас ему как никогда требовались эти качества, и Соня обязана взять себя в руки.

Небольшой осмотр коридора показал, что отсеки рядом пустовали. Только напротив Горыныча камера занята. Там лежала самка грязно-коричневого цвета, хоть и крупнее Горыныча, но на вид страшно облезлая и худая. Ненавидящий взгляд драконихи, которым она наградила Соню, красноречиво вещал: если бы между ними не было прутьев, от девчонки не осталось бы и мокрого места.

Горыныч рыкнул, привлекая внимание к себе, он за два дня совсем истосковался в неволе. Соня просунула руку между прутьев и почесала своего любимца за ушами, отчего он блаженно заурчал.

— Я принесла тебе кое-что, — девушка вытащила остатки кошачьего корма.

Горыныч обрадованно слизал его языком с ладони.

— Послушай, — зашептала Соня, — я знаю, ты всё понимаешь. Никто даже не предполагает, какой ты умный. Ты должен выбраться отсюда. Сделай это. Придумай. Я не знаю как. Меня и Эрвина посылают на Великую Вершину. Поход может затянуться по времени. Поэтому ты должен сбежать. Я знаю, у тебя получится.

На дне черных глаз дракона как будто загорелись маленькие зеленые огоньки, Горыныч впитывал каждое слово.

— Тебе надо сбежать, — Соня старалась говорить как можно тверже. — Это мой приказ. Ты должен стать свободным.

Тюремщик подошел к Соне — пора уходить. Девушка взглянула еще раз на Горыныча, потом на камеру напротив.

— А там кто? — спросила она у охранника.

— Дикая дракониха, поймали для разведения. Столько времени голодом морим, а всё без толку. Если не приручим, то в расход.

— В расход? — сердце Сони екнуло.

— А зачем она нужна? — охранник зевнул и двинулся вперед.

Соня посмотрела на пленницу. Чем этот дикий зверь провинился перед людьми? Девушка шагнула к дикарке, нащупала в кармане оставшийся кошачий корм и бросила незаметно в клетку. Дракониха, чуть поведя ноздрями, так стремительно кинулась к съестному, что Соня невольно отшатнулась. Дикарка подняла на нее глаза. В них не было ненависти.

Тюремщик оглянулся на Соню, и она, махнув на прощание Горынычу, двинулась к выходу.

— Только не плакать, только не плакать, — шептала девушка, последний раз глянув на притихшего любимца. Но дотерпела лишь до поворота, и соленая пелена скрыла то, на что уже не было никаких сил смотреть.

После ухода Сони Горыныч оживился. Он ходил по клетке, просовывал между прутьями крылья, длинный змеиный хвост, внимательно изучил замок, попробовал на прочность прутья своей тюрьмы. Дракониха из-под прикрытых глаз неприязненно наблюдала за ним. Вид у нее был враждебно-безразличный.

Ее который день не кормили, только давали немного воды. Она лежала, не шевелясь,

положа голову на лапы, но от ее внимания ничего не укрылось. Наступило время кормления, тюремщик притащил мясо. При его появлении дракониха так грозно вздыбила костяной гребень, что он, только взглянув на нее, понял, что усмирение дикарки — дело не близкое.

Когда охранник удалился, Горыныч, оторвав шмат мяса, заглотнул его на глазах соседки, покатав в пасти, подошел к прутьям камеры, постоял в раздумье и плюнул в ее клетку напротив. Желтые глаза дикарки сузились до тонких щелочек, она подошла к решетке, кончиком хвоста подтащила упавший кусок вплотную к прутьям, вытянула язык и жадно проглотила добычу. Горыныч остался доволен. Еще один кусок мяса полетел к дикарке, потом еще один. Почти весь обед Горыныча перекочевал в ее клетку.

Теперь дракониха смотрела на Горыныча хоть и настороженно, но не враждебно. Оставшийся без еды дракон громко вздохнул, расправил крылья, потянулся и взглянул вверх. Дракониха проследила за ним и отвернулась, потеряв интерес. Горыныч же, напротив, еще долго сверлил уснувшую дикарку взглядом, определенно что-то обдумывая.

Несколько дней Горыныч подкармливал соседку. Однажды вечером, после очередной тайной кормежки, он решил покрасоваться перед ней, как раз в тот момент, когда около клеток появился стражник с уборкой. Ездовой дракон никогда не выказывал агрессии, и стража его не боялась, они знали, что дракон выиграл гонку, и относились к нему с уважением. Уборщик со шваброй начал драить пол коридора, а Горыныч вдруг издал такой нежный рык, глядя влюбленными глазами на дракониху, что охранник заинтересованно остановился.

— Ну-ка, ну-ка, ухажер. Может, растопишь сердце этой злыдни? — спросил нечаянный свидетель любовной игры.

Горыныч важно походил по клетке, потом фак — и развернул крылья. Дикарка лениво потянулась и вжик — развернула свои, мощные и толстые. Горыныч выпустил шипы в закрылках, она незамедлительно продемонстрировала свои шипы, длиннее и острее, чем у него. Горыныч рыгнул черным дымом, дракониха в ответ сделала длинный и долгий огненный выдох, в пику короткой отрыжке Горыныча.

— Ну и дела! — хмыкнул охранник, глядя на обменивающуюся комплиментами пару.

Дракониха важно прошла по клетке, Горыныч же просунул сквозь прутья хвост, пытаясь подобраться к тюремщику, который стоял к нему спиной. Горыныч тянулся к крючку на боку охранника, на котором висела связка ключей. Видя его манипуляции, дракониха начала бить хвостом, выгибать шею, подскакивать на месте и издавать негромкий рык. Ее старания не пропали даром: охранник в изумлении застыл с открытым ртом. Но Горынычу это не помогло, он никак не мог дотянуться до крючка на поясе стража.

Неожиданно терпение дикарки кончилось, потуги Горыныча ее просто взбесили, она с ревом бросилась на прутья клетки, злобно оскалив пасть с двумя рядами острых как кинжалы зубов. Охранник отшатнулся и прижался спиной к клетке Горыныча. Дракон не мешкая хвостом подцепил кольцо, на котором были ключи, от волнения чуть не выронив связку на пол. И тут дракониха издала такой грозный рык, хлестнув хвостом, что человек со всех ног бросился вон.

Перепуганный до мокрых штанов тюремщик исчез, не заметив потери. Теперь надо действовать быстро. Горыныч опустил ключи на пол, аккуратно выбрал из связки свой (он знал его), схватил зубами, вставил в замочную скважину и повернул, несколько раз перехватывая в пасти. Замок скрипнул и открылся. Горыныч подхватил связку и вывалился из клетки в коридор.

Дракониха пристально следила за ним. Что дальше? Горыныч задрал голову и посмотрел вверх — над ними высилась раздвижная крыша. В хорошую погоду ее открывали, чтобы проветривать помещение, иногда оставляя на ночь. Сейчас крыша закрыта. Дракониха подошла к прутьям своей камеры, на ее чешуйчатой спине вздыбился мощный костяной гребень, настоящий живой таран, готовый к бою.

Мгновение драконы в упор смотрели друг на друга. С минуты на минуту могла обнаружиться пропажа. Горыныч решительно подошел к клетке сокамерницы и потряс связкой ключей. Во взгляде дикарки засветилась надежда. Она, кажется, жаждала свободы даже гораздо больше, чем сосед.

Но дракону требовалось подобрать ключ к замку камеры, и сейчас это ему никак не удавалось. Горыныч нервничал, менял ключи, клацал зубами, тяжело дышал, в пасти у него образовалась клейкая слюна, которая незамедлительно выползла наружу и повисла липкими лентами. С каждой секундой таяла надежда на побег, и тут язык драконихи скользнул по голове спасителя. Горыныч замер. Она верила в него!

Сразу всё получилось. Нужный ключ нашелся. Три поворота зубами — и дверь открыта. Настороженно оглядываясь и раздувая ноздри, дракониха вышла из клетки. Вид у дикарки был устрашающий, Горыныч даже немного струхнул. Перед ним стояло настоящее дикое животное, готовое биться насмерть за свою свободу.

В коридоре послышались шаги. Дракониха распустила крылья и начала вертикальный взлет. Она резко набрала скорость и ударилась спиной в крышу. На Горыныча полетели обломки, но крыша устояла, всё-таки дикарка в плену потеряла много сил, да и крыша оказалась на редкость прочной. Дракониха спланировала вниз, еле удержавшись, чтобы не упасть. Медлить было нельзя.

В коридоре появился стражник и закричал, зовя подмогу. Раздался топот, в коридор вбежало несколько человек с арбалетами в руках. Дракониха выпустила из пасти сноп огня. Охранники кинулись в укрытие.

Не медля ни секунды, Горыныч рванул вверх, перевернулся в воздухе и, что есть силы, ударил лапами в крышу. Его маневр ошеломил всех: и людей, и дракониху. Никто не ожидал от мелкого худосочного Горыныча такой смекалки. В крыше образовалась дыра, дракониха резко взлетела, ударилась в образовавшееся отверстие, расширив его. Она отодвинулась в сторону, давая ход Горынычу. Он вытянулся и как ракета влетел в проем. Следом, круша остатки крыши мощными крыльями, вылетела пленница. Раскатисто рыча, рванула вслед за Горынычем.

Это была настоящая победа!

Сейчас никто, даже целое войско верхотуров, не могло бы догнать беглецов. Попутный ветер подгонял их, и два дракона, опьяневшие от свободы, неслись к заветным горам.

Глава 15. Плен

Громяхающий старинный подъемник-гусеница тащил вверх ржавую кабинку. В железной клети находились двое приговоренных и четверо гвардейцев, один из которых — Илия Кривонос — с трудом сдерживал злобную ухмылку. Его везение объяснялось просто: Илия хотел поквитаться с Эрвином и вызвался сопровождать пленников. Подъемник, скрипя и трясясь, тащился всё выше и выше по склону горы.

Рядом с путешественниками стояли рюкзаки с теплой одеждой, палаткой и продуктами. Напутствие Ильзы было коротким. Через десять дней гусеница приползет за ними, если они

не успеют вернуться, то спускаться придется самим. Говоря эти слова, Ильза Раструб посмотрела куда-то вдаль. «Вот и попрощались», — сказал тогда Эрвин и отвернулся.

В присутствии гвардейцев Соня и Эрвин не могли говорить. Они молча смотрели друг на друга. Лицо Эрвина было бесстрастным и отчужденным. Девушка не могла понять, отчего парень так набылся, будто готовился к серьезной заварушке. На самом деле, она была недалеко от истины: взгляды, которыми обменивались Эрвин и гвардеец, вскоре сулили неприятное продолжение.

Девушка как могла, отгоняла тяжелые мысли, ей не терпелось остаться с Эрвином наедине, у нее созрел план. Подъемник, наконец, дополз до своей верхней точки, вздрогнул и остановился. Соня и Эрвин, водрузив рюкзаки на плечи, под прицелом гвардейцев вышли на пятачок перед гусеницей.

— Давай, давай вперед, — приказал старшина гвардейцев.

Эрвин, поворачиваясь спиной, отметил злорадный взгляд Илии, которым тот напутствовал парня. Путешественники двинулись вверх по каменистой, еле видимой тропе. Давненько по ней никто не ходил.

— Иди первая, — сказал Эрвин, оглянувшись назад, — быстрее.

— Что там?

По голосу юноши Соня безошибочно поняла, сейчас будут проблемы. И хотя ноги оскальзывались на крутой тропе, она прибавила шаг.

— Ишь, как запрыгали! — злорадно хохотнул вслед один из охранников.

В тот же самый миг щелкнул затвор. Эрвин оглянулся, успев крикнуть:

— Ложись!

Над головой просвистела пуля, Соня рухнула на жесткие камни.

— Бежим! — крикнул парень, подхватив Соню под руку.

Они ринулись по тропинке. Пули вжикали совсем рядом, взметались фонтанчики из земли, врезались в стволы кустарников. Каждую секунду Соня ждала, что одна из них вопьется в спину. Девушка задыхалась под тяжестью рюкзака, пот заливал лицо, в глазах потемнело. Эрвин прикрывал ее, это Соня поняла сразу. Значит, метили в него. Она поскользнулась, упала, Эрвин рухнул рядом, застонал.

— Ранили? — выдохнула она.

— Ерунда. Лежа мы хорошая мишень.

— Да, — Соня поднялась на четвереньки, рюкзак не давал сразу встать. Минутная передышка дала ей силы. Девушка устремилась вперед.

Тропинка вильнула в сторону, и силуэты беглецов стали хуже видны стрелку. За спиной послышался топот башмаков по каменистой почве.

— Беги, я разберусь! — крикнул Эрвин, сбросил рюкзак и развернулся навстречу противнику.

Пробежав по инерции еще несколько метров, Соня остановилась. Куда она мчится? Девушка обернулась, увидела, как Эрвин налетел на гвардейца, выбил у него огнестрел и принялся дубасить увальня изо всех сил. На помощь товарищу кинулся еще один молодец. Гвардеец был совсем близко, когда Соня подхватила огнестрел Илии, наставила на противника, нажала на курок. Мгновенно, без предупреждения. Грохот выстрела заставил охранника плашмя упасть на землю.

— Что нашел? — спросила Соня, тяжело дыша. — Так и лежи, — скомандовала она.

Гвардеец съехался, осознав, что девчонке нечего терять: она точно из психов, к тому же

преступница. Простых смертных на Вершину не посылали. Двое других охранников, оставшихся на площадке возле гусеницы, не спешили на помощь товарищам. Они тянули шею, пытаясь понять, на чьей стороне преимущество.

Перепаханный в пыли Кривонос тихо поскуливал, пока Эрвин вязал ему руки за спиной собственным ремнем.

— Вставай, смельчак, — парень пнул Илию. — Теперь я буду тебе в спину стрелять.

— Не надо! Пожалуйста! Мы же друзья, — захныкал Кривонос, давя на жалость.

— Бегом отсюда, — крикнула Соня подопечному гвардейцу, чувствуя себя героиней боевика, — пукалку брось!

Он приподнялся на четвереньки, нехотя отодвинул от себя огнестрел, злобно поглядывая на трясущегося от страха товарища. Зачем только поддался на уговоры этого размазни? Ильза обо всем дознается, к Мерину не ходить, выгонят его со службы.

Подталкивая Кривоноса в спину, Эрвин подобрал два огнестрела.

— К гусенице! Живо!

Первым бросился бежать Кривонос, за ним помчался товарищ, они толкались, ругались, на узкой тропинке каждый хотел спрятаться за другого.

— Эй, вы! — закричали гвардейцы, оставшиеся около подъемника. — Если не пойдете вверх, мы свяжемся с Ильзой. У нас передатчик. Сюда прибдет подкрепление.

— За своими придурками смотри, — зло крикнул Эрвин.

Ему хотелось пухнуть в спину улепетывающим гвардейцам, но он удержался.

— Гады! Шуму наделали на всю округу, — он раздраженно сплюнул.

— Нас кто-то может услышать? — спросила Соня.

— Узнаем позже, — ответил парень, — Смотри внимательно по сторонам.

— Вы идёте, или я вызываю людей! — вновь заорал старшина.

— Пойдем, — кивнул Эрвин девушке и первым двинулся по тропинке.

Когда они отошли на приличное расстояние от стражников, которые уже казались муравьями, суесящимися внизу, Эрвин бросил ружья, которые тащил на себе вместе с рюкзаком.

— Долго еще они будут за нами следить? — спросила Соня.

— Пока не перейдем черту.

— Какую черту? Где она? — девушка вертела головой по сторонам. — Ничего не вижу. Это стена, или что?

— Черта — это черта... — парень задумался. — После нее нет хода назад.

— Почему нет? Очень даже есть. Давай заберемся за черту, разобьем палатку и подождем. Гвардейцы уйдут, мы спустимся, где-нибудь отсидимся, а потом скажем, что ничего не было на Вершине, — Соне уже виделось их чудесное возвращение домой.

— Хорошо, — ответил Эрвин бесцветным голосом.

Девушке совсем не понравился тон парня, он что-то не договаривал. Идти молча казалось совсем тягостно.

— А что за цифры были на Высотомере? — спросила Соня. Этот вопрос занимал ее с тех самых пор, как она увидела свечение чисел на прозрачной стенке кабины.

— Сила подъема и порог спуска, они меряются по столбальной шкале. Чем выше первая цифра, тем больше у тебя возможностей в жизни и шире выбор. Проще сказать, это показатель амбиций и вероятность достижения цели.

— У тебя было 92, я запомнила. Это очень высокий показатель.

— Ну да, — нехотя согласился Эрвин, — я еще тот карьерист, — невесело усмехнулся он.

— А второе число 25, как его объяснить?

— Это порог боли. Высокий — это выше пятидесяти, а у меня низкий. Я могу быть верхотуром, летать на драконе.

— Но это и так ясно! — воскликнула Соня. — Ты же всё время летал.

— Когда первый раз взлетел, еще не знал, выдержу ли спуск. Но потом понял, вполне терпимо. Высотомер просто подтвердил мой порог боли.

— У Ларри были другие значения, — вспомнила девушка. — Он перенес гораздо хуже, чем ты.

— Честно сказать, я удивляюсь, что Мерин его не вырубил. При первом испытании Ларри полчаса откачивали, как рассказывала Асанна. Какие цифры у него были?

— 60 и 37, — уверенно ответила Соня.

— Не может быть! — Эрвин даже присвистнул и остановился. — Если честно, это довольно крутой показатель, тем более для Ларри. У него были совсем другие на Мерке, я точно помню. Мы тогда над ним посмеялись с Асанной. Хотя и она показала способности так себе. От нее я ожидал совсем других. Правда, Асанна осталась почему-то очень довольна испытанием. Это меня удивило.

— Асанна — мастер удивлять, — вставила свои пять копеек Соня. Разговор об этой особе всегда выводил ее из равновесия.

— Лучше скажи, что тебе Мерин нагадал? — хмыкнул Эрвин и двинулся дальше по склону.

— Всё по нулям, — ответила Соня и улыбнулась. — Не подхожу я вашей Верховии. Никак.

— Правда? — Эрвин картинно удивился. — Только она тебя почему-то не отпускает.

Настроение Сони вмиг изменилось. Парень, желая пошутить, невзначай напомнил о доме. Короткое облегчение обернулось тяжелой тоской. Теперь шли молча. Тропинка стала круто взбираться вверх. Неожиданно Эрвин замер, как будто что-то вспомнил, Соня натолкнулась на него и тоже остановилась.

— Черта, — сказал Эрвин и оглянулся.

Гусеница скрылась из виду.

— Где? — Соня завертела головой по сторонам.

— Здесь, — Эрвин положил руку на грудь.

— Пожалуйста, давай всё обсудим, — попросила она.

Но парень, будто не слыша, двинулся вперед.

— Стой! — крикнула Соня.

— Мы же хотели попасть на Вершину, — Эрвин оглянулся, — это шанс узнать про деда. Тогда сможешь вернуться домой.

— Ты же говорил, что идти туда верная смерть! — девушка мешкала, она не могла принять решение. Не слишком ли большая цена за возвращение? До родного дома можно и не дожить.

— Раз так сложилось, мы должны попробовать. Удача на нашей стороне, я чувствую. Нам надо идти.

Речь парня стала убыстряться, на щеках появился нездоровый румянец, а на лбу

выступили капельки пота. Высота начала на него действовать. Соня внимательно всмотрелась в глаза Эрвина: зрачки расширены, воля уже подавлялась подъемом.

Эрвин достал фляжку, которую ему передала Асанна, открутил колпачок, хлебнул жидкости, поморщился.

— Зачем ты пьешь эту гадость? Что тебе дала Асанна? — Соню прямо затрясло от злости.

— Не вмешивайся. Ты ничего не знаешь! — Эрвин тоже разозлился.

— Давай разобьем палатку, — умоляюще попросила Соня.

Эрвин помолчал, как будто прислушиваясь к своим ощущениям.

— Нет. Здесь небезопасно. Надо идти вверх, — парень был мрачен.

— Эрвин, мы не пойдем туда, это неправильно. Ты себя плохо чувствуешь, — Соня прикоснулась к его лбу.

— Нам надо идти вверх, — Эрвин отстранил руку девушки.

— Я не пойду. Вы сумасшедшие в этой стране. Вы заиклены на высоте. Зачем идти на Вершину? А если там ничего нет? Оттуда никто не возвращался. Ты же сам знаешь. Если мы погибнем, они убьют Горыныча! — Соня почти кричала, идя вслед за Эрвином, который не слушал ее.

Ничего не оставалось, как следовать за ним. Они шли вверх по склону, заросшему редкими деревьями. Наконец, Эрвин остановился.

— Сделаем привал, — объявил он и вытащил фляжку.

Соня резко отвернулась, она не могла спокойно смотреть, как он пьет зелье Асанны. Она приставила ладонь ко лбу, оглядывая заросший мелким кустарником склон горы, прищурилась — солнце слепило глаза.

— Как точки в глазах скачут, — сказала она.

Эрвин повернулся, осматривая склон, и внезапно присел.

— Кругляши! Пригнись, бежим, пока нас не засекали!

Парень схватил рюкзак и бросился по склону, Соня за ним. Бежать было трудно, ноги скользили по траве, ветки кустарников цеплялись за одежду, деревья хлестали по лицу. Эрвин оглянулся на девчонку, заметив, что та бежит на последнем дыхании.

Он увидел поваленное дерево, нависшее над землей, схватил Соню за руку и потащил туда. Они спрятались под него, прижавшись спинами к земляному склону. Сердце девушки бешено стучало. Страх Эрвина передался ей. Совсем скоро они услышали шум приближающейся погони, гортанные выкрики круглых существ. Кругляши засекали их на горе и теперь шли по следу, рассыпавшись цепочкой по лесу.

Ветки деревьев хорошо закрывали Соню и Эрвина, они не видели приближающихся противников. Зашуршала трава, кто-то двигался совсем рядом. Вот он остановился, внимательно осматриваясь. Его что-то заинтересовало. Он не спешил уходить. У Сони от страха всё поплыло перед глазами. Эрвин напрягся, готовясь к бою.

Ветки раздвинулись, и показалась голова кругляша. Эрвин со всей силы ударил его, тот отлетел как мяч, громко вскрикнув. Эрвин потянул Соню за руку, они выбежали из укрытия. Парень, оглянувшись, побежал вверх. Он, видимо, решил, что кругляши уже прошли склон.

Эрвин ошибся. Несколько воинственных колобков, увидев их, бросились в погоню. Соня бежала что есть силы и даже не поняла, что случилось, когда грохнулась на землю. Один из кругляшей кинул лассо и сделал подсечку. Соня закричала. Эрвин остановился, бросился к ней. На парня навалилась целая куча орущих, визжащих существ. Эрвин разбросал их в

стороны, они были гораздо слабее его. Но тут сразу несколько лассо, взвившись змеями над головой юноши, заарканили свою жертву. Эрвин упал рядом с Соней, ругаясь от бессилия.

Победный вопль круглых воинов взмыл над деревьями. Колобки заставили пленников подняться, больно подталкивая заостренными палками-копьями, и повели вниз, подгоняя и гортанно крича. Лес становился всё гуще и мрачнее. Эрвин молчал, угрюмо поглядывая по сторонам.

Соня тихонько окликнула его:

— Эрвин, что с нами сделают?

— Отправят в шахту под землю. Это в сто раз хуже, чем Вершина.

Соня в отчаянии оглянулась на круглых захватчиков:

— Эрвин, придумай что-нибудь. Я боюсь!

Процессия приблизилась к огромной скале. Пленники уже могли разглядеть черную арку-вход. Навстречу стали попадаться кругляши, нагруженные тяжелыми корзинами. Соня беспомощно озиралась, силясь найти выход. Неожиданно на глаза ей попала собака, которая шла, опустив морду к земле. Та самая собака, которая утащила ключи!

— Эй, фью! Эй! — Соня закричала, зовя собаку, но та даже не повернула голову.

Собака уходила прочь, Соня споткнулась и упала. Кругляши, крича, бросились к Соне, заставляя встать. Эрвин кинулся на помощь, заслоняя от них девушку, но не удержал равновесия и свалился рядом.

Мелкий злобный кругляш, противно ухмыляясь, попытался поднять Соню за волосы, но тут же с криком отдернул руку. Он в ужасе что-то завопил товарищам, показывая на девушку. Воины остановились, окружив пленников. Видно было, что они в замешательстве. Старший по званию кругляш осторожно приблизился к Соне и дотронулся до нее. Но тут же вскрикнул и отшатнулся.

Захватчики стояли, выпучив глаза и громко переговариваясь. Старшина, зычно гаркнув на подчиненных, вынес решение. Пленников копьями заставили встать и направили прочь от Подземелья. Дорога стала шире, и через некоторое время вся процессия вышла на просторную поляну. Это было поселение кругляшей: невысокие круглые хижины, покрытые большими широкими толстыми листьями. Повсюду сновали жители деревни: мужчины, женщины, дети. Они останавливались, с недоумением разглядывая плененных людей.

Воины-кругляши, подталкивая Соню и Эрвина, подвели их к дому в центре селения и остановились около двери. Старшина, немного помешкав, почтительно вошел внутрь. Соню и Эрвина заставили сесть, их участь решалась здесь и сейчас. Через некоторое время старшина вышел из лачуги, скомандовал воинам, те копьями подняли пленников и втолкнули в невысокие двери. Сами же остались снаружи.

Эрвин и Соня, согнувшись, протиснулись в дверь. Они оказались в просторной комнате с нависавшим потолком. В центре за низким столом сидел седой морщинистый кругляш. Старшина почтительно склонился. Старик указал тонким узловатым пальцем вниз, и пленники сели на пол. Он внимательно осмотрел их, подошел к Соне, протянул тонкую руку к ее плечу.

— Меня зовут Зарх, — сказал старик, прикоснулся к девушке и отдернул ладонь.

По телу Сони пронеслась болезненная волна.

— Соня, — сказала она, — а это...

— Ларри Идепиус, — мрачно перебил Эрвин.

Старик повернулся и посмотрел на юношу. Зарх глядел таким цепким взглядом, что

Эрвину показалось, будто старик читает его мысли. От этой догадки Эрвина прямо передернуло, он опустил глаза. Всем известно, что кругляши обладают магией. Эрвин не хотел, чтобы старый колдун копался в его голове.

Старик подошел к своему низкому столу, уселся на стул с резной спинкой. Старшина почтительно наблюдал за ним, стоя около двери. Зарх взял небольшой полотняный мешочек, не глядя достал из него руны, бросил на стол, внимательно посмотрел и нахмурился. Между бровей пролегли две глубокие складки. Казалось, колдун очень удивлен и расстроен одновременно.

Соня внимательно следила за его лицом, по ее спине заскользил холодок. Она вспомнила, где видела этого старика: на поляне, когда он поджег костер и заклинаниями вызвал алый цветок. Колдун поднял голову, Соня встретилась с ним глазами. Она не могла отвести взгляд от его бесцветных глаз.

— Ты взяла наш цветок?

От неожиданности Эрвин дернулся всем телом и воззрился на Соню. Парень не мог поверить своим ушам. Соня съежилась. Вот где настоящая опасность. Старик видел ее насквозь. У девушки сбилось дыхание.

— Я... я не притрагивалась к цветку. Он сам подлетел ко мне, а потом преследовал меня.

— Этот цветок расцветает раз в столетие. Тот, кого он выбирает, получает дар. Мы ждем сто лет, чтобы один из нас получил дар цветка.

— Я ничего не получила, у меня нет никакого дара.

— Руны говорят, ты приняла дар. К тому же ни один из нас не может прикоснуться к тебе.

— Я ничего не знаю. Мы идем на Великую Вершину. Совет Меры заставил нас туда идти. Они хотят разгадать тайну Вершины и избавить жителей от боли.

Зарх покивал головой.

— Да, я знаю. Они сделали правильный выбор. Ильзе не откажешь в интуиции. Не зря она столько лет возглавляет Совет.

Эрвин зло взглянул на Зарха.

— Соня не заслужила такой участи!

— Ты доброволец или преступник? — Зарх в упор глянул на него.

— И то, и другое, — зло буркнул парень.

Зарх прикрыл глаза, вспоминая о чём-то.

— Я так и подумал. Предназначение не изменить... — старик немного помолчал. — Мы решим вашу судьбу.

Эрвин открыл было рот, но Зарх указал на дверь. Старшина, орудуя копьем, заставил пленников подняться и вытолкнул их из хижины.

Эрвина и Соню повели на окраину селения. Вокруг них начала собираться толпа кругляшей, настроенных весьма враждебно. Они угрюмо смотрели на пленников, некоторые выкрикивали ругательства, какой-то мальчишка кинул в них гнилой красный фрукт.

Кругляши-воины, оттесняя соплеменников и покрикивая на них, вели людей через всё селение. Через несколько минут они оказались на краю, около небольшой круглой хижины без окон. Пленников втолкнули внутрь и закрыли дверь на засов. Эрвин и Соня очутились почти в полной темноте, где источниками света можно было считать жидкие рассеянные лучи, пробивавшиеся сквозь щели в крыше.

Когда глаза измученных путников привлекли к темноте, они осмотрелись. Внутри лачуги ничего не было, кроме жухлой соломы, покрывающей земляной пол, из которого торчали железные колья небольшой вышины. Стены хижины сплетены из толстой лозы, неряшливо замазаны толстым слоем глины с двух сторон. Низкий потолок конусом располагался над головой, только в середине позволяя разогнуться в полный человеческий рост. О предназначении кольев Эрвин догадался сразу: к железным столбикам привязывали пленников. Провинившихся, похоже, держали здесь недолго, и это могло означать только одно: судьбу людей решат очень быстро.

Из-за Сониной особенности кругляши решили лишней раз не рисковать и загнали пленников внутрь, не обыскав. Девушка и представить не могла, какой мистический страх кругляши испытывали перед ней, даже руки ей не связали, а спутали как попало наспех, лишь бы не прикоснуться и быстрее отойти.

То, что стражники не обыскали их, было невероятным везением. И теперь Соня, усевшись на пол, скинула с ноги левый сапог, из которого выпал законный трофей победительницы гонок. Эрвин, почти не удивившись появлению ножа, присел, нащупал связанными за спиной руками рукоятку и удобно ухватился за нее. Теперь оставалось перепилить веревки на руках Сони, которая со вздохом облегчения сбросила их с себя, разминая затекшие запястья.

Дело за малым: нужно освободить Эрвина. Соня разрезала веревку на руках юноши, бросилась к нему на шею и разрыдалась. Если раньше ей казалось, что ничего опаснее путешествия на Вершину не существует, то сейчас эта опасность померкла перед другой, более страшной. Она словно очутилась на краю огненного кратера над бушующей лавой, и ей оставалось сделать лишь один шаг до кипящего жерла.

Эрвин бережно обнял Соню, он не менее остро ощущал ужас их положения. Так они и сидели, пока девушка не перестала всхлипывать. Эрвин и сам не понимал, как случилось, что появление Сони в одночасье перевернуло его прежнюю жизнь и разрушило ее до основания. Что толковал шаман кругляшей? Предназначение не изменить? Дракон им в глотку! Он не даст свершиться уготованной участи, потому что рядом с ним на соломенном полу сидит самый близкий человек, испуганная девушка, не пойми каким ветром заброшенная в его судьбу.

— Что с нами будет, Эрвин? — спросила Соня успокоившись.

— Я думаю. К тебе попала магия кругляшей. Они не церемонятся с людьми, они нас ненавидят, мы столько раз пыталась их уничтожить.

— Что с нами сделают?

— А что бы ты сделала с тем, кто забрал то, что принадлежит тебе по праву?

— Говорю тебе, я ничего не брала, у меня нет никакого дара. Если бы он был, мы бы не сидели здесь.

— Может, дар всё-таки есть? Просто ты не знаешь об этом. С тобой происходило что-нибудь необычное? Вспомни!

— Я попала в Верховию из другого мира.

— Это было раньше. А еще что? Подумай!

Соня пыталась вспомнить.

— Я выиграла гонку.

— Нет, не похоже. Что же это такое? — Эрвин вскочил. — Что это за дар? Как им воспользоваться?

— Как? — Соня беспомощно смотрела на Эрвина.

Парень задумался.

— Соня, что ты чувствуешь?

— Ничего. Я хочу выбраться отсюда, — Соня разозлилась. — Пусть лучше Вершина. Но мы будем свободны. Дверь, отворись! — Соня, как чародейка, взмахнула на нее рукой. — Отворись!

Послышался шорох, кто-то осторожно отпирал замок. Пленники, как зачарованные, глядели на медленно открывающуюся дверь. Парень задвинул девушку себе за спину. В проеме показалась невысокая плотная фигура в плаще с капюшоном. Эрвин напряженно всматривался в посетителя, приготовившись к схватке. Вошедший сделал пару шагов, сбросил капюшон. Перед ними стоял Зарх. Он взглянул в темноту, в его руках блеснул огонек. Старик вскинул его над головой, осветив хижину. Увидел напряженные лица пленников, поднял вверх руку, демонстрируя, что у него нет оружия.

— Я пришел сообщить, что постановили старейшины. Завтра тебя казнят, Соня. Никто кроме кругляшей, не имеет право пользоваться даром цветка.

Слова Зарха прозвучали так, будто медный колокол пробил последний удар. Сердце Сони сжалось.

— Вы за этим пришли? — мрачно спросил Эрвин.

Зарх усмехнулся. Ему нравился этот дерзкий парень.

— Что будет со мной? — спросил Эрвин.

— Вы задаете слишком много вопросов, ночь уходит, — Зарх взглянул в окно.

Соня будто очнулась. Ее ведь собираются казнить!

— Помогите нам! — взмолилась она, забыв обо всем.

— Тихо. Ваши вещи за дверью, берите их и сразу в лес. Идите вверх. Вниз нельзя. Вас поймают. Этот лес — наша вотчина, мы знаем здесь каждый куст. Чем выше подниметесь, тем больше шансов спастись. Держитесь большой лощины и на север, вы должны выйти к подвесному мосту через ущелье. Перейдете его, считай, ушли.

— А как же вы? — Соня испуганно смотрела на старика.

— Обо мне не думайте. Вам надо торопиться, — сказал Зарх, неожиданно склонился перед Соней и произнес с глубоким почтением: — Добрый путь, Спасительница.

— Спасибо вам, — Соня тоже поклонилась.

— Быстрее, не мешкайте, — старик нахмурился, — больше сделать для вас ничего не могу.

— Секунду, пожалуйста, — девушка сделала шаг вперед, умоляюще глядя на старика. — Как мне вернуться домой? Вы можете сказать?

— Дитя, — старик вздохнул, — тебе надо пройти весь путь до конца.

— Какой, какой путь?

Соня готова была упасть на колени. Неужели он не поможет ей?!

— Ты узнаешь его, слушай свое сердце, — старик распахнул дверь, — бегом.

Соня и Эрвин выскользнули из лачуги, подхватили свои рюкзаки и, пригибаясь, кинулись к лесу. Зарх возле хижины смотрел им вслед. Оглянувшись, Соня увидела, что он бормотал какие-то заклинания, подняв глаза к небу.

Освобожденные пленники неслись по лесу, ориентируясь только на темные силуэты деревьев. Эрвин бежал впереди, выбирая путь, он чувствовал прилив сил. Дорога шла вверх, и юноша был полон энергии. Соня начала отставать. Эрвин остановился, забрал ее рюкзак,

взвалил на себя. Девушка благодарно взглянула: так гораздо легче. Начинало светать, лес редел, а Эрвин всё бежал и бежал. Соня взмолилась о привале, у нее совсем не осталось сил.

В рюкзаке нашлись сухари, которыми беглецы быстро перекусили. Измотанная Соня даже не могла говорить, но юноша, стряхнув крошки, бодро встал на ноги, будто и не было утомительного полночного бега. В его глазах опять появился нездоровый блеск.

— Давай еще отдохнем, — Соня умоляюще взглянула на Эрвина.

— Нет, надо как можно быстрее добраться до ущелья. Потом будем в безопасности.

Конечно, Эрвин прав, надо идти. Соня поднялась с земли. Парень взвалил оба рюкзака себе на спину и быстрым шагом двинулся вверх по склону. Соня, стараясь не отставать, трусила следом. Предраассветная дымка окутала лес, защебетали птицы, ноги путников быстро промокли в утренней росе. Соня прихрамывала, она стерла пальцы. Эрвин остановился, поджидая ее.

— Соня, не отставай, ущелье где-то близко. Я чувствую. Еще немного. Потерпи.

Девушка всхлипнула. Нет, она не собиралась плакать, но слезинка предательски выкатилась из глаза. Неужели это никогда не закончится? Эрвин, как будто прочитав мысли Сони, смягчился, протянул руку:

— Держись, я потащу тебя. Так будет легче.

Девушка отрицательно замотала головой. Нет, она сама. Соня прибавила шаг, они двинулись дальше по еле заметной тропинке. Неожиданно тропинка вильнула и вывела их на край ущелья, снизу которого поднимался густой туман. Над пропастью, как в невесомости, висел плетеный мостик. Не хватало только мелодичного звона хрустальных колокольчиков, тогда бы ирреальность картины была бы законченной.

— Мост! — выдохнул Эрвин. — Дошли!

Соня глядела на то, что он назвал мостом. Хлипкое сооружение с плетеными ступеньками и низкими перилами из перевитой лозы слегка покачивалось в белой пелене утреннего тумана.

— Думаешь, мы по нему перейдем? — Соня с ужасом глядела на ненадежную конструкцию. — Мост для кругляшей, он не рассчитан на человека

Эрвин упрямо сжал губы.

— Я пойду первым, следом ты.

— Оставь мой рюкзак, ты и без него тяжелый, — Соня сняла свой рюкзак с плеч парня.

Эрвин осторожно ступил на мост, который опасно затрещал. Юноша продвигался вперед, Соня с трепетом следила за ним. Из леса донесся шум. Девушка оглянулась, ей послышались гортанные выкрики, которые как плетью подстегнули ее. Соня вступила на мост. Эрвин оглянулся, он всё понял и ускорил движение. Соня часто-часто задышала, стараясь не смотреть по сторонам. Когда она преодолела третью часть моста, из леса высыпала толпа кругляшей. Завидев Соню и Эрвина, они разразились воплями и ругательствами.

Соня оглянулась, нога ее потеряла опору и соскользнула вниз, девушка упала на колени и поползла на четвереньках. Она почувствовала, как легкая опора под ней закачалась, это кругляши вступили на мост. Соня села, повернувшись к приближающимся кругляшам. Ноги ее не держали, но она решила встретить опасность лицом к лицу, девушка помнила священный трепет кругляшей перед ней. Взгляд ее упал на перекладыны, из которых состоял подвесной мостик.

А вот и решение. Ухватившись крепче руками за низкие плетеные перила, чтобы не

упасть, Соня яростно ударила по перекладине ногой, еще и еще раз. Перекладина сломалась. Соня, пятясь, иступленно ломала поперечины, отползая всё дальше. Она не собиралась просто так сдаваться. Между ней и кругляшами образовалась прореха без перекладин. Старшина кругляшей, достигнув пролома, вытащил лассо. Соня отчетливо видела его взбешенное лицо, узкие глаза, перекошенный от злобы рот. Кругляш был вне себя от ярости. Соня из голенища достала нож, она двигалась спиной вперед, готовясь к нападению.

Старшина кинул лассо, Соня увернулась. Теперь она знала, что можно ожидать от этой коварной веревки. Эрвин уже был на другом конце моста, еще шаг — и он ступил на землю. Старшина затопал ногами, разразившись ругательствами, мост закачался, девушка покачнулась, еще сильнее стиснув ненадежные перильца. Старшина злорадно оскалился.

— Бросай рюкзак, Соня! — закричал Эрвин, увидев, что она теряет равновесие.

Старшина обернулся к воинам, выкрикнув команду. Кругляши схватили самого мелкого из них за ноги и руки, раскачали и бросили вперед. Кругляш, пролетев над головой девушки, приземлился за ее спиной. Он вскочил, в руках у него сверкнуло лассо. Соня затравлено оглядывалась, теперь ее окружили с двух сторон. Кругляш вертел над головой лассо прицеливаясь. Соня крепче сжала рукоятку ножа.

Взгляд Эрвина упал на камни. Чего же он медлит? Парень схватил увесистый бульжник.

— Пригнись! — крикнул Эрвин.

Камень попал точно в голову кругляша. Раздался крик противника, и он полетел в туманную пропасть. Соня поползла вперед, Эрвин градом камней прикрывал ее отход. Кругляши подняли над головами округлые выпуклые щиты. По команде Старшины, кругляши принялись рубить плетеные канаты моста рядом с собой. Эрвин метал в них камни, но кругляши отчаянно рушили мост.

— Держись! — крикнул Эрвин.

Мост разорвало пополам. Соня с размаху полетела к отвесному склону горы и ударилась о камни. Как она смогла удержаться, получив сильнейший удар, осталось для нее тайной. Окутанная туманом, не видящая ни верха, ни низа, девушка судорожно сжимала веревочную опору разбитыми в кровь пальцами, готовая вцепиться в плетеную веревку зубами, если откажут руки и ноги.

Трясущийся от страха Эрвин, вытянул дрожащую Соню на спасительную площадку. Оба они тяжело дышали, глядя друг на друга. А на противоположном склоне бесновались кругляши, тоже выбравшиеся из пропасти по тонким ступенькам.

Соня оттерла кровь, сочащуюся из раны на лбу. Эрвин крепко обнял ее, притянув к себе. Вместе они обессиленно свалились на траву. Лицо Эрвина перепачкалось в крови девушки.

— А всё потому, что у меня да-ар, — протянула она, стирая платком кровь с его лица.

— Удивляюсь твоей способности шутить, — ответил Эрвин, в глазах которого читалось что-то более глубокое, чем восхищение.

Глава 16. Великая Вершина

Всё утро без остановки Соня и Эрвин поднимались по склону горы. Ноги скользили по усыпанной мелкими камешками земле и спотыкались о низкие, хаотично растущие кусты. Соня иногда цеплялась за Эрвина, чтобы не упасть. Она отставала, ей трудно было держать темп истинного верховенца.

Время от времени девушка вглядывалась вдаль, прислонив ладонь ко лбу. На этот раз

она разглядела снег. Хотела поделиться открытием с Эрвином, но увидела, как он вытащил из-за пазухи фляжку, открутил колпачок и сделал несколько глотков.

Соня мгновенно разозлилась.

— Зачем ты это пьешь?

— Прошу, не начинай. Так надо, поверь мне.

— Что в этой фляжке? Что там такое?

— Всё нормально. Идем.

Эрвин отвернулся, всем видом показывая, что разговор окончен. Как же она хотела закатить истерику, затопать ногами, упасть на землю и никуда больше не идти! Соня смотрела в спину Эрвина и представляла себя в роли сумасшедшей героини, зная, что никогда так не сделает. Парень, как будто почувствовав ее взгляд, оглянулся и протянул Соне руку.

— Иди сюда. Ты самая необычная девушка, которую я когда-либо встречал в жизни. Даже если бы меня не схватили и не послали вместе с тобой, я бы нашел способ очутиться рядом, — Эрвин улыбнулся.

— Правда? — Соня почувствовала, как краска заливает ее лицо.

— Честное слово. Кулон, который я подарил, у тебя?

— Да.

— Это наша фамильная драгоценность. Я... я хотел продать её... Мне нужны были деньги, но... передумал. Пусть солнечный камень будет у тебя, что бы ни случилось. Всегда, — Эрвин говорил так мягко, что у Сони сжалось сердце.

— Давай не пойдем вверх, пожалуйста, — Соня умоляюще посмотрела на юношу.

— Вершина — твое спасение, как ты не понимаешь? У нас мало продуктов. Надо торопиться, — сказал Эрвин.

В его голосе не осталось и следа от прежней нежности. Сонин взгляд потух. Она поняла, что не сможет переубедить этого упрянца.

Девушке казалось, что они бредут целую вечность. Снег под ногами монотонно скрипел, добавляя безысходности и отчаяния в круговерт мыслей. Эрвин шел, не оборачиваясь, Соня несколько раз хотела окликнуть его, но не решилась. Ей казалось, что юноша забыл о ней, возможно, что так и было.

Внезапно Соня споткнулась, упала и вскрикнула. До сих пор болело колено, которым она приложилась об отвесную скалу, когда висела на веревочной лестнице. И сейчас она снова приземлилась на него.

Она не жаловалась, понимая, что всё без толку. И даже когда Эрвин остановился, подошел к ней, помог подняться и скинул рюкзак с плеч, она знала, уговаривать Эрвина не ходить на Вершину — бесполезно.

— Привал, — коротко бросил он.

Соня плюхнулась на землю. Юноша разжег огонь из сухого горючего, согрел в чайнике растаявший снег, бросил в него пучок какой-то травы, достал еду. Соня молча наблюдала за ним. У нее не было ни сил, ни желания разговаривать с Эрвином. Она грела руки о горячую кружку с чаем, глядела на огонь. Парень же вытащил фляжку Асанны и отхлебнул из нее, поморщившись. Соня отвела глаза. Как же она ненавидела эту фляжку и вместе с ней Асанну!

Следующий день они шли всё так же вверх, устраивая привал только дважды. Каждый раз Эрвин доставал фляжку и пил зелье. Соню всю передергивало. Мысли об Асанне,

которая подсунула Эрвину какую-то гадость, становились всё кровожаднее.

Парень же, как будто чувствуя это, становился всё безразличнее и молчаливее. Он почти не говорил с Соней, хотя она совершенно выбилась из сил. Не замечал ее усталости, не реагировал на слова. Его равнодушный взгляд скользил по девушке как по пустому месту. Эрвин теперь говорил короткими односложными фразами, словно пребывая в другом измерении, с трудом возвращаясь в реальность, с каждым шагом удаляясь всё дальше.

Соню это пугало. Поэтому на очередном привале она дождалась, когда Эрвин отвлекся, вытащила фляжку из рюкзака, выбросила ее в снег. И почувствовала облегчение: жаль, что она не сделала этого раньше!

После непродолжительного отдыха Эрвин искал фляжку, не нашел, неожиданно быстро успокоился, и они двинулись дальше. Соня с трудом передвигала ноги, бредя за юношей. Она уже ни о чем не могла думать, только об отдыхе и тепле. На следующем привале Соня внимательно взглянула на Эрвина и заметила, что в его глазах загорелся какой-то фанатичный огонь. Ей стало страшно. Видимо, сказывалась высота. Эрвин превращался в зомби. На привале он не обращал внимания на Соню, а когда они опять двинулись вперед, и вовсе перестал оглядываться.

Быстро надвинулись сумерки. Эрвин не думал об отдыхе. Соня с трудом уговорила его поспать. Она разожгла огонь из сухого горючего, согрела руки над огнём, потом залезла в спальный мешок. Девушка отключилась мгновенно, как будто провалилась в яму, и вмиг проснулась, как будто ее кто-то толкнул. Она открыла глаза. Чуть светало, Эрвин складывал вещи. Он торопился.

— Надо идти, — бормотал он, — Вершина близко, я почти не спал.

Соня еле вылезла из мешка, всё тело болело. Они двинулись вверх. Эрвин отказался от еды, Соня плелась за ним, на ходу жуя засохший хлеб. Через час силы покинули её. Она уселась на снег.

— Эй! — истошно крикнула она, собрав последние силы.

Эрвин остановился, оглянулся.

— Я больше не могу. Честно. У меня нет сил. Страшно болит голова.

— Оставайся здесь, я дойду, всё узнаю и вернусь.

— Я замерзаю. Мне холодно. Давай вернемся. Мы же хотели найти другого дверника. Зачем нам Вершина? — Соня даже говорила с трудом.

Парень спустился к ней, сбросил с плеч рюкзак, заговорил без эмоций, как робот.

— Вот, возьми мои продукты. Сухое горючее. Грейся. Мне надо идти.

Соня схватила его за руку, взгляделась в лицо, ставшее совершенно чужим. И только теперь заметила, что лоб, щеки, подбородок Эрвина покрыты тонким слоем льда.

— Ты замерзаешь! Ты покрываешься льдом! — в ужасе закричала Соня.

— Мне не холодно, — ответил он спокойно, — не надо кричать.

— А мне холодно. Я не чувствую ног, руки ооченели, тяжело дышать. Мы погибнем здесь, — Соня, не вставая, схватила Эрвина за одежду, пытаясь удержать. — Зачем ты пошел со мной, зачем? Я без тебя бы справилась. Я обманула бы ваших сумасшедших. И Горыныч остался бы жив.

— Горыныч — мой дракон. Нечего о нем беспокоиться. Он дождетя меня. Я его хозяин.

Эрвин без труда оторвал руки Сони от своей куртки, круто повернулся и зашагал вверх.

— Ты не хозяин, ты горделивый придурок! Ты чокнутый идиот, помешанный на высоте!

Псих! Я ненавижу тебя! — закричала Соня ему вслед, мгновенно охрипла и бессильно заплакала, застонав: — Не уходи, пожалуйста, не уходи...

Девушка упала на снег. Рыдания сотрясали её тело. Она не знала, что делать. Эрвина она не догонит, идти вперед не может. Здесь она замерзнет и погибнет. Надо на что-то решаться. Соня с трудом поднялась, посмотрела вслед Эрвину, его силуэт превращался в темную точку на белом покрывале горы. Всё бесполезно, ничего не исправить. Соня шагнула вниз, еще один шаг, еще.

Идти вниз было немного легче, только на душе становилось всё тяжелее. «Лучше умереть, чем думать о нем», — мелькнула у девушки мысль. Соня села на снег, сжалась в комочек, пытаясь согреться. Слез не было, на ресницах образовались льдинки, лицо пылало от мороза. Не осталось ни единой теплой клеточки во всем теле.

Соня замерзала.

«Ну и пусть, — подумала она равнодушно, — всё равно». Отстраненность накатила на нее, стирая остатки мужества. Соня как будто видела себя со стороны: ничтожный, жалкий, никому не нужный человек на огромном склоне горы.

Эрвин ушел. Он ушел и не оглянулся.

И тут она почувствовала еле уловимое тепло. Что это? Маленькая тлеющая точка чуть ниже ямочки на шее. Соня затаилась, стараясь не потерять это ощущение. Так и есть, теплый уголек потихоньку разгорался. Девушка прижала руку к груди: это подарок Эрвина, его солнечный камень. Кулон был теплый и грел даже через перчатку. Соня представила, как она вся превращается в эту маленькую горячую желтую точку, сливается с ней, растворяется внутри без остатка. Нет, она не отпустит сознание в белую пустыню, обернется пульсирующим желтым камнем, сохранит тепло и нить жизни.

Соня погрузилась в приятное состояние дремы, перед глазами поплыли картинки: Эрвин смотрит на нее, вытаскивает из кармана подарок, бережно надевает на шею Сони кулон, улыбается ей. Эрвин в свете луны на крыльце, Эрвин кружит в вальсе, Эрвин заслоняет ее от неведомого врага, Эрвин протягивает руку.

Эрвин, Эрвин!

Она зовет и слышит в ответ его голос.

Пролетела минута или три часа, или три часа, как минута. Соня окончательно согрелась, холодный враждебный мир исчез, растворился в дымке воспоминаний. Пошел крупными хлопьями густой снег, быстро превращая сидящую девушку в пушистый сугроб. Снег падал на голову, на плечи, на лицо, но Соня не чувствовала холода.

Где ты сейчас, Эрвин? Где ты?

Прошло мгновение, а может вечность, но всё вокруг резко изменилось. Стало трудно дышать, сердце часто-часто забилося в груди. Соня разлепила глаза. О, Боже! Она находилась на вершине горы, той самой, куда ушел Эрвин. В этом Соня была так же твердо уверена, как и в том, что она здесь долго не продержится. Великая Вершина не была милостива к гостям.

— Правда? — Соня почувствовала, как краска заливает ее лицо.

— Честное слово. Кулон, который я подарил, у тебя?

— Да.

— Это наша фамильная драгоценность. Я... я хотел продать её... Мне нужны были деньги, но... передумал. Пусть солнечный камень будет у тебя, что бы ни случилось. Всегда, — Эрвин говорил так мягко, что у Сони сжалось сердце.

— Давай не пойдём вверх, пожалуйста, — Соня умоляюще посмотрела на юношу.

— Вершина — твоё спасение, как ты не понимаешь? У нас мало продуктов. Надо торопиться, — сказал Эрвин.

В его голосе не осталось и следа от прежней нежности. Сонин взгляд потух. Она поняла, что не сможет переубедить этого упрянца.

Девушке казалось, что они бредут целую вечность. Снег под ногами монотонно скрипел, добавляя безысходности и отчаяния в круговёрт мыслей. Эрвин шел, не оборачиваясь, Соня несколько раз хотела окликнуть его, но не решилась. Ей казалось, что юноша забыл о ней, возможно, что так и было.

Внезапно Соня споткнулась, упала и вскрикнула. До сих пор болело колено, которым она приложилась об отвесную скалу, когда висела на веревочной лестнице. И сейчас она снова приземлилась на него.

Она не жаловалась, понимая, что всё без толку. И даже когда Эрвин остановился, подошел к ней, помог подняться и скинул рюкзак с плеч, она знала, уговаривать Эрвина не ходить на Вершину — бесполезно.

— Привал, — коротко бросил он.

Соня плюхнулась на землю. Юноша разжег огонь из сухого горючего, согрел в чайнике растаявший снег, бросил в него пучок какой-то травы, достал еду. Соня молча наблюдала за ним. У нее не было ни сил, ни желания разговаривать с Эрвином. Она грела руки о горячую кружку с чаем, глядела на огонь. Парень же вытащил фляжку Асанны и отхлебнул из нее, поморщившись. Соня отвела глаза. Как же она ненавидела эту фляжку и вместе с ней Асанну!

Следующий день они шли всё так же вверх, устраивая привал только дважды. Каждый раз Эрвин доставал фляжку и пил зелье. Соню всю передергивало. Мысли об Асанне, которая подсунула Эрвину какую-то гадость, становились всё кровожаднее.

Парень же, как будто чувствуя это, становился всё безразличнее и молчаливее. Он почти не говорил с Соней, хотя она совершенно выбилась из сил. Не замечал ее усталости, не реагировал на слова. Его равнодушный взгляд скользил по девушке как по пустому месту. Эрвин теперь говорил короткими односложными фразами, словно пребывая в другом измерении, с трудом возвращаясь в реальность, с каждым шагом удаляясь всё дальше.

Соню это пугало. Поэтому на очередном привале она дождалась, когда Эрвин отвлекся, вытащила фляжку из рюкзака, выбросила ее в снег. И почувствовала облегчение: жаль, что она не сделала этого раньше!

После непродолжительного отдыха Эрвин поискал фляжку, не нашел, неожиданно быстро успокоился, и они двинулись дальше. Соня с трудом передвигала ноги, бредя за юношей. Она уже ни о чем не могла думать, только об отдыхе и тепле. На следующем привале Соня внимательно взглянула на Эрвина и заметила, что в его глазах загорелся какой-то фанатичный огонь. Ей стало страшно. Видимо, сказывалась высота. Эрвин превращался в зомби. На привале он не обращал внимания на Соню, а когда они опять двинулись вперед, и вовсе перестал оглядываться.

Быстро надвинулись сумерки. Эрвин не думал об отдыхе. Соня с трудом уговорила его поспать. Она разожгла огонь из сухого горючего, согрела руки над огнём, потом залезла в спальный мешок. Девушка отключилась мгновенно, как будто провалилась в яму, и вмиг проснулась, как будто ее кто-то толкнул. Она открыла глаза. Чуть светало, Эрвин складывал вещи. Он торопился.

— Надо идти, — бормотал он, — Вершина близко, я почти не спал.

Соня еле вылезла из мешка, всё тело болело. Они двинулись вверх. Эрвин отказался от еды, Соня плелась за ним, на ходу жуя засохший хлеб. Через час силы покинули её. Она уселась на снег.

— Эй! — истошно крикнула она, собрав последние силы.

Эрвин остановился, оглянулся.

— Я больше не могу. Честно. У меня нет сил. Страшно болит голова.

— Оставайся здесь, я дойду, всё узнаю и вернусь.

— Я замерзаю. Мне холодно. Давай вернемся. Мы же хотели найти другого дверника. Зачем нам Вершина? — Соня даже говорила с трудом.

Парень спустился к ней, сбросил с плеч рюкзак, заговорил без эмоций, как робот.

— Вот, возьми мои продукты. Сухое горючее. Грейся. Мне надо идти.

Соня схватила его за руку, взгляделась в лицо, ставшее совершенно чужим. И только теперь заметила, что лоб, щеки, подбородок Эрвина покрыты тонким слоем льда.

— Ты замерзаешь! Ты покрываешься льдом! — в ужасе закричала Соня.

— Мне не холодно, — ответил он спокойно, — не надо кричать.

— А мне холодно. Я не чувствую ног, руки ооченели, тяжело дышать. Мы погибнем здесь, — Соня, не вставая, схватила Эрвина за одежду, пытаюсь удержать. — Зачем ты пошел со мной, зачем? Я без тебя бы справилась. Я обманула бы ваших сумасшедших. И Горыныч остался бы жив.

— Горыныч — мой дракон. Нечего о нем беспокоиться. Он дождетя меня. Я его хозяин.

Эрвин без труда оторвал руки Сони от своей куртки, круто повернулся и зашагал вверх.

— Ты не хозяин, ты горделивый придурок! Ты чокнутый идиот, помешанный на высоте! Псих! Я ненавижу тебя! — закричала Соня ему вслед, мгновенно охрипла и бессильно заплакала, застонав: — Не уходи, пожалуйста, не уходи...

Девушка упала на снег. Рыдания сотрясали её тело. Она не знала, что делать. Эрвина она не догонит, идти вперед не может. Здесь она замерзнет и погибнет. Надо на что-то решаться. Соня с трудом поднялась, посмотрела вслед Эрвину, его силуэт превращался в темную точку на белом покрывале горы. Всё бесполезно, ничего не исправить. Соня шагнула вниз, еще один шаг, еще.

Идти вниз было немного легче, только на душе становилось всё тяжелее. «Лучше умереть, чем думать о нем», — мелькнула у девушки мысль. Соня села на снег, сжалась в комочек, пытаюсь согреться. Слез не было, на ресницах образовались льдинки, лицо пылало от мороза. Не осталось ни единой теплой клеточки во всем теле.

Соня замерзала.

«Ну и пусть, — подумала она равнодушно, — всё равно». Отстраненность накатила на нее, стирая остатки мужества. Соня как будто видела себя со стороны: ничтожный, жалкий, никому не нужный человек на огромном склоне горы.

Эрвин ушел. Он ушел и не оглянулся.

Маленькая тлеющая точка возникла чуть ниже ямочки на шее. Соня почувствовала еле уловимое тепло. Она затаилась, стараясь не потерять это ощущение. Так и есть, теплый уголек потихоньку разгорался. Девушка прижала руку к груди: это подарок Эрвина, его солнечный камень. Кулон был теплый и грел даже через перчатку. Соня представила, как

она вся превращается в эту маленькую горячую желтую точку, сливается с ней, растворяется внутри без остатка. Нет, она не отпустит сознание в белую пустыню, обернется пульсирующим желтым камнем, сохранит тепло и нить жизни.

Соня погрузилась в приятное состояние дремы, перед глазами поплыли картинки: Эрвин смотрит на нее, вытаскивает из кармана подарок, бережно надевает на шею Сони кулон, улыбается ей. Эрвин в свете луны на крыльце, Эрвин кружит в вальсе, Эрвин заслоняет ее от неведомого врага, Эрвин протягивает руку.

Эрвин, Эрвин!

Она зовет и слышит в ответ его голос.

Пролетела минута или три часа, или три часа, как минута. Соня окончательно согрелась, холодный враждебный мир исчез, растворился в дымке воспоминаний. Пошел крупными хлопьями густой снег, быстро превращая сидящую девушку в пушистый сугроб. Снег падал на голову, на плечи, на лицо, но Соня не чувствовала холода.

Где ты сейчас, Эрвин? Где ты?

Прошло мгновение, а может вечность, но всё вокруг резко изменилось. Стало трудно дышать, сердце часто-часто забилось в груди. Соня разлепила глаза. О, Боже! Она находилась на вершине горы, той самой, куда ушел Эрвин. В этом Соня была так же твердо уверена, как и в том, что она здесь долго не продержится. Великая Вершина не была милостива к гостям.

Соня поднялась на ноги, пронзительный холодный ветер мигом выдул из ее тела накопленное тепло. Это помогло окончательно очнуться.

Надо действовать и немедленно. Соня огляделась. Вокруг высились ледяные столбы величиной с человеческий рост, как сталагмиты [1], выросшие на одинокой вершине. Соня подошла к одному из них, почему-то ей захотелось рассмотреть его поближе. Она потерла его рукой, смахивая снег с ледяной поверхности.

О, ужас! За толстой коркой льда она разглядела смутные очертания человека: лицо, волосы, одежду. Соня повернулась к другому столбу, к третьему. Она стала сбивать с них снег. Все сталагмиты — замерзшие люди. Это люди!

Соня ковыляла по глубокому снегу от одной ледяной фигуры к другой, искала Эрвина. Она запнулась обо что-то, упала, быстро разгребла снег. Под ним обнаружили деревянные сани. Кто-то смог затащить их на самую Вершину. Но Соне нужен Эрвин. Она перемещалась от одной глыбы к другой, спотыкалась, падала, вставала. Соня заставляла себя двигаться дальше, от одной фигуре к другой, и когда почти не осталось сил, она нашла того, кого искала. Эрвин застыл прекрасной гордой статуей, припорошенной снегом, но толщина льда на нем была гораздо меньше, чем на других.

Соня смахнула снег, всмотрелась в лицо Эрвина, глаза его были закрыты. Она стучала, била по корке льда, трясла застывшую фигуру, звала по имени, кричала, но всё напрасно. Эрвин не открывал глаза. Соня обессилела. Она отодвинулась от Эрвина и бросилась на него еще раз, пытаясь разбить лед. Замороженная статуя покачнулась, повалилась и скатилась вниз.

Соня всмотрелась в лицо друга — лед слегка треснул. Ага, так можно еще что-то сделать. Лед намерз не такой толстой коркой, как у других. Есть надежда. Что придумать? И вдруг осенило. Жители Верховии чувствуют боль при спуске. Вот пусть и помучается, если еще живой!

— Придется, Эрвин. Придется спускаться. Я от тебя не отстану, — шептала Соня

подталкивая статую к краю Вершины. — Ты у меня сейчас покувыркаешься, господин зазнайка, ты у меня как ласточка вниз полетишь, со свистом!

Соня подкатила Эрвина к краю, всмотрелась вниз: конца не видно этой горе. Сколько же она будет толкать его вниз? И тут вспомнила деревянные сани, о которые споткнулась. Она отыскала их, откопала и подтащила к Эрвину. В санях Соня нашла веревку, крепко обвязала одним концом замерзшего Эрвина за ноги, а другой конец приделала к саням. Уселась на них верхом — кататься с гор она умела.

— Я поеду первой, не бойся.

Соня направила сани вниз, отталкиваясь ногами. Эрвин был достаточно тяжел. Сани покатались, таща за собой безмолвную ледяную фигуру. И вот уже санки летели, всё больше набирая скорость, Эрвин мчался за ними. Соня оглядывалась на юношу, но не могла делать это часто, хотя и очень боялась за него. Ей приходилось направлять сани и постоянно тормозить. На крутом склоне сани разогнались еще сильнее. В вихре снега уже не было никакой возможности глянуть назад. Соня с трудом рулила, силы не хватало, ноги больно бились о склон, вздымая буруны снега, залепляя глаза. Девушка с ужасом вглядывалась вперед, стараясь катиться по ровной поверхности. Сердце ее готово было выпрыгнуть из груди от страха.

Сзади послышался стон.

Эрвин! Он жив! Ему больно! Мы слишком быстро едем вниз! Он может не выдержать

Что есть мочи Соня стала тормозить, но на сани налетел Эрвин, это придало им ускорения, скорость даже увеличилась. И тут Соня поняла, что они несутся к обрыву. Свист ветра в ушах, снежный вихрь, облепивший со всех сторон, лишили ее возможности услышать шум крыльев над головой. Она тормозила, сбивая ноги, но этого было недостаточно, сани тащили их в пропасть. Надо соскочить, это единственный выход! Соня наклонилась, обернулась, схватила Эрвина и полетела в снег.

Ледяной панцирь, намерзший на Эрвине, лопнул, лицо освободилось ото льда, но глаза оставались закрытыми. Сани тянули за собой привязанного юношу и Соню вслед за ним. Девушка вцепилась в Эрвина, но этим лишь на мгновение замедлила неминуемую катастрофу.

Заледеневшими дрожащими пальцами она нащупала рукоятку ножа, выдернула его из сапога, набитого снегом, и яростно принялась бить лезвием по веревке. Пальцы не слушались, страх лишал последних сил, пропасть надвигалась с пугающей быстротой. Наконец веревка поддалась, удалось отвязаться от саней, но по инерции Соня и Эрвин продолжали тащиться за ними вслед.

— Эрвин, Эрвин! Очнись! Мы погибнем! Помоги мне! — Соня кричала прямо в лицо парня.

Неожиданно Эрвин открыл глаза.

— Тормози, тормози, там пропасть! Мы сейчас упадем! — голос Сони срывался от крика.

Эрвин напрягся, согнул колени и уперся в снег. Вместе они отчаянно боролись, несясь по склону, но пропасть приближалась. Соня разжала руки. Может, Эрвин спасется, зачем она держится за него? И она скользнула вниз, успев крикнуть:

— Держись!

Эрвин в последний момент схватил Соню за руку. Они остановились, еще не веря в свое спасение. И тут гора вздохнула, и лавина, разбуженная спуском пилигримов, сверху

понеслась прямо на них. Несколько мгновений — и снежный поток накрыл Соню и Эрвина с головой, оторвал их друг от друга и потащил в пропасть. В этот момент прямо под Эрвином возникла спина Горыныча, и юноша упал на нее. Он обхватил дракона руками, застонал:

— Со-о-оня!

Девушки была почти без памяти, когда почувствовала мощный рывок. Ее резко и грубо схватили за одежду и потащили вверх. Но она уже отключилась.

[1] Сталагмиты — минеральные образования, растущие в виде конусов и столбов со дна пещер.

Соня очнулась от резкого звериного запаха, открыла глаза и увидела около себя морду незнакомого темно-кирпичного дракона, который внимательно смотрел ей в лицо.

Это самка. Что ей надо? Куда она меня притащила?

Соня попыталась пошевелить пальцами ног и рук. Дракониша отвернулась и отошла в сторону. Они находились в пещере, своды которой нависали тёмной неровной аркой, вдалеке виднелся свет — выход.

«Похожа на дикарку», — подумала Соня.

Эрвин и Ларри рассказывали, чем дикие драконы отличаются от ездовых, выведенных человеком, пока всё совпадало. Выемки на спине нет, небольшие рога и лапы с длинными загнутыми вниз когтями. Ездовым когти подрезают до небольшой длины, чтобы они не загибались и не вращались в пальцы.

«Крылья узковаты, как у Горыныча. Агрессии не проявляет, — рассуждала Соня и попыталась потихоньку сесть, всё еще осторожничая: — Не накинется же она на меня? Вроде реагирует спокойно».

И тут сердце Сони дрогнуло, а на глаза навернулись слезы. На пороге пещеры стоял Горыныч собственной персоной. А рядом с ним Эрвин. Дракониша недовольно фыркнула и отошла подальше от девушки. На нетвердых ногах Соня поднялась и шагнула навстречу Эрвину, спешащему к ней. Парень подхватил вмиг обессилевшую девушку, а она повисла на нем, ничуть не стыдясь своей слабости. Смирный Горыныч стоял рядом, дожидаясь своей порции ласки, и Соня протянула к нему руку, погладила по чешуйчатой голове.

— Как ты здесь оказался? — спросила она дракона, оторвавшись от Эрвина. — Как ты нас нашел? Ты сбежал из тюрьмы?

Соня заглянула дракону в глаза, приблизила свое лицо близко-близко к его морде. Горыныч тотчас лизнул ее своим шершавым языком, чем вызвал счастливую улыбку на лице Сони.

— Горыныч, фу! У тебя язык, как терка!

— Удивительно, что он вовремя подоспел. Да еще не один, — произнес Эрвин, нежно глядя на Соню. — Тебя спасла его подружка. Где он ее взял, ума не приложу.

— Ох, я ее знаю. Она была соседкой по камере. Это дикая самка, — Соня посмотрела на драконишу, которая лежала, не поворачивая к ним головы. — У нее нет имени.

— Назови, как хочешь. Ты же у нас мастер, — улыбнулся Эрвин.

Соня осторожно приблизилась к драконише, встала напротив ее морды. Глаза их встретились. Девушка увидела темный зрачок, окруженный желтой многолучевой звездой. Она вспомнила этот взгляд. Они посмотрели друг на друга в тот момент, когда Соня кинула последний кошачий корм голодающему зверю. Глаза дракониши Соне понравились.

— Как тебе имя Стрела? — спросила Соня и повторила. — Стрела.

Уши драконихи дрогнули.

— Стрела, спасибо, что спасла меня, — сказала Соня, глядя в черную сердцевину ее зрачка. — Ты прекрасно летаешь. Ты крутая.

Дракониха покачнулась, медленно поднялась на лапы, постояла в раздумье и сделала шаг навстречу Соне. Девушка не торопясь подняла руку и осторожно погладила Стрелу.

— Она признала тебя, — сказал Эрвин, — теперь, наверное, можно ее не бояться.

— Дикого дракона не приучишь, ты сам говорил.

— Не приучишь. Но если она к тебе идет по доброй воле, это что-то значит.

— А Горыныч по доброй воле? — голос Сони дрогнул.

— Горыныч при рождении запечатлел меня. Да и потом я его выхаживал. Он мой дракон, и это навсегда. Я ведь, когда уходил, велел ему служить тебе. Он выполнял мой приказ.

— Хвастун ты, Эрвин.

— А ты моя спасительница. Теперь я у тебя в долгу.

— В неоплатном долгу, — Соня постаралась сохранить серьезный вид.

— Так и неоплатном? — Эрвин картинно возмутился.

— Верни меня домой, и он зачтется, — грустно улыбнулась Соня.

Пауза между ними протянулась как тягучая смола, словно, продолжая незримый разговор.

— Ты нашел на Вершине деда? — нарушила молчание девушка.

— Его там нет. Хотя, если честно, я уже плохо соображал, — Эрвин помрачнел, а потом его взгляд очистился от пелены, и он ясным взглядом посмотрел на Соню. — А ты как поднялась туда? Ты же осталась.

— Я не поднималась. Просто там очутилась. Сама не знаю как. Подумала о... ну неважно... и это случилось. Как в сказке.

— Не может быть, что всё так просто! Вспомни, что произошло? — Эрвин покачал головой.

Соня смотрела на родное лицо Эрвина, на его всклокоченные волосы, на его нахмуренные брови. Как рассказать ему о том чувстве, которое растопило лед её сердца и заставило маленький желтый камушек согреть и перенести на гору?

— Сначала мне показалось, что я засыпаю. Я не чувствовала ни рук, ни ног, я подумала, что это конец, а потом вспомнила... о тебе. И вдруг стало еще холодней, и ветер, и тяжело дышать. Открыла глаза, не могу понять, где я. Всё изменилось. И очнулась. Встала. Поняла, что на Вершине.

Эрвин задумался, потом посмотрел на Соню.

— Может... это дар?

— Дар цветка? Неужели дар цветка? Постой, у меня голова закружилась.

— Ладно, поговорим об этом позже... — парень посмотрел на нее мягким, долгим взглядом. — Я сейчас ходил за хворостом вниз по горе, — Эрвин подбросил дров в костер, — и... — голос его дрогнул. — Не почувствовал боли, ни малейшей, я только сейчас понял. Это... непередаваемо.

— Эрвин! — Соня была потрясена. — Может быть, это и есть средство, про которое говорилось в легенде?

— Все предполагали, что на Вершине их ждут откровения, выбитые на каменных скрижалях, а всё оказалось гораздо проще. А может быть... сложнее.

— Эрвин, все жители Верховии смогут это сделать!

Эрвин нахмурился. От былой радости не осталось и следа.

— Нет, — сказал он жестко.

— Почему? — Соня не верила своим ушам.

— А как они спустятся вниз? Кто им поможет? — голос Эрвина стал совсем чужим. — Ты? Я? Ты уверена, что можешь повторить этот путь? — он вспыхнул. — Это не прогулка в горы, это... страшное испытание на пределе возможности.

— Я не понимаю тебя.

— О том, что я перестал чувствовать боль, не должен знать никто. Никто. И еще. Нам придется спрятаться, укрыться где-то, исчезнуть. Мы не можем вот так вернуться обратно. Я не знаю, что будет. Но будет хуже, если о нас узнают.

— Эрвин, но это же средство, которое все ищут. Жить без боли.

— Послушай меня. Им плевать на твою жизнь и на мою. Нас послали на Вершину только потому, что ты оказалась избранной и у них появилась малюсенькая надежда. Они не слушали тебя, чего ты хочешь. Более того, они пригрозили убить Горыныча. И они сделают еще хуже, поверь мне, когда узнают, что могут избавиться от боли. Ты хочешь пожертвовать собой ради горстки людей?

— Почему горстки? Ради всех.

— Все не получают. Никто не даст им такой возможности. Никогда. Просто так. А мы поплатимся за это жизнями.

— Никто не должен знать тайну Великой Вершины. Соня, ты даже близко не представляешь, что я чувствовал.

— Расскажи.

— Боль! Боль была страшная, когда я летел с горы. Поэтому я очнулся. Всё тело жгло огнем. Я был как раскаленный кусок мяса.

Соня посмотрела в раскрасневшееся лицо Эрвина. Чувствовалось, как ему тяжело и больно говорить об этом.

— Знаешь, это я выбросила фляжку, которую тебе дала Асанна, — сказала она.

— Вот и зря, — Эрвин пожал плечами.

— После этого питья ты становился каким-то чудовищем, не реагировал ни на что, — горячо возразила Соня.

— Ты преувеличиваешь. Это средство было как раз, чтобы уменьшить силу подъема. Чтобы я мог себя контролировать. Когда ты выбросила фляжку, сознание у меня помутилось. Я хотел идти только вперед и вверх как одержимый. Я думал только о Вершине. Хотя, я думаю, средство Асанны меня бы не спасло. Высота меня бы одолела.

Соня глубоко задышала.

— И всё-таки нам надо рассказать правду.

— Никто не должен узнать об этом. Это смертельное путешествие. Ты погубишь множество людей своим признанием, и в их числе будем мы, — жестко отрезал Эрвин, — ты и я.

Парень поднялся и вышел из пещеры.

Почти всегда их спор заканчивался подобным образом. Эрвин оставлял последнее слово за собой и уходил. Девушка вздохнула. Она смотрела на затухающий огонь и думала о том, как приятно сидеть около догорающего костра и как тяжело будет вновь куда-то идти. Так за неторопливыми размышлениями она растянулась на земле и погрузилась в приятную

полудрёму. Как жаль, что уже завтра они должны будут двинуться в путь.

В какой-то момент Соню обволокло мягкое приятное тепло, проникая, словно вода, в каждую клеточку её измученного тела. Она чувствовала за спиной биение родного сердца, словно материнскую заботу из самого раннего детства. Стук сердца окончательно успокоил и убаюкал её, освободил от тревог, забрал с собой печали предстоящего дня.

Глава 17. Поединок

— Эрвин, пусть дорогу выберет Горыныч! — первое, что сказала Соня, когда Эрвин пожелал ей доброго утра.

Улыбка застыла у парня на губах. Похоже, доброго утра сегодня не предвидится, и они опять поссорятся.

— Отличная новая идея? — спросил Эрвин, стараясь говорить как можно дружелюбнее. Он видел состояние Сони: темные круги под глазами, обветренные губы, бледная, почти прозрачная кожа. Наверное, она еще не отошла от спуска с Великой Вершины и не восстановилась.

— Это старая идея, и ты ее знаешь. Надо довериться Горынычу.

— Почему ты считаешь, что дракон умнее меня? Как такое может быть? Ты, вообще, себя слышишь? — Эрвин немного повысил голос.

Как ему достучаться до этой упрямыцы?

— Он не умнее, но умнее, если говорить твоим языком.

— Почему же нас взяли в плен верхотуры, когда мы летели в Энобус? Где был его инстинкт? — с трудом сдерживая раздражение, спросил Эрвин.

— И благодаря этому мы попали на гонки, — ответила Соня.

— А Калитка? Ты забыла, как Горыныч очутился в тюрьме? — Эрвин не терял надежды воззвать к здравому смыслу девушки.

— Если бы он не попал в тюрьму, не встретил дикарку, не вырвался на свободу, то не спас бы нас. По-твоему, это совпадение? Случайность? — Соня говорила хоть и спокойно, но в душе уже закипала обида. Эрвин никогда не прислушивался к ней, но сейчас она ощущала уверенность в своей правоте на сто процентов. Нет, ну, может, на девяносто пять. Но это почти одно и то же.

— Давно тебе хотела сказать, победа в гонке — полностью заслуга Горыныча. Там, на поле, он сам принимал все решения. И даже когда мне они казались неправильными и опасными, я не удерживала дракона.

— Так значит, если мы сейчас скажем Горынычу — лети куда хочешь...

— То это будет правильно, — перебила Эрвина Соня. — Я знаю, Горыныч чувствительный, он, даже странно говорить такое про дракона, ранимый и нежный. Но чувствительный — это не только его натура, это что-то совсем другое, даже не на уровне инстинктов, я не знаю, как сказать. Иногда думаю, что он делает неправильно, глупо, а потом бах — и всё на своих местах. Горыныч не перебирает и не оценивает варианты. У него внутри есть то, чего у нас с тобой нет.

— Ладно, пусть так, — согласился Эрвин. — Но если лучший выбор для Горыныча окажется лучшим для него, а не для нас? Он ведь животное, у него есть собственные желания.

Соня молчала где-то минуту, обдумывая слова Эрвина, а потом тихо сказала:

— Я думаю, наши желания давно переплелись. И то, что хорошо для него, будет хорошо

и для нас.

У Эрвина в голове крутились десятки доводов против Сониного предложения, но сейчас, в данную минуту, он не озвучил ни одного, только глубоко вздохнул, принимая решение.

— Ты неисправимая мечтательница и фантазерка, — сказал он, — ты не убедила меня ни на одну чешуйку, но я сдаюсь. Пусть будет по-твоему. Сейчас соберу вещи, и отправимся.

Эрвин вдруг осознал, что не может отказать той, которая, рискуя своей жизнью, подарила жизнь ему. Пора наступить на свою гордость, Соня действительно чувствовала глубже него.

* * *

Вот уже полдня Горыныч летел не известно куда, бодро махая крыльями. Эрвин сидел впереди, Соня устроилась за ним, обхватив его руками за пояс и уткнувшись головой в спину. С непривычки долгий полет утомил девушку. Самым невероятным оказалось то, что за ними следовала дракониха. Как только Горыныч поднялся в небо, Стрела тут же бросилась следом.

— Почему она летит за нами? Она что, пара Горыныча? — крикнула Соня почти в самое ухо юноше, оглядываясь на дикарку.

Эрвин и сам сильно удивился поведению новоявленной подруги. По его наблюдениям, дракониха равнодушна к Горынычу. Она не приближалась без надобности, не выказывала интереса, даже не смотрела на дракона, однако, почти всё время находилась в пределах видимости. Благоволение драконихи распространялось скорее на Соню, чем на Горыныча. К ней одной дикарка относилось с едва заметным доверием, что само по себе казалось удивительным. И сейчас, когда Стрела летела вслед за ними, никто не мог понять, что ею двигало.

Солнце уже поднялось высоко над горизонтом, когда крылья Горыныча всё реже и реже стали делать взмахи — всё-таки два седока ощутимо давили на него своей тяжестью. Решение о том, что следует отдохнуть, приняли единогласно, но в полном молчании: дракон просто спикировал на берег небольшой извилистой горной речушки в расщелине гор. Не прошло и минуты, как сюда же в некотором отдалении приземлилась дикарка.

— Может, она за тобой летит? — спросил Эрвин, помогая Соне сползти со спины Горыныча.

Девушка неопределенно пожалала плечами. Она ничего не знала о повадках диких драконов. Если Стрела летела за ней, то, что ей было нужно? Дикарей не сделать ездовыми, об этом Эрвин говорил с уверенностью. Тогда почему Стрела не хотела расставаться с ними?

Думать Соне совсем не хотелось. Единственное желание — вытянуться на траве во весь рост и не шевелиться, лежать в лучах послеполуденного солнца и нежиться в его тепле. Эрвин, что-то бурча себе под нос, притащил воды, потом запалил костерок. У них еще оставались кое-какие запасы еды. Да и Горыныч пару раз притаскивал какую-нибудь тушку убитого животного, голодными они с таким охотником не оставались.

В котелке забулькало мясо. Соня протерла глаза. Кажется, она вздремнула на солнышке. На руку ей больно шлепнулось что-то мокрое и скользкое, и сонное настроение мгновенно улетучилось. Рядом билась большая серебряная рыбина, колотя хвостом о землю. Невдалеке сидела дракониха, наблюдая за реакцией девушки.

— Она тебя покормить решила, — крикнул Эрвин. — Ну, дела!

Он подошел к Соне, чтобы забрать рыбину, дракониха утробно зарычала.

— Стрела, спасибо! — крикнула Соня, указав на добычу. — Эрвин ее сейчас приготовит. Не беспокойся.

Дракониха, перестав издавать рычащие звуки, отвернулась и двинулась в сторону, подальше от костерка.

Вечером, когда запеченная в углях рыба и легкая похлебка были готовы, пилигримы устроили царский ужин. Горыныч лежал рядом, ему тоже достались лакомые кусочки. Стрела же устроилась в отдалении, ее рыбалка оказалась удачной, и сейчас она, сыто прижмуриваясь, искоса посматривала на компанию у костра.

Было уже совсем темно, но серебристый свет луны рассеивал подступивший мрак. Когда небо не затягивали тучи, ночи в Верховии делались просто волшебными: мириады звезд на огромном небе вели свой неспешный хоровод, прокладывали тропинки, пути, дороги, терялись в глубинах Вселенной. Соня, закинув руки за голову, смотрела на небо.

— Она тебя опекает, — сказал Эрвин, взглянув на громоздящийся вдали силуэт дикарки.

— Что она от меня хочет? — еле слышно спросила Соня.

— А кто у нас укротительница драконов? — хмыкнул парень.

— Спокойной ночи, — ответила Соня, счастливо улыбаясь.

Рядом давно мирно похрапывал разомлевший Горыныч.

* * *

Утро удивило всех еще одной выходкой драконихи. Соня проснулась у той под боком. Видимо, ночью Стрела отогнала Горыныча и сейчас лежала рядом с девушкой, посверкивая желтыми глазами. На поднявшегося с земли Эрвина дикарка слегка рыкнула, давая понять, чтобы он не приближался. Протерев глаза, Соня осторожно встала и, не делая резких движений, похлопала Стрелу по шее.

— Может, ее оседлать? — спросила Соня, плавно отходя от дикарки.

Страх она не чувствовала, и почему-то девушке показалось, что после ее слов Стрела утвердительно кивнула.

— Я не уверен, что это хорошая мысль, — ответил Эрвин, глядя на Стрелу. — Как ты будешь ею управлять? Разве она когда-нибудь летала как ездовая? А если что пойдет не так? Если ей что-нибудь не понравится? Я ничем тебе не смогу помочь.

— Эрвин, она спасла меня из пропасти, когда никто ее об этом не просил и не приказывал. Я могу ей доверять.

— Это безрассудство. Никто никогда не летал на диком драконе. Они неуправляемы. Даже маленького дикаря невозможно приручить, а Стрела — взрослая самка.

— Ты не можешь знать наверняка. И, вообще, зачем ею управлять, когда она летит следом? А вдруг она станет вторым нашим драконом?

В ответ на эти слова дикарка одобрительно взрыкнула, будто действительно поняла, о чем речь. Где-то через четверть часа Соня всё-таки убедила Эрвина помочь ей в этой затее. Парень сплел из длинной лозы что-то наподобие поводьев, которые с опаской накинул на драконицу, хотя та стояла совершенно спокойно и хладнокровно восприняла незнакомый процесс.

Еще раз оглядев взнузданную дикарку, Эрвин оседлал Горыныча и взмыл в небо. Девушка не торопясь вскарабкалась по хребту на высокую жесткую спину Стрелы ближе к шее. Дикарка, подергивая ушами, стояла смирно, но едва Соня села между двух коротких гребней и ухватила за поводья, драконица распустила крылья и взлетела. Горыныч с

Эрвином ждали в небе.

— Горыныч, давай сам выбирай! — крикнул парень, подмигнув Соне.

И дракон, немного покрутившись на месте, взял курс одному ему ведомо куда.

Почти полдня Стрела летела в фарватере Горыныча. Эрвин без конца оглядывался на них. Соня совсем не управляла дикаркой, удивляясь ее послушности. Вскоре под ними появились горы, густо заросшие лесом. Они вздымались вершинами то ниже, то выше, но нигде не было ни дорог, ни тропинок, ни жилья, ни пастбищ, ни домашних животных.

Горыныч летел далеко впереди, Соня не заметила, как он потерялся из виду.

— Стрела, где Горыныч? Нам надо за ними, мы отстали, — крикнула Соня в ухо Стрелы, нагнувшись, насколько позволял жесткий гребень. Та, не дрогнув ни одним мускулом, продолжала бесстрастно лететь. Соня даже подумала, что дикарка чувствует маршрут Горыныча, и они скоро их найдут, просто горы закрывают обзор, и надо подождать.

Но сколько ни крутила Соня головой, Горыныч так нигде и не обнаружился. Прошел час и два, и три, а дракониха всё продолжала лететь в известном ей одной направлении. Суеты в ее движениях не было, она летела размеренно, спокойно, как будто с навигатором в голове. Стрела в один миг перестала реагировать на наездницу, и той не осталось ничего, кроме как беспомощно оглядываться по сторонам и смахивать бесполезные слезы.

Пролетев довольно большую часть пути, дракониха, сделав круг, приземлилась на площадку перед каменистым утесом, в центре которого зияла черная пасть огромной пещеры. Соня соскользнула со спины Стрелы, чуть не вывихнув ногу при ударе о землю, но дракониха даже не взглянула на нее. Похоже, Стрела вернулась домой.

Что ждало Соню в неведомом месте, она даже представить не могла. Оставалось надеяться, что Горыныч с Эрвином хватятся их и разыщут. Правда, Соня плохо представляла, как они могут найти ее.

— Главное, не паниковать, нельзя паниковать, — бормотала девушка, — всё будет хорошо.

Но паниковать пришлось уже через минуту, когда Стрела, распустив крылья, громко и протяжно закричала, вложив в рев всю мощь глотки дикого зверя. Дрожь сотрясла девушку, колени подогнулись сами собой, Соня судорожно оглядывалась по сторонам. Кого зовет дикая самка? Кто явится на ее призыв?

Вверху раздался шум крыльев, над поляной закружил большой бурый дракон. Стрела радостно взревела, дракон приземлился. Сонины ноги будто приросли к земле, она не знала, что делать. Бежать? Прятаться? Влезть на дерево? Скрыться в пещере? Ничто не казалось безопасным, она будто лишилась сил.

Оставалось только смотреть, как бурый дракон, наклонив голову и раздувая ноздри, приближался к своей подружке. Соня судорожно сглотнула, наблюдая за встречей. Она почувствовала себя маленькой песчинкой в руках судьбы, которая сейчас по своему усмотрению распорядилась ее жизнью. У Сони же не было ни малейшего шанса повлиять на ее выбор.

Бурый приблизился и остановился, выжидая. Стрела встала в боевую стойку, как перед поединком. Два дикаря напряженно глядели друг на друга, вытянув шеи. Дракон выпрямился и зарычал, Стрела зарычала в ответ. Их перебранка длилась несколько минут. Потом они замолкли и стали сблизжаться. Стрела, оскалив зубы, цапнула дикаря за шею, он в ответ схватил ее. Своеобразное приветствие неожиданно закончилось. Бурый увидел человека, напрягся и так рыкнул, что Сонины душа ушла в пятки. Стрела шагнула назад, распустила

крылья, прикрывая девушку.

Дикарь несколько минут буравил драконицу взглядом, затем отвернулся, показывая, что на добычу Стрелы не претендует. Соня облегченно вздохнула, ей дана отсрочка. Надолго ли?

Вечер встречи у драконов прошел отлично. Дракон вытащил из пещеры тушу козы, и двое дикарей на славу поужинали ею. Соня держалась в стороне, но старалась быть недалеко от Стрелы, надеясь только на ее защиту, ведь Бурый то и дело искоса поглядывал на девчонку. Ночь, как всегда, настала стремительно, сытые драконы притихли, и через некоторое время их храп разнесся над поляной.

Оглядевшись по сторонам, Соня не нашла ничего лучше, как тихонько залезть под крыло Стрелы. Прибежище рядом с дикаркой заставляло трепетать от любого ее движения, но всё же казалось самым безопасным. Темный лес вздымал исполинские деревья глухой стеной, черный зев пещеры пугал до дрожи, поляна была территорией Бурого, и в этом окружении только Стрела оставалась единственной родной душой. Хотя какая у дикарки могла быть душа?

От Сониного маневра драконица зашевелилась, всхрапнула, дернула крылом и затихла. «Надо думать о хорошем. Только не плакать, только не плакать, — твердила Соня, сворачиваясь калачиком, — всё будет хорошо». Отгоняя тяжелые мысли, она представила уютный шершавый бок Горыныча и чуть улыбнулась. Так незаметно и уснула.

Ночной сон драконов короток, с рассвета они пробуждаются, голодные и злые. Соне тоже пришлось вскочить ни свет ни заря. Взгляд Бурого не сулил ничего хорошего, он злобно глядел на девушку, жавшуюся к Стреле. Та расправляла крылья от ночного сна, а дракон, видимо, ждал, когда они начнут делить добычу. Но подруга дикаря не торопилась, она зарычала на Бурого, он оскалился в ответ. Завтрак откладывался. Начинался новый день, который не сулил ничего хорошего.

Соня даже представить не могла, насколько долго драконица будет защищать ее. И будет ли? В любую минуту Стрела может ослабить внимание, или просто ей надоест присутствие человека. Нет никакой гарантии, что девушкой не закусят на обед двое здоровых голодных дракона. Если драконы почувствуют ее страх, это будет для них сигналом к нападению. А Соня трусила неимоверно. Можно сколько угодно уговаривать себя держаться, но внутри всё дрожало от страха, и картинки одна ужаснее другой атаковали сознание.

Соня начала незаметно отступать к деревьям на краю склона, и тут на поляну приземлился Эрвин верхом на Горыныче. Парень быстро оценил обстановку. Два диких дракона, девушки рядом нет. Эрвин соскочил с Горыныча, оглядываясь по сторонам. Соня готова была броситься к нему в объятия, но между ними находился Бурый.

Стрела почему-то отошла в сторону, а Горыныч оказался напротив дикого дракона. И тут Соню озарило. Стрела всё подстроила специально: она не будет участвовать в драке, она хочет посмотреть, кто победит в схватке и кого ей предпочесть. Горыныч уступал в размере и весе Бурому, к тому же никогда не участвовал в поединках, попросту не умел драться. Соня взглянула на своего любимчика и не узнала его: он преобразился, от его добродушия не осталось и следа.

Горыныч приготовился к бою. Соперники вытянули шеи и начали сближаться. Они налетели друг на друга, одновременно выпустив шипы. Дикарь сбил Горыныча с ног, но Горыныч вывернулся из-под него и опять принял боевую стойку. Его небольшой размер давал ему преимущество в стремительности и верткости, на которые большие драконы были

не способны.

Дикий вновь налетел на Горыныча, стараясь поранить его шипами. Горыныч отпрянул, потерял равновесие. Сила не на его стороне. Соня закричала:

— Поднимайся в воздух, вверх!

У Горыныча мгновенно сработал инстинкт, он почти всегда слушался команд наездницы. Взмахнув пораненным крылом, он взлетел, Дикарь поднялся за ним. Драка продолжилась в воздухе. Два дракона налетали друг на друга, рвали зубами, били крыльями, стараясь резануть шипами. Преимущество Горыныча в воздухе стало очевидней, он вертелся как сумасшедший, демонстрируя чудеса эквилибристики: вращался бочкой, взмывал вверх, падал сопернику на голову, камнем валился вниз и по касательной уходил в сторону. Он вымотал противника, Бурый не успевал отвечать на выпады.

И тут Горыныч нанес последний, фирменный удар: подлетел к дикарю, крутнулся под него, сложив крылья, и с силой врезал ему когтистыми лапами в брюхо. Бурый взревел и бросился наутек.

Победитель с пораненным крылом приземлился на поляну. Он тяжело дышал, в глазах еще сверкали отблески битвы, но вид был совсем не устрашающий. Стрела зашипела, вытянув шею к Горынычу, он же, не удостоив ее взглядом, пошлепал к Эрвину и Соне.

Девушка кинулась на шею дракону. Тот довольно заурчал, он любил ласку. Стрела ревниво рыкнула. Горыныч огрызнулся, но это не было ответом на призыв. Эрвин забеспокоился:

— Надо улетать, Дикарь может привести других драконов, — он посмотрел на Соню, — взбирайся на Горыныча, полетим вместе, больше никаких экспериментов.

Соня послушно влезла в седло. Эрвин последовал за ней. Горыныч с трудом поднялся в воздух. Стрела оглушительно закричала, но Горыныч и ухом не повел. Кажется, он обиделся. Не поднимаясь высоко, дракон летел над лесом, взяв курс, как показалось Эрвину, на Межгорье.

Глава 18. Ледяное озеро

Всё было, как в первый раз. Да, они, действительно, летели в Межгорье. Только совсем другие чувства сейчас одолевали двух всадников. Эрвин управлял Горынычем, голова Сони лежала на плече юноши, глаза ее были закрыты, как будто девушка спала. Но она не спала, а крепко держалась за Эрвина. Соня думала. Столько событий произошло за короткое время. Но ни одно из них не приблизило ее к дому. Наоборот, она удалялась от него всё дальше и дальше...

Дрему Сони прервала команда Эрвина, девушка встрепенулась. Не может быть! Они планировали на берег Ледяного озера. Соня оглянулась. Надвигались сумерки. Так она действительно уснула. Ведь летели они почти целый день. Как только не свалилась с Горыныча?

Их тряхнуло, дракон приземлился. Только сейчас Соня поняла, что привязана к Эрвину широким поясом. Парень сообразил, что Соня уснула, и умудрился привязать ее к себе. Он беспокоился о ней. Соне так приятна была эта мысль, что она захотела немедленно поблагодарить Эрвина, но благодарности не получилось. Вышло какое-то невнятное бормотание, потому что под пристальным взглядом друга Соня неожиданно смутилась. Она опустила глаза, растирая затекшие руки и делая вид, что ее интересует только собственное тело.

Справившись с первой волной смущения, Соня огляделась. Горыныч приземлился в том самом месте, где они были раньше. Дракон устал и свалился спать без всякой команды.

Воспоминания о первом путешествии к Ледяному озеру у Сони остались самые противоречивые. Но не успела она подумать об этом, как ее позвал Эрвин.

— Соня, — сказал он, — я принял решение, похоже, вместе с Горынычем, — усмехнулся парень, — завтра полетим в мою избушку.

— Разве она твоя?

— Я не сказал тебе сразу. Она принадлежала моему деду. Потом, когда его арестовали, бабушка и мама переехали в Энобус. А за домом присматривали Идепиусы: Вергилий и Лири. Но они редко в нем бывали. Межгорцы не любят ходить вверх, а еще больше не любят спускаться. Позже, когда подросла Асанна, она облюбовала этот домик и стала туда наведываться заодно с Ларри. Я там иногда обитал, когда смог самостоятельно приехать в Межгорье.

— Вот почему ты сказал, что я могу там хозяйничать, — Соня улыбнулась Эрвину.

— Я боюсь, что лесной дом сейчас опасен.

— Почему?

— Во-первых, это мой дом. Во-вторых, мы там часто бывали. Я думаю, об этом известно, — Эрвин нахмурился.

— У меня есть вариант, — сказала Соня. После приключения со Стрелой, она чуть меньше доверяла интуиции Горыныча. Дракон, конечно, нашел её, но страху девушка натерпелась достаточно.

— Какой? — Эрвин даже хмыкнул от удивления.

— Можно лететь в Мироград. Люся и Веригла обещали помочь, если понадобится, — выпалила Соня.

— Они помогут государственным преступникам? — взвился Эрвин. Воспоминания о мироградцах у него остались далеко не радужные: — Я им не доверяю. За победу в эстафете и не то посулишь!

— Мироградцы — честные люди.

— Ты их узнала за одну гонку? Как тебе удалось? Ты еще в Светозар соберись к Добромиру в гости! — Эрвин разошелся не на шутку.

— Добромиру Светозарову мы, вообще-то, обязаны жизнью, — сказала Соня, выдержав паузу.

— Надо же! Вот, оказывается, кто наш спаситель! — Эрвин был уязвлен.

— Добромир приходил ко мне перед походом на Вершину. У нас был разговор.

— Неужели? — перебил Эрвин. — Наверное, хотел выведать рецепт чудо-средства?

— Добромир помог мне свидеться с Горынычем. Возможно, он кого-то подкупил. Ильза Раструб мне наотрез отказала. Там, в тюрьме, я приказала Горынычу сбежать. Ну а продолжение ты знаешь.

Эрвин не торопился с ответом. Рассказ Сони поразил его.

— И всё же сейчас мы никому не можем доверять.

— Вообще никому?

Соня пристально взглянула на Эрвина. Он смутился.

— Я доверяю Асанне, — немного помолчав, ответил он.

— Если она узнает про Вершину, никому не скажет? — Соня старалась говорить спокойно.

— Не скажет, — Эрвин отвел взгляд. — Знаю, ты недолголюбишь Асанну, но это личная неприязнь.

— Ты нравишься ей, вот мое мнение.

— Она тоже мне нравится, — ответил Эрвин, — она верный товарищ. Я не рассказывал тебе, что она попросила меня достать яйцо дракона. Я ведь работал помощником в Инкубаторе.

— Разве не драконихи высидывают яйца?

— Нет, это делается искусственным путем, потому что самки становятся очень агрессивными, не подпускают никого к своим чадам. А без участия человека в воспитании детенышей с самого начала не получится вырастить хорошего дракона.

— А зачем Асанне яйцо?

— Она хотела добавить его в свое лекарство.

— Вот о чем толковал Ларри тогда! — догадалась Соня. — Это была его идея?

— Верно. Мне поручили уничтожить бракованное яйцо, а я тайно вынес его из Инкубатора и притащил домой, чтобы передать Асанне. Но когда я разглядел через скорлупу зародыш, я решил не отдавать яйцо. Я захотел сам выходить дракона. И, как видишь, получилось, — Эрвин улыбнулся, глянув в сторону спящего Горыныча.

— Асанна разозлилась на тебя? — Соня взглянула на Эрвина.

— Конечно, она была недовольна. Ведь мы были в шаге от средства, которое могло бы помочь.

— Разве нельзя было открыто высказать ваше предположение?

— Кто бы нас послушал! Да и вообще, хотелось всё сделать самим, — Эрвин взлохматил волосы. — Но я не принес яйцо, Асанна не приготовила то, что задумала.

— Зато у тебя есть Горыныч, — сказала Соня. — Вот куда мы его спрячем? Мы засветились с ним на весь Энобус.

— На всю Верховию, если честно.

Эрвин хмыкнул. Мысль о гонке была ему приятна. Горыныч одержал победу над лучшими гонщиками Верховии. Правда, слава сейчас только во вред.

Он вздохнул:

— Соня, в лесу оставаться нельзя, у нас нет еды, нас ищут кругляши. Они могут появиться в любой момент.

— Я переживаю за Горыныча, — ответила Соня, — ведь он сбежал из Калитки. Здесь появляются верхотуры?

— Они везде бывают. От них тоже надо прятаться.

— Нам надо найти дверника, — сказала Соня. — Какие мысли по этому поводу?

— У меня было ощущение, что Зарх что-то знает, — Эрвин слегка нахмурился. — Вот он бы мог нам помочь.

— К кругляшам нельзя, они меня приговорили, — напомнила девушка.

— К ним нельзя, — вздохнул Эрвин. — Я, честно сказать, не понял слова Зарха. Что он там толковал?

— Мне надо пройти свой путь до конца, — сказала девушка, — эти слова можно сказать любому. Разве можно пройти путь до середины?

— Можно начать какое-нибудь дело, а потом бросить его.

— Всё равно не понимаю. Что я должна доделать?

Разговор понемногу стих. Ночь выдалась светлая, теплая, звездная. Соня лежала на

подстилке из пахучего лапника, накрытая, как одеялом, широкими толстыми листьями, заботливо собранными Эрвином. Она глядела в бездонную высь с серебряной россыпью мерцающих звезд, удивляясь мыслям, которые накатывали на нее как прибрежные волны.

Она думала о родном доме, но как-то отстраненно, без страдания и тоски. Она чувствовала себя безмятежно и умиротворенно. Ночной ветер приносил запахи леса, цветущих трав, сменяясь озерной прохладой. Иногда вскрикивала лесная птица, ветер шелестел в кронах деревьев. Но ничего не волновало Соню.

Она повернулась на бок, рядом с ней спал Эрвин. Он рядом, и это главное. В его присутствии заключались ее спокойствие и тихая радость. Когда только он успел занять столько места в ее жизни? Как получилось, что на нем сосредоточились Сонины помыслы и грезы?

Как сошлись звезды, которые неведомыми путями свели их вместе? Что это было? Как это происходит? Соня удивлялась и одновременно не удивлялась, как будто когда-то и где-то было давно предрешиено, что они встретятся.

Соня ошибалась, Эрвин не спал. Он только делал вид. На самом деле, он думал. И думал о Соне. Эрвин знал, его родной мир был чужим для девушки, ей пора возвращаться домой. Эта мысль мучительно грызла его, как ноющая боль. Перед юношей стояла дилемма: помочь Соне вернуться домой или не отпустить ее от себя. Эрвин видел, что Соня не спит, не говорить с ней не собирался. Ему не хватало смелости сказать то, о чем он думал. Он не мог возложить на ее плечи решение этой задачи. Эрвин вздохнул. Выбор, который он сейчас делал, совсем не радовал его.

Завораживающие огоньки в небе пели свою безмолвную колыбельную. Соня задремала, когда кто-то позвал ее по имени. Девушка мгновенно проснулась. Зов повторился. Соня села, аккуратно откидывая с себя широкие зеленые листья. Она встала, двинулась к озеру, над которым клубилась туманная дымка. Волшебное озеро звало, манило к себе.

«Пить хочу, — подумала Соня, подошла к самой кромке, присела, зачерпнула воды и удивилась: — Странно, где вода?»

Она погрузила руку глубже, разводя в стороны туманную хмарь, но опять не почувствовала живительной прохлады. Озеро клубилось темным маревом, как будто полностью превратившись в него. Соня выпрямилась, шагнула вперед. Наверное, она далеко от воды.

«Иди, иди сюда, иди», — нашептывал голос в ее голове.

И Соня, всё больше погружаясь в туман, шла.

— Соня! — отчаянный дикий крик привел ее в чувство.

Девушка вздрогнула, она по грудь стояла в ледяной воде.

— Соня! — крик повторился.

Она оглянулась. Это голос Эрвина, его знакомая фигура. Парень бросился в воду, приближаясь к ней. Схватил ее за руку, поволок на берег. Соня мгновенно замерзла. Зубы выбивали дробь, мокрая одежда прилипла к телу, девушку сотрясала крупная дрожь.

— Ты с ума сошла, куда тебя понесло? — Эрвин тащил Соню подальше от озера, к месту, где они устроили ночлег.

— Я не знаю, я не чувствовала воды, шла, шла, как по берегу. Я хотела пить.

Эрвин сбросил с плеч мокрую рубаху, выжал ее, повесил на ветку дерева, нависшего над лапником. Соня трясущимися руками стягивала с себя футболку.

— Зря мы здесь остановились. У этого озера дурная слава. Ходят слухи, здесь пропадали

люди, — Эрвин через плечо бросил Соне свою куртку. — Надень сухое.

Соня с трудом стащила мокрые джинсы, переступила через них, схватила куртку парня.

— Ничего страшного. Я в этом озере однажды с Горынычем искупалась, — Соня зарылась носом в мягкую подкладку куртки.

— Что? Ты мне не рассказывала, — голос Эрвина изменился, он обернулся к Соне. — Это плохо.

Соня почувствовала, как парень напрягся.

— Мы тогда упали в озеро, но потом выбрались на берег, — сказала Соня, чтобы успокоить Эрвина.

Но ее слова произвели обратный эффект.

— Ты побыла в воде Ледяного озера? Это очень, очень плохо!

— Что тут такого?

— Вода теперь знает тебя.

— Что за бред?

— Это озеро находится в разломе. Здесь преломляются энергетические поля, образуя вихревые воронки.

— Это просто географический разлом, впадина, в котором образовалось озеро.

— Конечно, здесь и физический разлом земли. Но, главное, энергетический. И вода — проводник этой энергии. Расскажи подробнее. Вы упали в озеро, что дальше?

— Ничего. Я потеряла сознание. Очнулась уже на берегу. Горыныч вытащил меня.

— Получается, ты могла утонуть здесь? — от возгласа Эрвина Соня невольно поёжилась.

— Что за ромашка? Могла, не могла.

— Дело в том, что теперь озеро знает тебя и считает своей добычей.

— Зачем озеру добыча? Оно что, голодное? Это просто вода, — Соня хотела разрядить обстановку.

— Ты можешь говорить что угодно, но это ты ночью пошла на глубину и даже не чувствовала холода, — Эрвин натянул на себя выжатые брюки, а джинсы Сони развесил рядом со своей рубашкой.

— Лучше скажи, как ты проснулся? — Соня смотрела на белеющий в темноте обнаженный торс Эрвина, ей не хотелось слушать страшилки про озеро.

— Мне приснилась какая-то жуть, открыл глаза, тебя рядом нет, а потом увидел твоё очертание в воде.

— Странно всё это, — Соня плотнее закуталась в куртку Эрвина.

— Думаю, между нами тоже есть связь, — Эрвин приблизился к Соне. — Ты ведь дошла ко мне на Вершину? — Эрвин осторожно обнял девушку. — Так теплее?

— Намного теплее, — голос ее оттаял. — Я не доходила, я там очутилась.

— Ты самая первая волшебница в Верховии. С тобой всё время что-то происходит. Вот и озеро захотело ближе познакомиться, — Эрвин улыбнулся, его лицо оказалось совсем рядом с лицом Сони.

— А ты не дал состояться нашей встрече, — ответила девушка очень серьезно, только в глазах сверкнула смешинка.

— Кто знает, что бы получилось из нее? — Эрвин прикоснулся губами к губам Сони.

Минута превратилась в вечность. Казалось, всё вокруг застыло, и Соня как будто перестала дышать, перестала ощущать себя. Колени ее подкосились, и она повисла на руках

Эрвина. Он бережно посадил ее на лапник и уселся рядом.

— Давай поспим еще немного, — сказал он, — только я не выпущу тебя из объятий.

— Не выпускай, — легко согласилась Соня и как будто невзначай прикоснулась губами к ямочке на его шее.

Колдовская ночь отступала, светало. Клубы тумана над водой понемногу рассеивались. Закряхтел и заворочался Горыныч, который уполз подальше в лес, всё пропустил, зато выпался как младенец. Ничто не беспокоило сейчас Соню и Эрвина. Прижавшись друг к другу, они уснули.

«Вот и всё, что нужно тебе, — прозвучал где-то на периферии сознания мотивчик популярной песенки. — Вот и всё, что нужно ему».

Глава 19. Предательство

— Сволочь, ты сволочь! Друг, называется!

Соня услышала знакомый голос и мгновенно проснулась. Она быстро поднялась и незаметно выглянула из комнаты. В центре стояла разгневанная и плачущая Асанна, на стуле рядом сидел Ларри, взволнованный не меньше сестры.

— Мы чуть с ума не сошли, думали, больше тебя не увидим! — Асанна всхлипнула.

— Я так не думал, — пробубнил Ларри.

Эрвин вскочил с тахты, накинул на себя одеяло и бросился обнимать Асанну. Соня хмыкнула: надо же, он ее утешает. Как будто не Эрвин, а Асанна была на Вершине. Нечего сказать, артистка. Но тут же ощутила укол совести: вот опять она осуждает Асанну, а ведь та волновалась за них. Правда, последнее время Соня почти не вспоминала сестру Ларри. Это на горе, когда Эрвин пил лекарство Асанны, Соня ощущала такую злость на нее, что тайком выбросила фляжку. Хотя потом выяснилось, что зря она это сделала.

Соня вернулась в комнату, натянула одежду, пригладила волосы и вышла в парадную комнату. Ларри смотрел на Соню. По его напряженному лицу девушка поняла, что парень сильно взволнован.

— Соня, — Ларри вскочил со стула, — прости меня! Что я выдал тебя на Высотомере. Я не мог соврать.

— Я знаю, что не мог. Ты не при чем. Всё было решено заранее, может быть, уже на гонках.

— Ты на меня не сердись? — Ларри выглядел жалко.

Соня улыбнулась.

— Не сержусь. Всё хорошо, мы же здесь.

— Дружище, она говорит правду, — Эрвин ощутимо хлопнул Ларри по плечу.

Тот сразу замолк и стал потирать ушибленное плечо, искоса бросая взгляды на Соню.

— Всё в порядке, я сегодня даже выпалась, — сказала она. Шутка про соню традиционно развеселила друзей.

Всё стало, как прежде. Никто никого не обвинял, никто не держал камень за пазухой.

— Вы не представляете, что здесь было после того, как вас отправили на Вершину, — затараторил Ларри. — Ильзу Раструб сместили с должности. Ее обвинили в самоуправстве. Она ведь послала вас на Вершину, не доложив наверх. Старейшины осудили Ильзу и весь ее Совет Меры.

Асанна накрыла стол, чайник вскипел, друзья уселись завтракать.

— Значит, эта гримза больше не будет нас преследовать? — Соня уплетала домашние

булки за обе щеки. — Всё гораздо лучше, чем мы думали.

— Ильза лишилась своих приспешников. Вот так, — сказала Асанна, — нас вызывали и допрашивали.

— Так многих вызывали. Мне кажется, Добромир подозрительно быстро смылся, — Ларри выразительно посмотрел на Асанну. — А вот Веригла был с нами, он очень сожалел, что так вышло. Он не знал об испытаниях на Высотомере в тот день. Он мог бы вас защитить, к его голосу бы прислушались.

— Наверное, и хорошо, что так получилось, — сказал Эрвин, — хоть отъедемся сейчас здесь.

Все опять засмеялись.

— Как вам удалось спуститься, я хочу знать всё-всё до капельки, — Асанна лучилась от счастья.

— Мы не поднимались на Вершину, — в тон ей ответил Эрвин.

— Но вы же перешли черту? — Ларри не мог поверить.

— Ну, и что, — Эрвин улыбнулся как можно искреннее. — Во-первых, со мной была Соня, а во-вторых, фляжка Асанны с ее ужасной бурдой.

— Ты хочешь сказать, что лекарство помогло? — Асанна так и подпрыгнула. — Как оно действовало, расскажи?

— Я был какой-то заторможенный, если честно, и Соне не потребовалось много сил, чтобы увести меня вниз. Мы просто долго шли обратно. Обходили все селения стороной.

— Так вы же кое-чего не знаете! — Асанна чуть не свалилась с лавки. Ей предстояло сообщить невероятную новость.

— Что случилось? — Эрвин нахмурился. Ее воодушевление заставило его насторожиться.

— Горыныч сбежал из тюрьмы! — воскликнула Асанна.

— Новость устарела, — Эрвин облегченно вздохнул. — Горыныч давно с нами, наверное, сейчас дрыхнет в кустах. Под стать нашей Соне.

Все снова засмеялись. «Сколько можно талдычить одно и то же», — подумала девушка, взглянув на друга.

— Если бы ты знал, какой переполох наделал его побег. Говорили, с ним сбежала дикая дракониха, — выпалил Ларри.

— Стрела, — поправила Соня.

— Что? — не понял Ларри.

— Ее зовут Стрела, Соня дала ей имя, — засмеялся Эрвин.

— Вы видели дикую дракониху? — поразились Асанна.

— Соня летала на ней, — ответил Эрвин.

— Не может быть! Они нападают на человека! — Асанна не могла поверить.

— У нас есть укротительница драконов, вот и весь секрет, — Эрвин подмигнул Соне.

От его взгляда укротительница вспыхнула огнем, Асанна принялась усердно подливать чай, а Ларри стал тщательно сметать в кучку хлебные крошки и скатывать их в шарик.

Ларри Идепиусу нравилась Соня. Ему хотелось, чтобы столь необыкновенная девушка обратила на него внимание. То, что она необыкновенная, он почувствовал с первой встречи. Ее интерес ко всему новому, открытость, смелость, любовь к Горынычу поражали Ларри. Особенно ему нравились Сонины выразительные глаза: светло-серые с зелёной окантовкой вокруг зрачка.

Всё это Ларри видел, как через увеличительное стекло, и его восхищение Соней росло с каждой встречей. Ему хотелось быть рядом, быть нужным, заботиться о ней. Ларри тихо вздохнул. Он счастлив, когда Соня рядом. И он завидовал Эрвину, который ей ближе. Неприятное чувство кольнуло его. Почему Эрвин, почему не он? Ларри казалось, что он гораздо лучше относится к Соне, чем Эрвин.

— Что плохо едите? — Асанна нарушила паузу. — Мамины плюшки.

— Очень вкусно, спасибо, — поблагодарила Соня и, так как ей хотелось провалиться сквозь землю от смущения, поднялась из-за стола, сказав: — Надо проведать Горыныча. Странно, что вы его не заметили.

— Эй, Горыныч — мой дракон, если что.

Эрвин опять завел старую песню. Соня пожалала плечами. «Как старый дед, одно и то же по сто раз», — подумала она, выходя из дома.

Ларри облегченно хмыкнул. Вот он-то с Соней так не обращается. Асанна скептически взглянула на брата, она не разделяла его мнения. Асанна видела, кто тут настоящая пара, и это ее, честно признаться, огорчало. Девушка давно поняла, что стала относиться к Эрвину гораздо нежнее, чем раньше. Ей казалось, что Эрвин отвечает взаимностью, но когда появилась Соня, всё изменилось.

При всей грубоватости и резкости, которую Эрвин иногда демонстрировал в отношении Сони, было видно, юноше она нравится. А теперь, когда эти двое так неожиданно появились, стараясь не рассказывать о своем походе, Асанна поняла без слов, что их чувства друг к другу окрепли. Зря Ларри вздыхал и мечтательно смотрел на Соню, в ее сердце поселился другой, с этим ничего невозможно сделать. Асанна встрепенулась. Почему невозможно? Асанна единственная знала тайну девушки. Она знала, что Соня пришла из другого мира. Надо помочь ей быстрее вернуться обратно. Тогда бедный Ларри перестанет вздыхать, и Эрвин успокоится.

В горницу вернулась Соня. Асанна взглянула на нее почти ласково. «Легка на помине», — подумала она.

— Горыныча нигде нет, — скрывая тревогу, сказала Соня.

— Дракону надо охотиться. Он волю почуял, его туда тянет, — сказал Эрвин.

— Он и раньше был свободным, и всегда возвращался.

— Горыныч помнит дорогу, не переживай, — успокаивающе заверил Эрвин.

— Помнит дорогу, — вздохнула Соня.

— Потерять память, наверное, ужасно, — Асанна участливо взглянула на нее. Показывать свою осведомленность она не собиралась.

Эрвин нахмурился. Ларри заерзал на стуле.

— Конечно, — спокойно ответила Соня, — потерять ужасно, но вспомнить можно.

Неловкая пауза, возникшая после ее слов, недвусмысленно намекнула, что межгорцам пора домой. Чаепитие по инерции продолжилось еще немного. Наконец, Асанна, демонстративно взглянув на часы, толкнула брата локотком в бок.

— Вставай, уже поздно, засиделись мы.

— Давай еще останемся, — Ларри болезненно скривился, острый локоть сестры чувствительно ткнул в ребра.

— Нельзя. На нас теперь внимательно смотрят.

Асанна говорила правду. За их семьей велось негласное наблюдение.

— Вы же еще здесь побудете? — обратилась она к Эрвину.

— Вероятно. Надо всё обдумать.

— Спи спокойно, — в голосе Асанны прозвучала уверенность, — удача теперь на вашей стороне.

Прошла ночь, потом день, настал вечер, а Горыныч так и не появился. Эрвин, плотно поужинавший остатками домашних вкусностей, уже давно спал. Ощутимо похолодало. Соня, накинув на плечи колючий шерстяной плед, вышла на поляну. Она всё больше беспокоилась за Горыныча.

Ночь выдалась безлунная и темная. Небо скрылось в тучах. От мрачного вида в голове возникали такие же мрачные картины, главным героем в которых был ее любимец. Горыныч никогда так надолго не улетал. Правда, один раз он исчез, но только потому, что чувствовал себя страшно виноватым. Причин для исчезновения сейчас Соня никак не находила.

Девушка присела на крыльцо, дыхание леса успокаивало. В доме ее страхи умножились гораздо быстрее, чем на крыльце. Ночь прогоняла расшалившиеся мысли, баюкала мягкими звуками, ласкала нежным ветерком, опьяняла тонкими ароматами лесной свежести.

Слегка покачиваясь, Соня закрыла глаза. Какое блаженство. Громко вскрикнула ночная птица, девушка разлепила ресницы. На противоположной стороне поляны на фоне леса виднелся силуэт человека. Реакция Сони оказалась такой стремительной, что в другое время она поразилась бы самой себе. Через секунду девушка уже юркнула в дверь, задвинула засов и бросилась в дом.

— Эрвин, там люди! Они идут сюда.

Шепот Сони разбудил парня. Без единого звука в полной темноте он вскочил, надел штаны, рубаху, распахнул окно, выходящее в сторону леса, и в один присест выскочил из него. Подставил руки, чтобы поймать Соню, которая выпрыгнула следом. Всё это было сделано стремительно и в полном молчании, два товарища по несчастью не первый раз сбегали от преследователей. Репетиций было достаточно.

Эрвин замер, прислушался. В звуках ночного леса нет ничего необычного, но где-то недалеко люди, которые пришли сюда не для простой прогулки. Эрвин молча указал Соне направление, и они, пригибаясь, бросились к спасительному лесу. Беглецы были уже рядом с деревьями, когда навстречу им выскочило двое.

Эрвин кинулся на противников, завязалась драка. Соня скрылась в лесу, пробежала немного по инерции и остановилась. Глухие удары и сдавленные выкрики, раздававшиеся с поляны, не давали ей сделать ни шагу. Она круто развернулась и бросилась обратно. Как она могла оставить друга?

Девушка выбежала из лесу навстречу врагам в тот самый момент, когда они скручивали руки Эрвину. Соня молча бросилась на одного них и сбила его с ног, но из-за дома вывернули еще двое, а с ними женщина. Сзади девушку обхватили чьи-то мощные руки и оторвали от земли. Соня вырывалась, пиналась, но силы были неравные, и двух пленников потащили в домик. Только сейчас она поняла, кто напал на них: Ильза Раструб и ее люди.

Эрвин был прав, охотников за их головами стало слишком много. Ильза, как всегда, опередила всех. Теперь она восседала на стуле, почти нежно глядя на двух пташек, попавших в сети. Кажется, настал ее звездный час.

— Что молчим? — Ильза пребывала в хорошем настроении.

— Говорить с тобой? — Эрвин дерзко взглянул на нее.

— Рассказывай о средстве, — неожиданно грубо рявкнула Ильза. Этот мальчишка мгновенно разозлил ее.

— Мы не были на Вершине, — проговорил Эрвин, — мы не дошли.

— Как это вам удалось? Высота никого не отпускает, — чуть придержав эмоции, спросила Ильза.

— Соня увела меня вниз, — ответил Эрвин, глядя прямо в глаза удаву.

— Связала по рукам и ногам? — едко пошутила глава Меры.

— Ударила по голове и утащила, — пояснил юноша.

Ильза окинула Эрвина с ног до головы пронзительным взглядом. Этот мальчишка хочет с ней тягаться?

— Поговорим на Высотомере, как рассветет, выдвинемся в Энобус.

Ильза выглядела очень довольной, но Соне показалось странным, почему ее ни о чем не спросили. Как будто девушку ждало нечто ужасное, которое было всем известно, но сейчас, чтобы не спугнуть глупую пташку, все делали вид, что она их не интересуется. Пусть девчонка остается в неведении. Так будет лучше для нее и всех остальных. Удивительным образом Соня почувствовала их мысли. Эрвин прав, эти люди любой ценой постараются узнать, как и почему она не чувствует боли.

Глава 20. Бой в небе

До рассвета оставалось совсем немного. Соня лихорадочно перебирала варианты побега, ей казалось, что мозг сейчас снесет голову, как кипящий бульон крышку. Что можно предпринять с завязанными руками, глядя, как светлеет за окном?

«Горыныч! — молнией блеснула мысль. — Он где-то рядом».

Соня, стараясь дышать глубже, сосредоточилась. Она позовет его. Больше надеяться не на кого.

Горыныч, мы в беде. Горыныч. Нам нужна помощь! Горыныч, прилетай

Соня повторяла эти фразы, стараясь думать только о драконе. Она вспомнила его хитрые глаза, зубастую пасть с полуулыбкой, жесткую серебристую шкуру, терпкий животный запах, его узкие крылья. Горыныч, ее любимый умный дракон, всегда выручал девчонку. Он должен услышать. Он почувствует ее призыв.

Пленников заставили подняться и вывели на поляну. Здесь уже топталось пять драконов. Ильза свистнула, из укрытия показался еще один черный дракон. Соня проследила, как глава Меры оседлала его. «Так она бывшая гонщица, — догадалась девушка, — и дракон знакомый. Не он ли напал тогда на нас?»

Соня перевела взгляд на светлеющее небо, продолжая упорно звать Горыныча. Ее довольно грубо усадили позади верхотура с противным лицом и жесткими черными волосами, похожими на свиную щетину. Ядовито-зеленый дракон в землистую крапинку, на котором надо было лететь, казался грязным. Эрвина заставили взобраться на спину самого мощного дракона из всей группы. Управлял гигантом верхотур по имени Шлос (Соня слышала, как его окликали), под стать своему дракону: высокий, толстый и неповоротливый.

Ильза Раструб оглядела всю компанию и дала сигнал на взлет. Один за другим шесть драконов поднялись в небо. Соню крепко привязали к седлу, ей даже трудно было двигаться. Девушка подергала веревки, пытаясь ослабить их, но мастерски завязанные узлы не поддались ни на йоту. Соня злобно смотрела в спину верхотуру: на его замызганную куртку, на черную щетину волос, торчащих из-под треугольной шапки. Кажется, ее взгляд мог прожечь и камень, но враг даже не шелохнулся.

Группа драконов летела над горными склонами, чаще выбирая дорогу по ущельям. Соня

поняла: Ильза прячет свой отряд, чтобы остаться незамеченными. В ущельях драконам приходилось лететь цепочкой. Они старались держаться друг от друга подальше, соблюдая безопасную дистанцию.

Соня со «свиньей в треуголке», как она обозвала верхотура, летели вторыми в колонне. Сейчас их путь пролегал по узкому ущелью, с двух сторон которого нависали голые скалы, а внизу бурлила горная река. Мрачные каменные стены навевали тяжкие предчувствия, и девушка даже не поняла, что случилось, когда на них сверху обрушился Горыныч. Он мощным ударом лап вырубил обидчика, затормозил и взмыл вверх. Соня закричала от страха, а ядовито-зеленый дракон от удара чуть не врезался в склон.

В следующую секунду вся картина предстоящего боя пронеслась у девушки в голове. Горыныч против пяти драконов, она со связанными руками крепко привязана к седлу и не может управлять животным, Эрвин в таком же положении в придачу с верхотуром.

Соня ударила пятками в бока дракона, он не отреагировал. Бездыханное тело верхотура, пристегнутое карабином к седлу, болталось как тряпичная кукла. За поясом у верхотура она еще раньше заметила кинжал в ножнах. Девушка согнулась пополам, вытянувшись вперед так, что затрещал позвоночник, связанными руками ухватила рукоятку ножа. Над головой раздались свирепые вопли и свист крыльев, но Соня не могла взглянуть туда. В такой тряске на неуправляемом драконе она должна удержать кинжал и принять устойчивое положение.

Наконец, ей удалось сесть. Теперь требовалось разрезать веревки, но дракон качался из стороны в сторону, не давая возможности это сделать. Соня не знала имени этого ядовито-зеленого чудища, чтобы окликнуть его. Прямо перед ними пролетел Горыныч, он ловко ушел от преследования, в то же время глянул на девушку, оценивая ее состояние.

— Я справлюсь, — крикнула она ему.

В узком каньоне неудобно драться, Соня поняла, что Горыныч специально выбрал это место. Один против шести противников он бы не выстоял в открытом небе. В который раз девушка подумала, что ее дракон стоит тысячи подобных.

Соня пилила веревки о кинжал, который зажала коленями. На ее счастье, лезвие оказалось острым, и веревки слетели, подхваченные ветром. Соня оглянулась. Пять драконов распределились и нацелились на Горыныча. Медлить нельзя. Девушка двумя ударами перерубила веревку, которой была привязана к седлу, встала на колени, подползла к верхотуру, отстегнула карабин и вытолкнула безжизненное тело из седла.

Раньше Соня пришла бы в ужас от своего поступка, но сейчас, когда их жизни грозила опасность, страх отступил на периферию сознания. Она едва глянула вниз, куда улетел верхотур, села в седло, схватилась за поводья и силой потянула их на себя. Дракон остановился, Соня развернула его и пришпорила. Самое время ринуться в бой, зря все забыли о ней.

Дракон, которого она окрестила Зеленоухой, сделав несколько мощных взмахов, пошел вверх. Теперь стало видно, как Горыныч метался в стороны, уходя от преследователей, которые вытесняли его из ущелья наверх.

Два против пяти, сейчас посмотрим

Соня направила дракона на ближайшего противника. Зеленоуха, кажется, понял, что от него требуется, и ему это не понравилось. Соня почувствовала сопротивление дракона и секундой позже поняла, что перед ними самка.

Соня пришпорила дракона, но в поле зрения появился другой враг — Ильза Раструб на черном гиганте. Глава Меры быстро сориентировалась, девчонка нужна была живой. Она

направила дракона наперерез Соне, готовя сеть. Сердце девочки сжалось, вверху закричал Горыныч, его тоже атаквали со всех сторон.

— Гадина! — крикнула Соня и, круто развернув дракона, заставила его кинуться вниз, прямо в бурную реку. Ездовой дракон послушался, он умел делать вертикальные спуски, хотя его всегда дрессировали на плавное снижение. И сейчас, правильно истолковав команду, он сложил крылья и понесся вниз. Ветер бил в лицо так сильно, что Соня едва могла видеть. Она, привстав в стремях, ждала, когда дракон отвернет. Инстинкт животного сработал, Зеленуха не собирался прощаться с жизнью, резко вывернул над самой водой и полетел над рекой, почти касаясь крыльями воды.

Сердце девушки готово было выпрыгнуть из груди от смертельного спуска. Но надо возвращаться на помощь Горынычу, он там один против пятерых. Сражение сместилось вниз, Горыныч пытался увернуться от насевших верхотуров. Здесь им труднее атаковать, поэтому у него есть шанс уцелеть.

Тут Соня заметила дракона, на котором сидел Эрвин. Парень, видимо, как-то достал Шлоса, и сейчас они дрались, если это можно назвать дракой, ведь у Эрвина были связаны руки. Неповоротливый верхотур развернулся, пытаясь вырубить опасного соседа, но юноша ловко уходил от ударов толстяка.

Шлос, похоже, взбесился, когда понял, что вместо атаки на Горыныча должен воевать с пленником. На хвосте у Сони повисла Ильза Раструб. Она плавно снизилась и направила черного гиганта вслед за Зеленухой. Он не понимал, что творится вокруг, тем не менее, исполнял команды наездницы, не пытаясь своевольничать. Убегать от Ильзы опасно, глава Меры как будто гнала Соню подальше от остальных, выталкивая из ущелья.

От оглушительного крика, который раздался позади, Соня чуть не выпала из седла. Это звал на помощь Горыныч. У девушки от этого вопля, кажется, волосы встали дыбом. Она резко развернула Зеленуху и бросилась прямо навстречу Ильзе. Соня не чувствовала страха, не думала о смерти, единственная мысль была о Горыныче. Два дракона неслись лоб в лоб друг на друга. В последнюю секунду дракон Ильзы свернул в сторону и задел крылом каменную стену ущелья. Рука главы Меры дрогнула. Зеленуха пронесся мимо, Соня даже не оглянулась на крик Ильзы, она забыла о ней спустя секунду.

Три дракона взяли в кольцо Горыныча. Два противника по бокам, один сверху. Два дракона, как по команде, бросились на Горыныча, и Соня направила Зеленуху прямо на них. Верхотур, который летел сверху, кинулся на девушку. Соня не знала команд, которые заставляют драконов идти в бой, она только сильнее пристукнула ногами и взмахнула поводьями. Послушный Зеленуха понял, чего хочет всадница, и устремился на противника. Еще секунда — и два дракона налетели друг на друга, выпустив шипы.

Теперь всё зависело от характера бойцов. Соня вжалась в седло, ее положение нельзя было назвать устойчивым. Девушка увидела, как верхотур схватился за арбалет. Неужели будет стрелять? В неё? Руки, сжимавшие поводья, как будто скрутило судорогой. Драконы грызли друг друга, били крыльями. Верхотур пытался прицелиться, но никак не мог выбрать момент. Зеленуха зубами ухватил противника, и в этот миг железная стрела с острым наконечником глубоко вошла ему в грудь. Кровь брызнула фонтаном, Зеленуха жалобно закричал и повалился вниз, беспомощно хлопая крыльями. Нападавший дракон добивал его, лишая последней возможности взлететь.

Обессилевший Зеленуха падал в реку, которая стремительно приближалась. Вода крутилась водоворотами, разбивалась брызгами о каменную темницу, поджидая добычу.

— Горыныч! — отчаянный крик Сони взмыл над ущельем, отражаясь многочисленным эхом от каменных стен.

В этот момент темная тень накрыла ее. Противник, который избивал Зеленуху, подпрыгнул, перевернулся в воздухе, перед глазами девушки мелькнула спина верхотура, его шапка, слетевшая с головы, и арбалет, выпавший из рук.

Стрела! Стрела!

Соня не верила своим глазам. Откуда она взялась? Дикарка оглушила верхотура и его дракона, и теперь эти двое, кувыряясь, летели в реку. Стрела стремительно снизилась, и, когда Зеленуха свалился, почти зависла над ним. Течение тут же подхватило дракона, и Соня оказалась в воде.

Вмиг намокшая одежда потянула девушку на глубину. Соня боролась с течением, Стрела летела прямо над ней, пытаясь выхватить из воды. Девушка теряла силы, несколько раз вода скрывала ее с головой. И Стрела пошла на отчаянный шаг, бросилась в воду рядом с девчонкой. Соня, почувствовав опору, ухватилась за жесткую шею своей спасительницы.

В воде не было видно слез Сони, но она плакала. Неужели дракониха так благодарна за горсть сухого кошачьего корма, что уже второй раз рискует жизнью ради нее? В сердце Сони вспыхнула такая жаркая признательность к Стреле, что она крепко-крепко стиснула шею дикарки.

Стрела, напрягшись всем телом, выпрыгнула из реки и, расправив отяжелевшие от воды крылья, стала взлетать. Ни седла, ни поводьев не было, но дракониху не надо прищипоривать. Она знала, что делать. Вверху бушевал бой. Горыныч против трех верхотуров и Ильзы, дракон которой повредил крыло. Сердце Сони екнуло от страха, она вспомнила арбалет и железную стрелу с острым наконечником, которая как нож в масло вошла в шею Зеленухи.

Черный дракон поднялся чуть выше над схваткой, видимо, Ильза не хотела рисковать. Она выжидала, принимая решение. Глава шайки потеряла двух бойцов из своей команды, и теперь ей требовалось действовать осторожно. Горыныч предпринял еще одну попытку оторваться от преследователей. Гонка продолжилась с новой силой. Каменное ущелье никогда не видело подобного зрелища: пять драконов метались в узкой расщелине, демонстрируя чудеса эквилибристики.

Стрела почему-то выбрала дракона Шлоса. Соня мысленно согласилась с ней. Там был Эрвин, и ему требовалась помощь. Когда Стрела приблизилась к дракону, Соня увидела жуткую картину. Верхотур, клинком разрубив веревки, которыми был привязан парень к седлу, рванул вверх, и Эрвин слетел с седла, в последний момент зацепившись связанными руками за сеть, закрепленную сбоку. Он точно мешок болтался под брюхом дракона, пытаясь подтянуться повыше. Когда Шлос заметил приближающуюся Стрелу, он стал закладывать виражи, на которые только был способен его дракон, так что Эрвин еле держался. Надежда была только на выносливость парня.

Стрела изменила тактику. Она решила напасть на Шлоса сверху. Верхотур понял ее замысел. Всадник видел, как Горыныч убил Сониного тюремщика. Дракон Шлоса убежал от Стрелы, вилея из стороны в сторону. Соне казалось, что Эрвин вот-вот сорвется и полетит в пропасть. Но парень держался. Он попытался закинуть ногу на сетку, с третьей попытки ему это удалось. Если бы еще развязать руки! Кинжал верхотура остался за поясом у Сони. Как передать его Эрвину?

— Ближе, ближе к нему! Выше! Еще немного! — закричала Соня.

И Стрела пустилась вдогонку за толстяком. Девушка решила на отчаянный шаг. В тот

момент, когда дракониха поравнялась с верхотуром в узкой расщелине, Соня сгруппировалась, прыгнула ласточкой, выставив руки вперед, и ухватилась за сеть, на которой был Эрвин. Этот краткий миг полета над бездной оказался безумно страшным и настолько же безумно восхитительным. В это мгновение Соня почувствовала, что перешла какую-то невидимую черту.

Стрела резко бросилась под брюхо неповоротливого дракона, она страховала безрассудную наездницу.

— Я в порядке, — крикнула Соня драконихе, — лети к Горынычу!

Стреле не надо было повторять, она тут же ринулась в направлении главного боя.

Шлос, увидев, что произошло, пришел в ярость. Он заставил дракона метаться из стороны в сторону, но Соня, ухватившись за плетения сетки, смогла приблизиться к Эрвину и перерезала веревки, связывающие ему руки. Бешеный дракон Шлоса ринулся в сторону, потом вниз. Эрвин, цепляясь за ячейки сети, пополз вперед.

— Держись! — крикнул он девушке, хотя она и так вцепилась мертвой хваткой.

Соне вдруг пришла в голову мысль, что Шлос может отцепить сеть, и они улетят в пропасть. Странно, что он этого еще не сделал.

Эрвин уже болтался под самым брюхом дракона. Он карабкался всё выше. Соня поняла, что парень хочет забраться на спину дракона. От такой наглости Шлос совсем озверел. Острой пикой он попытался достать парня, но собственная толщина верхотура мешала ему. Он не мог как следует развернуться и поразить противника. При очередном ударе Эрвин схватил пику и с силой дернул за нее. Верхотур пошатнулся. Есть! Пика оказалась в руках Эрвина. Шлос испугался. За его спиной находился враг с оружием в руках. Одновременно управлять драконом и драться с Эрвином верхотуру оказалось не под силу.

Шлос взревел как бешеный зверь, призывая на помощь. Соня увидела, как черный дракон стремительно приблизился к ним, а его наездница Ильза Раструб подняла арбалет. Женщина хладнокровно целилась в Эрвина.

Ненависть жаркой волной поднялась из самой глубины и с головой накрыла Соню, ярость переполнила ее сердце, внутри как будто зародился огромной силы разрушительный смерч. Соня дернулась вперед, выпуская этот смерч навстречу черному дракону. В эту секунду Мор содрогнулся, как от удара в грудь, и стрела из арбалета просвистела над головой Эрвина. Необъяснимый жуткий страх охватил Ильзу. Что это было? С чем они столкнулись? Прежняя выдержка на мгновение покинула главу Совета Меры.

Эрвин, воспользовавшись небольшой передышкой, вскарабкался на спину дракона. Шлос повернулся, но было поздно. Парень расстегнул карабин и, вложив всю силу в удар, выбил верхотура из седла. Шлос полетел вниз, оглашая ущелье истошным ревом.

Соня не отрывала глаз от наездницы на черном драконе. Ильза вновь подняла арбалет. Но теперь драконом Шлоса управлял Эрвин. Ему требовалось оторваться от Ильзы и не навредить Соне.

И тут как вихрь налетели драконы: послышались крики, ругань, свист крыльев, лязг арбалетов. Горыныч и Стрела пытались уйти от стрел верхотуров. Про нападение они и не думали. Соня вдруг ощутила страшную слабость. Руки уже не могли крепко сжимать веревку, ноги дрожали, во рту пересохло, в глазах всё раздвоилось.

— Как ты? — закричал Эрвин, свесившись вниз. — Сможешь подняться?

Соня отрицательно замотала головой, у нее иссякли силы. Совсем близко от девушки пронесся Горыныч. Зарычала Стрела, Соня уже различала ее голос, кажется, дракониху

ранили. Удивительно, что Горыныч так долго держался. Он как будто предугадывал действия противников, ловко маневрируя и уходя от них.

Внезапно под Соней возникла спина дракона с таким родным небольшим костяным гребнем. Девушка расцепила пальцы и рухнула вниз, прямо на шею Горыныча. Он догадался, что Соню надо спасать, ощущал ее состояние, словно внутри у него был невидимый датчик.

Соня, обхватив жесткую шею руками, прижалась к Горынычу. Он снова появился вовремя. От дракона исходила необыкновенная энергия. Слабость отступала. Похоже, гонки повторились. Соня и Горыныч опять летели то вверх, то вниз, убегая от преследователей. Правда, теперь на кону стояли их жизни.

Горыныч рванул вперед, криком возвестив об этом. Он мчался прочь из ущелья, уводя за собой троих верхотуров. Стрелу ранили, и теперь она отстала. Эрвин обогнал ее и бросился за основной группой. Последней была Ильза.

Ущелье расширялось, Горыныч набирал высоту. Внизу открылся совершенно изумительный вид, но Соне было не до него. Как оторваться от преследователей? Драконы верхотуров мощнее, они начали приближаться к беглецу. Трофеей, за которым они гнались, у Горыныча, и атака готовилась именно на него. Дракон Шлоса по имени Рамзес совершенно не слушался Эрвина, хотя он колотил его в бок ногами, заставляя прибавить скорости. Стрела догнала Эрвина и помчалась на помощь к Горынычу. Рамзес вдруг рванул за ней.

Ильза что-то кричала своим сообщникам, раздавая команды. Горыныч обернулся. Он увидел Стрелу, Эрвина на мощном Рамзесе, арбалеты, направленные на них. Верхотуры решили сначала избавиться от преследовавших драконов, а потом заняться Горынычем. Соне не надо было даже ничего делать, как ее серебристый дракон развернулся и помчался на обидчиков. Они как-то странно пропустили его и взяли в кольцо всех троих. Теперь они находились под прицелами арбалетов.

— Девчонку взять живой! — крикнула Ильза.

Соня совершенно отчетливо услышала ее голос.

Они сейчас всех убьют

Девушка оглянулась, глубоко вдохнула, ощущая, как ширится и растет неконтролируемый поток силы, закрыла глаза и ударила всей мощью, которая взорвалась у нее внутри и полетела во врагов. Соня уже знала, как это делать. В ту же секунду сознание ее погрузилось во тьму.

Глава 21. У каждого своя цель

Приглушенные шаги раздавались в тишине коридора. Ильза Раструб шла на Совет Старейшин, куда была вызвана с отчетом. Она терпеть не могла ходить в туфлях без каблука, предпочитая шпильку не ниже восьми сантиметров. Высокий каблук предполагал гордую осанку, прямую спину, царственный взгляд и поступь повелительницы, ясно заявляя о статусе даже тогда, когда хозяйка элитной пары предпочитала хранить молчание. Но сейчас Ильза не могла надеть обувь, которая делала ее королевой в глазах общества. После недавней контузии тело Ильзы было до сих пор как ватное, а ноги и вовсе грозили подвести в любую минуту. Собственная беспомощность бесила Ильзу не меньше предстоящего слушания.

Мало того, что ее временно отстранили от должности главы Совета Меры, так сейчас еще готовили «публичную порку». Сборище высокомерных ослов — так про себя называла Ильза старейшин — хотело выместить на ней свою некомпетентность, медлительность и недалекость. Они требовали провести следствие по поводу принятого Ильзой решения

и вынести карающий вердикт. Никогда еще Верховия не была так близка к достижению своей цели, а эти глупцы уже затопали ногами, даже близко не разглядев замысел великой провидицы.

Ильза усмехнулась: образ великой провидицы и ее священной миссии волновал воображение не меньше высоты, которую глава Меры любила до самозабвения. От выступления Ильзы на Совете Старейшин сейчас зависело многое. Смысл жизни воительницы и выбор, который она сделала когда-то давно, оказался под угрозой. Бой, который глава Меры сегодня собиралась дать, казался самым главным в ее судьбе.

Ильза Раструб, сохраняя идеальную осанку, вошла в зал заседаний Совета Старейшин. Она не опоздала ни на минуту, явилась в точно назначенное время. Кафедра для выступлений пуста, и Ильза не спеша двинулась к ней. Сейчас бы ей оченьгодились высокие каблуки. Они помогли бы выпрямить спину, развернуть плечи, высоко поднять голову, добавили уверенности взгляду. Но даже без них стальная леди несла себя так, что присутствующим невольно хотелось преклонить колени.

Ильза вошла на кафедру, легким поклоном головы приветствуя старейшин, и произнесла голосом снежной королевы:

— Доброго дня, уважаемые старейшины. Мой отчет будет краток. Я считаю, Совет Меры принял правильное решение, которое уважаемые старейшины поставили под сомнение. Перед нами стояла сложная задача, и наш вердикт был наилучшим из возможных. Я ни в чём не раскаиваюсь и полностью отдаю себе отчет в словах и поступках.

Гул, который поднялся в рядах присутствующих, означал только одно: от такой наглости даже они опешили. Председательствующий застучал молотком, призывая к тишине. Первым взял слово невысокий лысоватый старейшина с круглым брюшком, представляющий Светозар, — Бажен Светозаров, отец Добромира.

Глава Меры, глядя на блестящую лысину старейшины, знала на сто процентов, кто науськал этого господина. Добромир Светозаров открыто встал на сторону победительницы гонков. Жаль, что Ильзе поздно донесли о подкупе. Чемпион хорошо заплатил конвоирам, и те устроили девчонке свидание с драконом. Стальная леди не успела разобраться с мздоимцами [1], но это было делом времени. Глава Меры никогда ничего не забывала. А теперь, по наущению сына, старейшина Светозара изображал великое негодование, решив высказать наболевшее.

— Ваше видение ситуации говорит об одном: вы слишком высоко взлетели, Ильза, — Бажен был уверен, главная змея Верховии уже записала его в личные враги. — Вы отправили двух подростков на Великую Вершину, даже не представив сведения о них Совету. И с легкостью сообщили нам, что это было самым разумным решением.

— Решение было принято на основе данных Высотомера, — парировала Ильза.

— К Великой Вершине приговаривают преступников, в крайнем случае туда отправляются добровольцы, — не отступал Бажен.

— У нас был тот самый крайний случай. Юноша, который жаждал идти на Вершину, и девушка, под чужим именем победившая гонку и показавшая невиданный результат на Высотомере. Она не чувствовала боли при спуске.

— Как же вы могли девушку с уникальными данными послать на смерть? — возмущенно спросил старейшина Мирогграда.

Глава Меры не знала этого мужчину, но мгновенно взяла на заметку его пышные бакенбарды.

— А что, по-вашему, я должна была сделать? — Ильза даже не собиралась маскировать свой сарказм.

— Надо было всё продумать, взвесить и снарядить серьезную экспедицию, — взвился Мироградец.

— Экспедицию? Какую экспедицию вы предлагаете собрать? Состоящую из преступников? — отрывисто бросила Ильза. — Или из добровольцев? — она хищным взглядом обвела зал, ища хотя бы одного несогласного. — Вы уверены, что в ваших словах есть хоть капля здравого смысла? — глава Меры обращалась ко всем, с трудом сдерживая гнев. — Девушка в компании с душегубами, ожидающими казни, — такое сборище вам кажется удачным? А что вы скажете про добровольцев — пациентов сумасшедшего дома? Хоть раз были другие? Про какую экспедицию вы сейчас толкуете?

В зале повисла тишина, нарушаемая шуршанием бумаг и скрипом перьев по пергаменту.

— У вас не было личного мотива избавиться от молодых людей? — неожиданно задал вопрос председатель Совета Тирольд Активный.

— Я первый раз видела их, — ответила Ильза, но в голосе ее почудилась досада.

— При испытании на Высотомере вы говорили обратное.

— Напомните мне, возможно, я что-то упускаю, — произнесла глава Совета Меры.

— Вы сказали, что Эрвин Вышнеф — уклонист и вы достаточно долго искали его.

— Верно, он числился в списках уклонистов.

— Вы знали, что дед Эрвина был обвинен в дверничестве и был сослан на Великую Вершину.

— Это правда, — подтвердила Ильза.

— Минуту назад вы утверждали, что не знали ничего, — Тирольд мягко продолжал допрос.

— Я не знала Эрвина Вышнефа лично, но сведения о нем у нас были.

— Заметьте, засекреченные сведения. Это говорит о том, что вы интересовались персоной юноши и держали на контроле его поимку.

— Конечно, меня интересовала фигура уклониста, дед которого был дверником. Было бы непростительной глупостью обойти вниманием такой экземпляр.

— И этот экземпляр, — Тирольд сделал упор на слове экземпляр, — мгновенно был послан на Великую Вершину, чтобы погибнуть. Не парадокс ли?

Председатель внимательно следил за реакцией Ильзы. Поза главы Меры не изменилась, она не отвела глаз, не дрогнула, не опустила вздернутый подбородок, хотя вопрос, в котором звучало замаскированное обвинение, любого сбил бы с ног.

Не зря Тирольд Активный был главой Совета Старейшин, не зря ел свой хлеб. Он умел мыслить на два хода вперед. Он покопался в биографии стальной леди и сопоставил некоторые факты. Кажется, Ильза недооценила председателя, этого хитрого лиса, уже предвкушавшего закусить ею на обед. Ильза Раструб сосчитала про себя до пяти. Впредь надо быть умнее и не мнить, что противник слабее тебя. Глава Меры не торопилась с ответом. Совет Старейшин замер в ожидании: шах или мат поставил Тирольд Активный?

— Эти двое живы, — сказала Ильза после минутного молчания.

Ее реплика была подобна электрическому разряду, ударившему присутствующих. Схожую реакцию Эльза видела месяц назад, когда Высотомер показал результат Сони. Сейчас же, на удивлении Раструб, старейшины быстро справились с шоком после ее заявления. Собираясь на Совет, Ильза сто раз подумала, стоит ли выкладывать свой козырь.

Но сейчас, после недвусмысленных намеков, она решила пойти ва-банк. Ильза не привыкла проигрывать. Когда шум стих, а допрос продолжился, в зале не осталось ни одного равнодушного. К н и г о е д . н е т

— Как вы докажете свое заявление? — Тирольд Активный взял инициативу на себя.

— Мы их видели, — Ильза бесстрастно посмотрела на него, не дрогнув ни единым мускулом лица. Ее выдержке можно было позавидовать.

— Кто «мы»?

— Я и мои люди.

— Где вы видели приговоренных?

— В горах недалеко от Межгорья.

— Каким образом выследили их?

— Я предусмотрела некоторые варианты. В Межгорье был осведомитель, который сообщил о том, что, возможно, путешественники явились.

— В таком случае где они?

— Сбежали.

— Вы хотите, чтобы на основе показаний осведомителя мы поверили вам?

— Я могу под присягой подтвердить, что видела их и говорила с ними. Мои люди тоже подтвердят.

Пауза, которая возникла после реплики Ильзы, дала старейшинам минуту на размышление. Все знали, Раструб не склонна к фантазиям. Но что делать с той информацией, которую они сейчас слышали? Рукоплескать главе Меры или отстранить ее от должности навсегда? Такие фанатики, как Ильза Раструб, истово служили государству, но их преданность делу зачастую становилась опасной для окружающих. Не раз и не два подавались жалобы на Ильзу. А нынешний случай самоуправства был просто вопиющим. Тем не менее интуиция и сейчас не подвела главу Меры.

Тирольд хмурился: ему не нравились стальная леди и ее методы. Но кто, кроме Ильзы, способен довести дело до конца? С места подняла руку старейшина Базиса — Нела Ведельф, седая дама с лицом амазонки и пронзительным взглядом голубых глаз.

— Вы считаете, дети дошли до Вершины? — громко и четко спросила она поставленным голосом.

Глаза Ильзы и Нелы встретились. Если бы могли, дамы проткнули друг друга взглядами не хуже лезвий шпая. Ни одна из них не уступила в поединке. Ильза поняла, куда клонит старейшина Базиса. Если не остановить Нелу, главу Меры могут объявить детоубийцей.

— Они утверждали, что не дошли, — Ильза старалась говорить как можно спокойнее.

— Это может быть правдой? — глаза старейшины Базиса буравчиками вкручивались в главу Меры.

— А почему вы сомневаетесь? У победительницы не было зависимости от высоты, она вполне могла увести попутчика вниз.

— Я хочу услышать ваше мнение. Смогли дети забраться на Великую Вершину или нет?

При слове «дети», которое Нела Ведельф вновь повторила с нажимом, Ильза Раструб не смогла сдержать эмоций — злобная гримаса исказила ее лицо.

— Я думаю, они не были на Вершине, — сказала глава Меры отрывисто, представляя, как голова Нелы Ведельф катится по проходу между креслами старейшин. — Хотя не берусь утверждать. Всё могла бы решить проверка на Высотомере.

[1] Мздоимец — взяточник.

Добромир, укутанный в темный плащ с капюшоном, шел по вечернему Энобусу. Он уже не первый день совершал обход улиц, украдкой взглядываясь в лица людей, попадавших в поле зрения. Сейчас в этом человеке опознать чемпиона почти невозможно — так изменился он в последнее время.

Крышесносный красавец, звезда гонок, любимец фортуны, баловень судьбы — Добромир Светозаров и в страшном сне представить не мог, что с ним произойдет подобное.

После того, как парень покинул Соню, проливающую слезы по Горынычу, он почувствовал себя так скверно, будто весь мир в одно мгновение перестал существовать. Добромир подкупил начальника стражи, и гвардейцы устроили Соне короткое свидание с драконом. Небольшая помощь девушке, которую ждала Велика Вершина, показалась Добромиру ничтожно малой. Уже дома, в родовой усадьбе Светозаровых, Аполлону стало совсем худо: он не мог ни спать, ни есть, ни что-либо делать: забросил тренировки и ко всему потерял интерес.

Добромир порвал отношения с Иоланой, весьма жестко поговорив с ней, прекратил общение с матерью, которая пыталась помирить его с так называемой невестой. Бывших друзей, советовавших плюнуть на всё, он просто на дух не переносил. Всё стало не важно, и не нужно. Всё, чем он горел и жил, в одночасье исчезло, испарилось, оставив вокруг него абсолютную пустоту.

Сидя ночью на крыше своего дома, Добромир помнил, как тогда, в минуту беспросветного отчаяния, ухватился за одну-единственную мысль, ставшую его спасательным кругом. Он убедил себя, что Соня жива, ей нужна помощь и ему надо найти девушку. В тот момент он решил действовать и незамедлительно ринулся в Энобус. Почему в Энобус? Он и сам не знал ответ на этот вопрос.

Добромир остановился в доме двоюродного дяди, дряхлого старичка, почти выжившего из ума. В первую же ночь Светозаров как в горячке тайно проник в департамент жилища, чтобы найти в документах упоминание о семье Эрвина. Попытка оказалась безуспешной. Он ведь не знал, что дом записан на Аннету Вальц — бабушку Эрвина. Семья жила под фамилией Вальц, чтобы не светить родство с дверником Никандром Вышневым.

Неудача не испугала Добромира, он и не подумал отказаться от поисков. Известный всем и каждому чемпион не хотел быть узанным и выбирался на улицы города только по вечерам в длинном плаще с капюшоном. Он бродил по переулкам как заведенный, твердя себе, что хочет найти дом Вышневых. Он прислушивался к разговорам в лавках, цирюльнях, крадучись заходил в трактиры, садясь где-нибудь в углу. Юноша горячо молился всем богам, прося о помощи, и боги слышали своего любимца.

Они не могли не откликнуться на его зов. Однажды вечером около небольшой аптечной лавки чемпион в потемках наткнулся на Эрвина. Добромир до сих пор не знал, как смог устоять на ногах, не потерять самообладание и не выдать себя. Как смог проследить за Эрвином, оставшись незамеченным, как ловко расспросил соседей о доме, где скрылся парень, как всю ночь тайно провел под окнами жилища, прислушиваясь к каждому шороху. Утром ему пришлось покинуть свой пост, чтобы вечером вновь явиться туда же.

Глава 22. Домой

Приятное тепло обволакивало все тело, причем один бок нагрелся сильнее. Наверное, солнце уже поднялось высоко и стало припекать.

Соня, лежала с закрытыми глазами и почему-то никак не могла их открыть. То ли явь, то ли сон держали ее в своих объятиях.

Как хорошо валяться на теплой лужайке...

— Соня, — позвал откуда-то издали знакомый голос. — Соня.

Сердце девушки забило сильнее.

Мама? Мама!

Соня с трудом разлепила глаза. Над ней склонилось незнакомое улыбающееся женское лицо.

— Наконец-то очнулась, — сказала женщина.

— Где я? — прошептала девушка еле слышно.

— Дома, — ответила незнакомка.

Соня обвела глазами небольшую комнату со старинной мебелью и с полками, похожими на книжные. На них ютились многочисленные поделки: деревянные фигурки, плетеные корзинки, бумажные фонарики, прозрачные шары с начинкой. Окна закрыты желтыми занавесками в мелкий цветочек. Это не ее дом, но слова женщины звучали так убедительно, что хотелось верить.

Женщина вышла из комнаты и вернулась с большой глиняной кружкой. Соня сделала глоток, травяной сбор показался ей горьким, она поперхнулась.

— Пей понемногу, — приговаривала женщина, помогая сделать еще глоток, — это вернет тебе силы.

— Кто вы? — спросила Соня.

Теперь она смогла лучше разглядеть высокую темноволосую незнакомку, которую можно было бы назвать красавицей, если бы не ее грустные, как будто выцветшие светлые глаза, в глубине которых таилась невыплаканная печаль.

— Зови меня Авивия, — представилась женщина.

Что-то неуловимо знакомое было в ее интонации, манере говорить. И это что-то грело душу намного сильнее, чем горячий травяной сбор. Соня хотела, чтобы Авивия никуда не уходила, девушке был приятен ее голос, внешность, неторопливые движения. Соня всмотрелась в лицо женщины, силясь вспомнить, откуда она ей знакома. Надо вспомнить. Вспомнить...

Яркая вспышка. Эрвин! Горыныч! Стрела! Где они? Стон вырвался из груди девушки, она непроизвольно сжала кулаки. Воспоминания нахлынули тяжелой волной, скрутив ужасным предчувствием.

— Что случилось? Тебе больно? — женщина растерянно оглянулась в поиске того, что могло бы помочь девушке. — Смотри, что я нынче сделала, — Авивия взяла с полочки плетеный браслет, демонстрируя Соне узорное плетение. — Это оберег, внутри него чешуя дракона. Нравится?

— Да, — Соня кивнула, и горло ей сдавил спазм.

— Давай-ка я тебе его завяжу, — Авивия аккуратно обвила руку девушки браслетом. — Я сама всё делаю. У меня маленькая сувенирная лавочка. В Энобус приезжает много туристов, и все хотят на память какую-нибудь безделушку. Местные жители не заглядывают в подобные лавки, их эти поделки не интересуют, а приезжие с удовольствием заходят ко мне.

Дверь комнаты отворилась, и на пороге возник заспанный Эрвин.

— Мама, почему ты не позвала меня? — воскликнул он, бросаясь к кровати, на которой

лежала девушка. — Она пришла в себя?

— Эрвин... — прошептала Соня. — Эрвин.

— Зачем так врываться? — Авивия укоризненно покачала головой. — Напугал больную.

Ей нельзя волноваться.

— Я хочу волноваться, — чуть слышно сказала Соня и слегка пошевелила пальцами.

Эрвин присел рядом с кроватью на низкую табуреточку и осторожно погладил Сонину руку. Это легкое прикосновение заставило её улыбнуться.

— Как мы сюда попали? — спросила она.

— Эрвин, Соня еще слаба, — обратилась к сыну Авивия, — поговорите завтра.

— Нет, — Соня отрицательно замотала головой и сжала ладонь юноши, — сейчас.

— Мы дома. Всё хорошо. Не беспокойся.

Парень повернулся к матери, умоляюще посмотрел ей в глаза. Женщина вздохнула, покачала головой и бесшумно вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

— Горыныч, Стрела? Где они? Что произошло?

Эрвин молчал, он не знал, с чего начать. Стоит ли рассказывать то, что лучше забыть? Память ведь вернется к девушке, и что потом будет?

— Помнишь, как нас окружили? — спросил он.

— Да, — кивнула Соня, — сейчас вспомнила.

— А потом верхотуров раскидало в стороны, как от взрывной волны. Это ты оглушила их?

— Я.

— Соня, ты понимаешь теперь, какой у тебя дар?

— Он ужасен?

Девушка не выглядела испуганной, хотя голос ее изменился.

— Это смертельный дар, ты чуть не умерла, была без сознания целых три дня.

— Я хотела их убить, — прошептала Соня. — Они погибли?

— Думаю, нет, ты, скорее, оглушила их. Мы улетели оттуда, больше их не видели.

— Эрвин, я думаю, мне нельзя ненавидеть. Это... это очень страшно.

Эрвин посмотрел в потемневшие глаза Сони. Такая боль прозвучала в ее словах!

— Верхотуры сами виноваты. Они вынудили тебя. Но ты права. Лучше этого не делать.

Разговор оказался не из легких. То, о чем они сказали вслух, тяжким грузом легло на плечи. Всё оказалось гораздо сложнее, чем они предполагали. Соня подняла глаза на Эрвина.

— А драконы? Что с ними?

— Когда ты оглушила эту шайку, мы удрали оттуда. Я... — Эрвин сбился, не представляя, как передать тот ужас, который он испытал, увидев неподвижную Соню на спине Горыныча. — Я не знал, что предпринять, ты была без сознания, я решил лететь в Энобус, надеялся на помощь, да и здесь вряд ли бы нас стали искать. Мы беспрепятственно попали в город, а потом сюда домой.

Соня смотрела на осунувшееся лицо Эрвина, которого как будто вновь накрыл приступ ужаса и беспомощности.

— Я не знала, что у тебя есть дом, — улыбнулась она.

— Показал тебе все тайные места, ничего больше не осталось, — в тон ей ответил Эрвин.

— Горыныч и Стрела в порядке?

— В полном порядке. Они, оказывается, образовали пару. Думаешь, почему Горыныч исчез с поляны? Стрела его отыскала и увела за собой. Каким чудом он нашел нас в каньоне, я не знаю. Наверное, у него всё-таки есть шестое чувство. А Стрела прилетела следом, — Эрвин вздохнул.

Он вспомнил, как Горыныч бережно летел, неся Соню на спине, как аккуратно и плавно совершил посадку, как обнюхал лицо девушки, когда юноша снял ее с его спины. Как топал вслед за ним с Соней на руках.

— Я принял решение, — сказал Эрвин, — отпустил Горыныча на волю. Подружка у него дикарка. Да еще этот побег из Калитки. Горыныч сейчас вне закона. На воле ему будет безопаснее, — Эрвин с сожалением развел руками. — Теперь у нас нет драконов, вот и всё. Ты расстроилась? — Эрвин внимательно посмотрел Соне в глаза.

— Нисколько, — ответила она серьезно. — Я рада за них. Они наши спасители.

— Забыл сказать, Рамзеса я тоже отпустил. Чертов дракон был совершенно неуправляем, да еще решил составить конкуренцию Горынычу, приударить за Стрелой, — Эрвин погладил руку девушки. — Самое главное, ты жива. Всё остальное в прошлом. И не будем его ворошить.

За дверью слышались голоса. Авивия с кем-то спорила, увещевая его, а раздраженный тон собеседника слышался всё ближе. Похоже, женщина сдерживала мужчину, который рвался в комнату. Соня не успела испугаться, как дверь распахнулась и на пороге возник небритый седой мужчина среднего роста в очках с затемненными стеклами. С виду он напоминал судью, непоколебимо уверенного в своей правоте. Следом за ним вбежала запыхавшаяся Авивия.

— Ты в курсе, что мы можем пострадать из-за тебя? — без предисловий начал мужчина, обращаясь к Эрвину. — Я не собираюсь молчать, мне дорога моя жизнь и жизнь твоей матери. Ты по уши завяз в дерьме и теперь тащишь на дно близких!

— Ты мне никто и находишься в моем доме! — гаркнул Эрвин, уже стоявший на ногах и сжавший кулаки. — Я здесь хозяин и буду делать что хочу.

— Когда тебя здесь найдут, нам всем конец, — яростно прошипел мужчина.

Его злоба выплеснулась на присутствующих вместе с ядовитой слюной, брызнувшей во все стороны, так почудилось Соне.

— Дурмитор, девочка еще очень слаба, — упавшим голосом проговорила Авивия, заранее зная, что ее слова бесполезны.

— Он законченный эгоист и государственный преступник, он не должен находиться здесь. Он всех погубит! — выкрикнул мужчина, бессильно повалился на стул и заплакал.

— Мы уйдем, как только Соня сможет встать, — сказал Эрвин, глядя на мужа матери.

Как же он ненавидел этого человека: труса и неудачника. Зачем мать вышла за него? Почему не послушала сына? Он и так не знал родного отца. За что ему такое счастье? Эрвин хотел бросить в лицо Авивии злые, ужасные слова, сказать, что благодаря чужому дядьке он стал гостем в родном доме, что незнакомый человек, влезший в его семью, рушит последний бастион родственных чувств. Эрвин с трудом сдерживал желание наброситься с кулаками на так называемого отчима. Только испуганные глаза Авивии останавливали парня. Эрвин понял, он не сможет избить негодяя на глазах у матери. На ее долю выпало так много страданий, что добавить туда еще свою ненависть и отчаяние он не посмеет.

— Мне намного лучше, — раздался спокойный, бесстрастный голос Сони.

В комнате сразу стало тихо, даже отчим прекратил истерику.

— Может, уйдем вечером, когда стемнеет? — обратилась девушка к Эрвину, застывшему как соляной столб посередине комнаты.

— Ты же совсем слаба... — проговорила Авивия дрожащим голосом.

Сердце матери разрывалось, когда она смотрела на сына и его подругу. Страх и беспокойство давным-давно пленили душу женщины, и никакими силами их невозможно оттуда изгнать. Авивия чувствовала себя несчастной, и в этом состоянии была почти всегда.

— Вы ошибаетесь, я не такая слабая, как вам кажется, — Соня попыталась улыбнуться.

— Я принесу еды, — засуетилась Авивия, — тебе надо подкрепиться, — женщина поспешила к двери и кинула мужу: — Пойдем.

Дурмитор тут же поднялся со стула и заспешил к двери вперед жены. Так или иначе, он добился своего и был собой доволен.

В тишине, которая повисла в комнате, почти осязаемо стало трудно дышать. За окном светило солнце, пробиваясь сквозь занавески. Но даже солнце не могло помочь Эрвину: дикая, необузданная ярость клубилась в груди, заслоняя всё вокруг.

— Как зовут птицу, которая щебечет там? — спросила Соня, когда молчание невыносимо затянулось.

Девушке не хотелось возвращаться к разговору, у нее не было ни сил, ни желания обсуждать семейные дела Эрвина. Ей казалось, что так будет только хуже, для себя она уже всё решила. Нынешний приют так же ненадежен, как и все остальные, и надо снова отправляться в путь. Не стоит нагнетать перед дальней дорогой, а в том, что она будет дальней, она не сомневалась.

— Слышишь, как поет? — не обращая внимания на угрюмость парня, спросила Соня. — У нас около дома парк, я, когда гуляю, всегда слушаю птиц. Таких трелей я не слышала. А, вот еще! Они перекликаются. Мама у тебя добрая, она мне оберег подарила. Я такие фенечки плести не умею, — Соня переключилась на плетёный браслетик. — Представляешь, внутри плетения чешуя дракона. А если бы это была чешуйка Горыныча? Ну, или Стрелы, например. И можно их позвать, крикнув, как в телефон, — Соня поднесла руку с браслетом к губам и произнесла: — Встань передо мной, как лист перед травой!

— Хорошо бы позвать, — медленно произнес Эрвин, — только я не знаю о телефоне, здесь такого нет.

— Значит, изобретёте. У нас тоже когда-то не было, — ответила Соня.

Настроение ее изменилось. Место безмятежности заняла тоска, даже солнце за окном померкло.

— Мне надо вернуться домой. Как можно скорее. Не хочу здесь оставаться. Я... разрушитель. Дома я буду неопасна.

— Не преувеличивай. Теперь, когда ты знаешь о себе, уже нечего бояться. Тебе надо лучше узнать дар цветка и подчинить его силу.

— Подчинить, чтобы убивать? Я же монстр.

— Ты не монстр. И ты очень мало знаешь о магии цветка.

— Я хочу домой. Я устала. Помогите мне. Пожалуйста, — слезы покатались по щекам девушки, и она скривилась: — Я стала такая плакса, извини.

— Ты самая красивая плакса на свете.

Соня невольно засмеялась.

— Ты обязательно вернешься. Раз был путь сюда, значит, есть и обратно.

Девушка вытерла слезы, она больше не будет плакать. Беспросветное отчаяние слегка

стихло. Слова Эрвина — самое лучшее лекарство для маленького измученного сердца, которое так нуждалось в защите. Лучики улыбки разбежались в уголках глаз девушки. Чувство, которое родилось в груди, окрепло.

Стук в дверь заставил вздрогнуть обоих заговорщиков, в комнату вошла Авивия с подносом еды.

— Надо подкрепиться. Давай-ка поедим, — нараспев проговорила она, обращаясь к Соне, как к маленькому ребенку. — Иди, Эрвин. Мы без тебя управимся.

Парень махнул рукой на прощание и вышел. Авивия поправила подушку в изголовье и подтянула девушку повыше, чтобы было удобнее есть.

Комок подкатил к горлу Сони. Как же она соскучилась по дому, по маме, по бабушке!

— Я булочек испекла, с корицей, — продолжала говорить Авивия, будто не замечая состояния гостя, — еще теплые. А вот напиток из ягод валиники, очень полезный. Хочешь, покормлю тебя?

— Мне уже лучше, я сама, — Соня протянула руку.

Аромат булочки такой знакомый. Девушка откусила маленький кусочек, потом еще один. Бабушка пекла похожие вертушки, как она их называла. Соня любила их есть с молоком.

Авивия улыбнулась, видя, как засветились глаза девушки, порозовели щеки, уголки губ поползли вверх. С каждой минутой Соня оживала.

— Покушай, а потом поспи, — сказала мать Эрвина. — Если что, зови меня, я рядом.

— А на улице солнце? — спросила Соня.

— Да, отличный денек.

— Откройте, пожалуйста, окно.

— Конечно, это самая светлая комната, — сказала Авивия, отдергивая занавески в стороны и открывая окно. — Подвеску Эрвин тебе подарил? — спросила она неожиданно.

Соня кивнула, горло сковал спазм.

— Я, когда тебя переодевала, увидела. Спасибо за Эрвина. Он сказал, ты спасла ему жизнь, — Авивия благодарно улыбнулась. — Хочешь побыть одна? — понимающе спросила она.

Девушка снова кивнула в ответ.

Мать Эрвина ушла, Соня закрыла глаза. Какое блаженство! Солнце осветило комнату, прохладный воздух хлынул в распахнутое окно. С улицы доносились неясные звуки, тоненько звенела маленькая птаха, вплетая мелодичный голос в шум города. Запах цветущих растений наполнил комнату легким нежным ароматом. Спокойствие и умиротворение охватило ее, тело сначала стало тяжелым, а потом превратилось в перышко. Незаметно накатила дрема, погружая сознание в глубокий безмятежный сон.

Почти как дома. Как хорошо. Мама, наверное, ушла на работу. А бабушка на рынок. Можно еще поваляться в кровати, сейчас ведь каникулы.

Весь день Добромир провел в раздумьях. Ему хотелось немедленно проникнуть в жилище Эрвина, чтобы увидеть Соню. Чемпион почти не сомневался, что она там. Нетерпение — плохой советчик, Добромир знал это, но ничего не мог с собой поделать, ему срочно требовалось что-нибудь предпринять.

Он продумывал план силового вторжения на территорию Вышневых. Мужа Авивии при сопротивлении Добромир вырубит без труда. С Эрвином, который не станет его слушать, тоже придется драться. Взвешивая все за и против, чемпион пришел к выводу, что парня он

победит, потом найдет Соню и предложит ей помощь.

Весь этот бредовый план крутился в голове Добромира по дороге к дому Вышневых. Уже подходя ближе, он увидел, как Дурмитор, суетливо вышел за дверь и потрусил по переулку. Тенью скользнув за мужчиной, Добромир в безлюдном месте нагнал его и прижал к стене.

— Соня у вас? — прошипел чемпион.

— Кто это? Какая Соня? — проблеял вмиг ослабевший Дурмитор.

— Победительница гонок, — Аполлон сжал горло мужчины и слегка приподнял его рыхлое тельце над землей.

— Нет, нет, — захрипел дядька, — у нас никого нет.

— А где Эрвин? — чуть приотпустив задыхающегося Дурмитора, спросил чемпион.

— Он, он... собирался уходить.

— Когда?

— Сейчас, — выпалил Дурмитор, почуяв, что новость поможет избавиться от вражины.

Добромир действительно мгновенно отпустил мужичонку, заячья душа которого безмолвно голосила на всю округу, а тело вибрировало в такт застрявшему в горле воплю.

— Ты никого не видел, — рыкнул чемпион в лицо Дурмитору, толкнул его и мгновенно скрылся в темноте.

У Добромира не было выбора верить или не верить дрожащему дядьке. Он, не мешкая, бросился к дому Вышневых и увидел, как мужская фигура исчезла за углом. Чемпион перевел дух.

«Успел», — пронеслось у него в голове.

Слежка не была сильной стороной Добромира, в своей жизни ему не приходилось заниматься подобным, не считая детских лет, когда он с пацанами играл в разбойников. Следуя за Эрвином, чемпион постарался вести себя как можно естественнее, хотя в плаще с капюшоном он не выглядел человеком, жаждущим переводить бабушек через дорогу.

Неожиданно Добромир потерял парня из виду. Тот будто сквозь землю провалился. Чемпион заметался, но Эрвина простыл и след.

«Был бы на драконе, не упустил паршивца! — подумал Добромир и, задрав голову вверх, принялся оценивать: — А путь по крышам? Всего-то надо забраться повыше и посмотреть по сторонам».

Идея не казалась такой уж глупой, и Добромир не задумываясь, ринулся к внешней лестнице, прикрепленной к фасаду одного из домов. Преодолев перекладины, пробалансировав по карнизу, подтянувшись несколько раз на руках, Добромир очутился на крыше и резво припустил по ней. Не успев пробежать и десяток шагов, парень заметил темный силуэт человека, который так же, как и он, бежал по крышам.

Выдержка, которую годами тренировал Добромир, сработала автоматически. Он спокойно и размеренно кинулся в погоню, избегая открытых мест. Привычным жестом, проверив пульс, который почти не участился, чемпион остался доволен. Дело оставалось за малым: узнать дорогу к убежищу Эрвина.

— Вставай, Сонечка, время к обеду, — прозвучал голос бабушки. — Я пошла в аптеку, у меня лекарство кончилось, потом к Матвеевне зайду, давно не виделись. Всё спишь и спишь. Хотя бы что рассказала про санаторий, как отдохнула? Да где я их положила?

Соня открыла глаза. Бабушка? Ходит по комнате, ищет свои очки.

— Бабуля? — она приподнялась на постели. — Бабушка... — проговорила девушка,

совсем проснувшись. — Бабушка! — Соня вскочила с кровати и прямо в ночной сорочке бросилась обнимать ее.

— Ой! Ты меня раздавишь. Сильная какая! — бабушка изумленно смотрела на Соню. — Да что ты меня душишь? Не узнаешь, что ли? — бабушка уселась на стул. — Аль приснилось что? Соскучилась, внученька?

Соня босая побежала на кухню, заглянула во все комнаты, выбежала в коридор. Не может быть! Девушка вернулась в свою комнату. Что такое бабушка сказала про санаторий?

— Бабуля, где я была? — спросила Соня, приближаясь к бабушке.

— Чего спрашиваешь, когда сама только оттуда?

Соня уселась на кровать. Санаторий? Бабушка твердо уверена. Ни беспокойства, ни сомнения в голосе.

— А мама скоро придет?

— Как всегда, вечером. А, вот они, — бабушка, наконец, нашла свои очки. — Пошла я, Матвеевна уже, наверное, заждалась. Настойку у нее возьму, колени натирать, — бабушка не торопясь вышла из комнаты.

Соня посмотрела вокруг. Всё, как раньше, всё на местах, но стало какое-то маленькое, меньше, чем она помнила. Везде ее вещи. Стол, ноутбук, ручки в стакане, который она лично обмотала тонкой бечевкой и украсила железными якорьками. Шкаф с одеждой. Полки с книгами. Под ногами пушистый белый коврик. На стеклянной полочке разноцветные затейливые фигурки кошек.

Как она перенеслась из Верховии домой? На ней та же ночная сорочка в цветочек, в которой она лежала на кровати в доме Эрвина. И кулон на шее. Что всё это значит? Как такое могло произойти?

На кухне Соня задумчиво съела бутерброд с сыром, выпила чаю. На колени вспрыгнул Барсик — любимый котик. Соня погладила его по мягкой шкурке, почесала за ушами, кот довольно заурчал. Ничего не говорило о том, что девушка была в Верховии.

Но ведь бабушка подтвердила, что Соня отсутствовала. Кто им внушил мысль о санатории? И они спокойно ждали и не волновались? Может, ее появление в другом мире было не случайно? И кто-то специально отправил ее в Верховию? Как тогда она снова очутилась в Поваринске? Вопросы мельтешили в тесном хороводе, ответы мелькали там же, но все неправдоподобные, как ряженые на ярмарке.

Стукнула дверь, Соня кинулась в коридор. Там стояла мама, радостно улыбаясь.

— Решила прибежать домой на обед. Соскучилась по тебе, — она протянула руки к дочери.

Соня кинулась к маме и крепко прижалась к ней. Всё было как прежде.

* * *

Несколько дней прошли в суматохе, встречах, беготне, разговорах. Соня действительно будто вернулась из поездки и окунулась в свой привычный мир. Оказалось, что у нее накопилась уйма дел. Через несколько дней начинались занятия в школе, а еще не было ни тетрадок, ни ручек, ни дневника.

Соня шла по улице, размахивая пакетом с покупками, и тут заметила собаку. Она бежала за хозяином, высоким седым сутулым стариком. Соня видела только его спину, но замедлила шаг, остановилась. Ей знакома эта собака? Или нет? Соня тряхнула головой. Не может быть. Девушка сделала пару шагов и опять оглянулась. Наваждение.

Мимо пронеслись двое пацанов на велосипедах.

— Догоняй! — крикнул один другому. — Я лучший гонщик!

Второй мальчишка, что было силы закрутил педали, желая не отстать от соперника. Соня посмотрела им вслед. Навстречу шел черноволосый парень в светлой футболке с короткими рукавами. Соня вгляделась и в его лицо. Что с ней сегодня?

Девушка присела на лавочку в глубине двора под вязами. Хорошее утро, а такая грусть накатила. Воспоминания, как тучки на летнем небе, заслонили ясный день. Неужели Верховия осталась в прошлом и больше никогда она не увидит ее? Соня машинально встала. Надо найти тот дом, подъезд, квартиру.

Ноги сами вели по дорожке, они знали, куда стремится хозяйка. Вскоре появился двухэтажный старый деревянный дом. Вот и открытый подъезд. Соня с замиранием сердца вошла в него. Ничего странного и необычного. Она медленно поднялась на второй этаж. Дверь всё та же, обитая коричневым ободраным дерматином. Соня прислушалась. Звуков из квартиры не уловила и тихонько толкнула дверь рукой. Закрыто.

Тогда Соня набралась смелости и постучала, звонка на двери не было. Постучала еще раз, а потом еще, более настойчиво. Из двери напротив выглянула старушка.

— Там никого нет, — сказала она сварливо. — Чего тарабанишь?

— А когда будут? — спросила девушка каким-то ломким голосом.

— Не знаю, хозяин редко появляется. А ты его знакомая, что ль? — старушка цепко взглянула на Соню.

— Дальняя родственница, — ответила она, уже спускаясь.

— У него отродясь родни не бывало, — бухтела старушонка вслед.

Но Соня не слышала, она распахнула дверь и вышла на улицу.

Тучки, закрывшие небо, уже разогнал ветер. Солнце светило ярко и радостно. Соня прищурилась, глядя на солнечный диск. Он закружился в ее глазах. Наверное, это был счастливый танец счастливого солнца. Счастлива ли была сейчас Соня?

Больше книг на сайте - Knigoed.net